
**СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ**

Периодическое научное издание

Основано в 2009 г.

Том 9, № 2, 2017

Главный редактор – канд. пед. наук **В.Н. Абросимов**

Зав. редакцией – **Т.А. Магсумов**

Ответственный секретарь редакции – **Я.А. Максимов**

Технический редактор, администратор сайта – **Ю.В. Бяков**

Компьютерная верстка, дизайн – **Р.В. Орлов**

**SOCIETY OF RUSSIA: HISTORICAL SPACE,
LINGUISTIC STRUCTURES AND
PHILOSOPHICAL VALUES**

Printed Scientific Periodical Edition

Founded in 2009

Volume 9, Number 2, 2017

Editor-in-Chief – **V.N. Abrosimov, PhD**

Deputy Editor-in-Chief – **T.A. Magsumov**

Executive Secretary – **Ya.A. Maksimov**

Support Contact – **Yu.V. Byakov**

Design and Layout – **R.V. Orlov**

Красноярск, 2017

Научно-Инновационный Центр

Кrasnoyarsk, 2017

Science and Innovation Center Publishing House

12+

Современные исследования социальных проблем, Том 9, № 2, 2017, 184 с.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) (свидетельство ПИ № ФС 77-39176 от 17.03.2010) и Международным центром ISSN (ISSN 2077-1770).

Журнал выходит четыре раза в год

На основании заключения Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России журнал включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы публикаций. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Журнал представлен в полнотекстовом формате в НАУЧНОЙ ЭЛЕКТРОННОЙ БИБЛИОТЕКЕ в целях создания Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Адрес редакции, издателя и для корреспонденции:

660127, г. Красноярск, ул. 9 Мая, 5 к. 192

E-mail: sisp@nkras.ru

www.soc-journal.ru

Подписной индекс в каталогах «Пресса России» – 94088, «СИБ-Пресса» – 94088

Учредитель и издатель:

Издательство ООО «Научно-инновационный центр»

Science and Innovation Center Publishing House

Society of Russia: historical space, linguistic structures and philosophical values, Volume 9, Number 2, 2017, 184 p.

The edition is registered (certificate of registry PE № FS 77-39176) by the Federal Service of Intercommunication and Mass Media Control and by the International center ISSN (ISSN 2077-1770).

The journal is published 4 times per year

All manuscripts submitted are subject to double-blind review.

The journal is included in the Reviewing journal and Data base of the RISATI RAS. Information about the journal issues is presented in the RISATI RAS catalogue and accessible online on the Electronic Scientific Library site in full format, in order to create Russian Science Citation Index (RSCI). The journal has got a RSCI impact-factor (IF RSCI).

Address for correspondence:

9 Maya St., 5/192, Krasnoyarsk, 660127, Russian Federation

E-mail: sisp@nkras.ru

www.soc-journal.ru

Subscription index in the General catalog «The Russian Press» – 94088,
«SIB-Press» – 94088

Published by Science and Innovation Center Publishing House

Свободная цена

© Научно-инновационный центр, 2017

Члены редакционной коллегии

Бочкова Ольга Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры "Иностранные языки и профессиональная коммуникация", Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.

Валеев Наиль Мансурович – доктор филологических наук, профессор, академик Академии наук Республики Татарстан (АН РТ), Академик-секретарь Отделения гуманитарных наук ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан», член Президиума АН РТ.

Галиева Фарид Габдулхаевна – доктор филологических наук, кандидат исторических наук, заведующий отделом этнографии ФГБУН «Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева» Уфимского научного центра РАН, доцент Филиала МГПУ им. М.А. Шолохова в г. Уфе, Россия.

Гасанов Магомед Магомедович – доктор исторических наук, профессор, проректор по учебной работе, заведующий кафедрой истории России с древнейших времен до конца XIX в. ФГБОУ ВПО «Дагестанский государственный университет».

Готовцева Анастасия Геннадьевна – доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры литературной критики факультета журналистики Института массмедиа ФГБОУ ВПО «Российский государственный гуманитарный университет», г. Москва, Россия.

Доценко Дмитрий Васильевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры педагогики детства, иностранных языков, информатики и частных методик Филиала Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева в г. Железногорске.

Зубова Яна Валерьевна – доктор социологических наук, профессор кафедры менеджмента Филиала ФГБОУ ВПО «Ухтинский государственный технический университет» в г. Усинске.

Зуляр Юрий Анатольевич – доктор исторических наук, доцент, декан исторического факультета, заведующий кафедрой политологии и истории ФГБОУ ВПО «Иркутский государственный университет».

Копцева Наталья Петровна – доктор философских наук, профессор, декан факультета Гуманитарного института ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет».

Корнилова Ирина Валерьевна – доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории и методики ее преподавания ФГБОУ ВПО «Набережночелнинский институт социально-педагогических технологий и ресурсов».

Литвин Александр Алтерович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой музеологии, культурологии и туризма Института международных отношений, истории и востоковедения ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет».

Мацневский Герман Олегович – доктор исторических наук, доцент, начальник научного отдела ФГБОУ ВО «Краснодарский государственный институт культуры».

Мостицкая Наталья Дмитриевна – кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры культурологии и антропологии ФГБОУ ВО «Московский государственный институт культуры».

Покрищук Дмитрий Владимирович – кандидат политических наук, преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва, Россия.

Поповкин Андрей Владимирович – кандидат философских наук, заведующий кафедрой философии ДВО РАН ФГБУН Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук.

Поповкина Галина Сергеевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнографии, этнологии и антропологии ФГБУН Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук.

Пулькин Максим Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории ФГБУН Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук.

Санко Наталья Ряфиковна – доктор философских наук, кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры философии и социально-гуманитарного знания ФГБОУ ВПО «Российский государственный университет туризма и сервиса».

Серов Николай Викторович – доктор культурологии, профессор, профессор кафедры философии и культурологии Санкт-Петербургское ГАОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы».

Судовиков Михаил Сергеевич – доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой отечественной истории ФГБОУ ВПО «Вятский государственный гуманитарный университет», директор Кировского областного государственного бюджетного учреждения культуры «Кировский областной краеведческий музей», руководитель научно-исследовательского Центра регионоведения Кировского областного государственного бюджетного учреждения культуры «Кировская орден Почета государственная универсальная областная научная библиотека имени А.И. Герцена» .

Широкалова Галина Сергеевна – доктор социологических наук, кандидат философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, социологии и политологии ФГБОУ ВО «Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия».

Editorial Board Members

Bochkova Olga Sergeevna – Candidate of Philology, Associate Professor of the department "Foreign languages and professional communication", Yuri Gagarin State Technical University of Saratov

Valeev Nail Mansurovich – Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Doctor of Philology, professor; Honored Scientist of the Russian Federation and the Republic of Tatarstan; member of the Writers' Union of Russia and the presidium of the Union of Russian ethnographers; Vice-President of the Republic of Tatarstan; Academician-secretary of the Department of Humanities of the Republic of Tatarstan.

Galieva Farida Gabdul Khaevna – Senior Researcher, Institute of Ethnological Studies Ufa Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Doctor of Philology, Candidate of History, Associate Professor of Moscow State Pedagogical University, Branch in Ufa.

Gasanov Magomed Magomedovich – Vice-Rector for Academic Affairs (Dagestan State University), Doctor of History, Professor.

Gotovtseva Anastasiya Gennadevna – Doctor of Philology, Associate Professor, assistant professor of literary criticism of the Faculty of Journalism of the Institute of the media «Russian State University for the Humanities».

Dotsenko Dmitry Vasilevich – Candidate of Philology, Associate Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafieva, Zheleznogorsk Branch.

Zubova Yana Valerevna – Doctor of Social Sciences, Department of Management, Ukhta State Technical University, Branch in the city of Usinsk.

Zulyar Yuriy Anatolevich – Head of the Department of Political Science and the Faculty of History of Russian history, Irkutsk State University, Doctor of History.

Koptseva Natalia Petrovna – Doctor of Philosophy, Professor, Dean of the Faculty of Humanities Institute, Siberian Federal University.

Kornilova Irina Valerevna – Doctor of History, Assistant Professor, Naberezhnye Chelny Institute of Socio-Educational Technologies and Resources.

Litvin Aleksandr Alterovich – Doctor of History, Professor, Head of the Department of Museology, culture and tourism, Kazan (Volga) Federal University.

Matsievskiy German Olegovich – Head of the Scientific Department of the Krasnodar State University of Culture and Arts, Doctor of History, Associate Professor.

Mostitskaya Natalya Dmitrievna – Candidate of Cultural Studies, Associate Professor, Moscow State University of Culture and Arts.

Pokrishchuk Dmitriy Vladimirovich – Candidate of Political Sciences, Lecturer, Department of humanitarian and socio-economic disciplines Russian State Humanitarian University.

Popovkin Andrey Vladimirovich – researcher in the Department of Ethnography, ethnology and anthropology Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East (IIAE FEB RAS), associate professor of the philosophy of the Far Eastern State Technical University, Candidate of Philosophy.

Popovkina Galina Sergeevna – Senior Fellow of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of RAS (Vladivostok), Candidate of History.

Pulkin Maksim Viktorovich – Candidate of History, Senior Researcher, Institute of Language, Literature and History of Karelian Research Centre of Russian Academy of Sciences, Associate Professor of the Department of Cultural, Petrozavodsk State University.

Saenko Natalya Ryafikovna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy, Volgograd State Pedagogical University.

Serov Nikolay Viktorovich – Doctor of Cultural Studies, Professor of Philosophy and Cultural Studies St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work.

Sudovikov Mikhail Sergeevich – Doctor of History, Assistant Professor, Head of the department of national history, Federal State Educational Institution of Higher Professional Education «Vyatka State University of Humanities».

Shirokalova Galina Sergeevna – Doctor of Social Sciences, Professor, Head of the Department of Philosophy, Sociology and Political Science, Nizhny Novgorod State Agricultural Academy.

ОНТОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ, ЛОГИКА И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

ONTOLOGY, COGNITIVE THEORY, LOGIC, PHILOSOPHY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

DOI: 10.12731/2077-1770-2017-2-7-28

УДК 111.1

ПАМЯТЬ VS ЗАБВЕНИЕ: СТАНОВЛЕНИЕ КЛАССИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ ВОПРОШАНИЯ О БЫТИИ

Батухтин А.С., Наумов О.Д.

Цель статьи сводится к реконструкции и концептуальному анализу специфики мифоархаической стратегии понимания бытия. Основная задача заключается в репрезентации феномена забвения в качестве одной из главных стратегий вопрошания о бытии в рамках архаической эпохи. Феномен забвения концептуализируется и рассматривается в следующих аспектах: метафилософском, онтологическом, гносеологическом, антропологическом. В результате, феномен забвения анализируется в качестве одного из механизмов, актуализирующих процесс трансформации архаического Мифа в античный Логос.

Исследование основано на применении следующих методов: метод концептуального анализа, герменевтический метод, метод деконструкции, компаративистский анализ, а также психоаналитическая традиция исследования вытесненных феноменов сознания.

В ходе исследования было установлено, что архаическая мифо-онтология представляет собой своего рода предконцептуальный

пролог к философии, история которой осуществляется как процесс взаимодействия субъекта и бытия, традиционно концептуализируемый классической традицией в таких формах, как открытие, явленность, говорение, обусловленных ситуацией забвения предъизначального начала и самоистиранием им самого себя. Смысловым центром архаической мифоонтологии является фигура героя, основная функция которого сводится к выявлению и поддержанию существующего миропорядка с помощью сохранения и восстановления различий, осуществляемых благодаря ритуальным практикам. Мифоонтология – это досимволическая онтология жеста, строящаяся на следующих принципах: а) онтогносеологической интерпретации ощущения в качестве онтической процедуры, предшествующей и обуславливающей всякую попытку оформления и выражения мира в качестве единого целого; б) преимущественно топографическом восприятии мира, впоследствии дополненном историческим измерением, необходимым для включения субъекта в сакральное измерение динамичного бытия, представленного схемой: космос-боги-люди.

Настоящая статья адресована специалистам по истории философии, философии, истории и теории культуры; аспирантам, магистрантам, студентам гуманитарных направлений, широкому кругу читателей, интересующихся актуальными проблемами социально-гуманитарных наук.

Ключевые слова: *архаика; миф; бытие; метафизика; онтология; субъект; различие; тождество; взгляд; забвение.*

MEMORY VS OBLIVION: THE FORMATION OF A CLASSICAL STRATEGY FOR THE QUESTION OF THE BEING

Batuhtin A.S., Naumov O.D.

*The **purpose** of this article is to reconstruct and conceptualize the specifics of the mythoarchic strategy of understanding being. The main task is to represent the phenomenon of oblivion as one of the main strat-*

egies for inquiring about being within the archaic epoch. The phenomenon of oblivion is conceptualized and is considered in the following aspects: metaphysical, ontological, epistemological, anthropological. As a result, the phenomenon of oblivion is analyzed as one of the mechanisms that actualize the process of transformation of the archaic Myth into the ancient Logos. The study is based on the application of the following methods: the method of conceptual analysis, the hermeneutic method, the method of deconstruction, comparative analysis, and the psychoanalytic tradition of research on repressed consciousness phenomena. The study found that archaic mythology is a kind of pre-conceptual prologue to philosophy, the history of which is realized as a process of interaction between the subject and being, traditionally conceptualized by the classical tradition in such forms as discovery, appearance, speaking, conditioned The situation of forgetting the preinitial principle and self-eroding oneself. The semantic center of the archaic mythology is the figure of a hero whose main function is to identify and maintain the existing world order by preserving and restoring the differences realized through ritual practices. Mythoontology is the pre-symbolical ontology of the gesture, based on the following principles: a) the ontognosiological interpretation of sensation as an ontic procedure that precedes and causes every attempt to formulate and express the world as a whole; B) predominantly the topographical perception of the world, subsequently supplemented by the historical dimension necessary to include the subject in the sacral dimension of the dynamic being represented by the scheme: the space-god-people.

This article is addressed to specialists in the history of philosophy, philosophy, history and theory of culture; Graduate students, undergraduates, students of humanitarian directions, a wide range of readers interested in pressing issues of social and human sciences.

Keywords: *archaic; myth; being; metaphysics; ontology; subject; difference; identity; sight; oblivion.*

Отличительная черта интеллектуальной культуры второй половины XX – начала XXI века – обращение к архаической культуре.

Прежде всего это обусловлено тем, что современность усматривает в этом периоде развития человеческой культуры своеобразную метафизическую точку отсчета, совпадающую, помимо прочего, с хронологической: процессом трансформации архаического Мифа в античный Логос.

Обращение к архаическому периоду развития культуры в качестве исходной точки вопрошания о бытии вызвано рядом обстоятельств. На наш взгляд, с культурологической точки зрения справедливым будет предположение о том, что архаический миф содержит в себе «основные сюжеты путей европейской цивилизации» [12, с. 7], конституирующей свои умозрительные картины мира вокруг человека, представляющего собой, по словам В.Л. Круглова, апологический топос культуры [12, с. 8]. Однако важно иметь в виду, что в пространстве архаического мифа еще не сформированы и не артикулированы привычные для современного философского дискурса концепты. Такие понятия, например как «субъект» и «различие» еще остаются сокрытыми за продуцируемыми ими онтологическими построениями, (при)открывающими себя исключительно под знаком Тожества.

Для объяснения этой ситуации обратимся к делезианской концепции ощущения, в рамках которой последнее рассматривается в качестве фундаментальной онтической процедуры, связывающей субъекта с воспринимаемым им объектом. В результате, с феноменологической точки зрения, процесс вопрошания о бытии как процесс его ощущения представляет собой неразстворимую смесь субъекта и объекта – то есть бытие-в-мире, в котором одновременно «я становлюсь в ощущении, и нечто случается через ощущение, одно через другое, одно в другом» [8, с. 49]. Такого рода ощущение не обременено в своей структуре тождеством и представляет собой чистое различие. В результате, субъект способен не только воспринимать и тем самым артикулировать мир бытия, но и подмечать его динамику, открывающую себя в неустранимых предъизначальных и потому дорефлексивных различениях мира.

Иными словами, речь идет о принципиальной имплицитности, присущей архаическому мифу, выступающего в отношении истины

всякого последующего культурного образования (религии, философии, искусства) своеобразной идиосинক্রазией.

Таким образом, архаический миф в своем отношении к последующим символическим формам может быть рассмотрен в качестве непостижимого мистического Логоса, открывающего свою тотальность посредством различения, превращающего его изначальную целостность во фрагменты. Это означает, что: 1) всякий раз «весомость истины» оказывается «утрачена» [1, с. 128], поскольку истина всегда связана с некоторой тайной, а ее откровение – с авторитетом. Таким образом, в истории западноевропейской культуры истина архаического мифа преобразуется в мудрость, представляющую собой лишь «весомость передаваемой традиции» [1, с. 130], призванную направить познающего субъекта к специфическому познанию, в основе которого лежит идея неутилитарного «познания сущности в себе как универсального» [19, с. 21]. Отличительной чертой такого рода познания является амбивалентная природа истины: она одновременно оказывается как сокрытой, так и доступной. Говоря иначе, истина, представляя собой «свет, оказывающийся тенью» или результат «умышленного сокрытия или благоразумной осторожности вроде того, как это бывает с оракулом» [19, с. 49]; 2) исследователь, претендующий на доступ к такого рода истине, обязан совершить своеобразный методологический поворот: от глобального к локальному, чтобы «добраться до сути в виде цитат» [1, с. 150] – своеобразных следов истины, которые оживают лишь благодаря его «ритуальным заклинаниям» [1, с. 151] и убеждению в том, что истина – это, прежде всего, «слуховой феномен», а традиция – «форма, в которой это имясловие передавалось» [1, с. 151].

Таким образом, изначальное предшествование архаического мифа, делающее возможным неизначальное откровение бытия вопрошающему субъекту осуществляется с помощью парадоксального откровения-дара, сущностные особенности которого заключается в том, чтобы: 1) указать посредством сокрытия; 2) говорить посредством молчания; 3) называть посредством указания; 4) обнаруживать посредством забвения. Все это становится возможным

лишь при выполнении следующего условия: жест предъязычального дара должен быть невозможен [21, с. 27]. Таким образом, для того, чтобы состояться, открывающее себя в качестве дара бытие должно быть принесено в жертву забвению. При этом забвение, о котором идет речь, представляет собой принципиальную онтологическую операцию, несводимую ни к стиранию в памяти, ни к вытеснению. Речь идет об «абсолютном забвении», означающем, по мнению М. Хайдеггера, не только условие, но и истину бытия, всякий раз являющегося субъекту под видом сущего, но не являющегося таковым. Другими словами, бытие, оказавшееся преданным забвению, будто бы и не существует вовсе. Однако все дело в том, что забвение, о котором идет речь, представляет собой вовсе не потерю памяти, а напротив – другое имя бытия [21, с. 32]. Таким образом, в архаическом мифе речь идет не о бытии как таковом, а о его именовании. При этом особенность такого именовании заключается в том, что оно парадоксальным образом звучит лишь там, где нет места абсолютно никакому имени – в сфере антисоциального, античеловеческого одиночества, где существует «только тьма и безумие», а также копошащиеся в этой тьме и безумии – «темные и безумные, глухонемые чудовища» [16, с. 14]. Таким принципиально досимволическим «местом» и представляется архаическая культура, судьба которой в горизонте развития западноевропейской цивилизации стремится к (само)утрате и последующему забвению.

Однако это забвение не фатально. В истории западноевропейской культуры имеют место такие периоды, когда актуализация описываемого забвения означает вовсе не радикальный отказ от прошлого, а ситуацию «маяты современности», находясь в которой, философия особенно остро начинает переживать свою несвоевременность и беспочвенность. По мнению Ж. Делёза, эта ситуация должна расцениваться в качестве вызова, который современность всякий раз бросает философии для того, чтобы та стремилась обрести окончательное прибежище вне привычных для нее сфер: коммуникации, беседы, созерцания и рефлексии. Говоря другими словами, такого рода вызовы являются прямым доказательством того, что

философия все еще пребывает в поиске собственных оснований, которые в конечном итоге, оказываются продуктом ее творчества. В результате, современный этап развития философской мысли характеризуется тем, что философия «еще только должна обрести вкус» [9, с. 13] к творчеству, выражающемуся, по словам Делёза, «в создании внутри языка особого языка философии: особого не только по лексике, но и по синтаксису, отличающегося возвышенностью или великой красотой, выводящего философию за рамки не только географии, но и времени» [9, с. 13]. Таким образом, философия истории западноевропейской философии может быть помыслена в качестве линейного кумулятивного процесса, конечная цель которого – не только выход за рамки наличного времени и пространства, но и трансгрессивный прорыв за собственные пределы. Такого рода развитие представляет собой непрекращающийся поиск новых путей, всякий раз возвращающих философию к покинутой и потому недостижимой родине – своеобразной интеллектуальной Итаке, побуждающей неутолимое желание возвращения.

Может показаться, что подобной Итакой в отношении западноевропейской философии является архаический миф. Однако это не совсем так, поскольку архаика, как отмечалось, представляет собой сферу досимволического. Говоря иначе, архаическая культура – это, прежде всего, культура жеста, события. В этом смысле, отношение между архаической эпохой и периодом зарождения философской мысли могут быть представлены как попытка объяснения того, что когда-то уже произошло. Посредником между уже свершившимся жестом и попыткой его прояснения выступает миф. Именно в нем впервые архаический жест обретает способность к сказу. Таким образом, архаический жест в отношении зарождающихся концептов западноевропейской философии, равно как и культуры вообще, выступает питательной средой, или, пространством имагитарного, то есть видимой, но рационально невоспроизводимой основой, побуждающей общество к мыслям и действиям, вытекающим из его ментальности, чувственности, культуры [13, с. 9]. Иными словами, архаический жест, осуществляемый в полном безмолвии, представ-

ляет собой историю сотворения, не только выходящую за пределы опыта, но и нуждающуюся в своем прояснении.

Можно предположить, что первое приближение к прояснению архаического жеста, выражающего суть первичных попыток «вопрошания» о бытии, представляет собой миф, а следующие за ним философские концепты – попытку его объяснения. Однако это утверждение не представляется истинным, поскольку: 1) философский Логос зарождается уже в недрах Мифа, а не следует за ним. Таким образом, движение, или, что более точно – трансформация Мифа в Логос является отражением естественного развития человека не только как мыслящего, но и говорящего существа. В результате, Логос сохраняет в себе «отброшенный» десакрализованный Миф для того, чтобы обращаться к нему всякий раз в ситуации сомнения в собственной правоте. Пример тому – не только философские построения досократиков, но и достаточная зрелая, с философской точки зрения, система Платона, продолжающая испытывать потребность в «благах безумия» [10, с. 64], присущих мифу и первобытным религиозным переживаниям. 2) Несмотря на то, что для архаической культуры миф – это не столько повествование об истоках и началах, сколько «единственная и полновесная реальность», «личностное бытие, образ бытия личности, личная форма, лик личности» [15, с. 459], он никогда не дан нам непосредственно. Иными словами, говоря сегодня об архаическом мифе, исследователь должен отдавать себе отчет в том, что он работает не с подлинным мифом безмолвной архаики, а его говорящей «тенью», нашедшей свое воплощение в эпической литературе.

Как известно, эпос – это уже далеко не миф, а его критика и преодоление. Вследствие этого гомеровские «Илиада» и «Одиссея», а также поэмы Гесиода «Теогония» и «Труды и дни» не просто являются репрезентациями противоположных друг другу классического и неклассического типов мировоззрений, но и представляют собой, согласно А.Ф. Лосеву, «еще один шаг от Мифа к Логосу навстречу философии» [14, с. 311]. Таким образом, феномен эпической литературы представляет собой попытку эстетической секуляризации

мифа с целью просвещения мифологического наследия в следующих направлениях: гносеологическом, этическом, естественно-натуралистическом, каждое из которых по своему не только способствует анализу постановки и решения вопроса о бытии, но и выявлению его связи с вопросом о человеке.

Таким образом, анализ эпической литературы (Гомер «Илиада», «Одиссея», Гесиод «Теогония», «Труды и дни») является ключом к реконструкции архаического перфомифа, представляющего собой не только повествование о некоем первоучредительном жесте, но и исторически первую стратегию понимания бытия. При этом, говоря о творчестве таких эпических поэтов как Гомер и Гесиод, мы вопреки сложившему в исследовательской литературе подходу, противопоставляющему творчество указанных древнегреческих поэтов, находим в нем некоторое сходство. Более того, нам представляется, что поэзия Гесиода и Гомера может быть соотнесена между собой как космогония и антропогония посредством теогонии. Следовательно, выход из теогонии к космогонии, равно как и антропогонии закономерен и оправдан. Таким образом, отмеченная отечественным антиковедом И.В. Шталь триада космос-боги-люди является: 1) квинтэссенцией всей мифоархаической культуры [17, с. 5]; 2) исторически первой ритмической моделью открывающегося себя посредством жеста бытия. На основе приведенной триады концептов мы и планируем осуществить реконструкцию и аналитику специфики мифоархаической стратегии вопрошания о бытии, попутно выявив в ней роль таких концептов, как «субъект» и «различие».

Говоря о том, что архаика представляет собой досимволическое пространство, лишённое языка, а ее тактики исследования бытия – это не «вопрошание», а «жестикуляция», мы полагаем, что в основе «онтологии» архаического мифа лежит ряд фундаментальных учредительных жестов-событий. В частности, речь идет о событии «священного брака» и следующей за ним «войны потомков», спровоцированной, как сообщает Гесиод, своеобразной семейной драмой [4, с. 197]. Таким образом, сакральная история, представляющая собой еще не столько самостоятельную онтологию, сколько мифо-

логию бытия, тем не менее, ставит перед собой следующие задачи: 1) структурное упорядочивание мира, указывающее на начало процесса оформления стихийного ощущения бытия в некоторое единое упорядоченное целое [См.: 6, с. 28, 125, 239] посредством (пред)проторационализации, или, точнее – мифологизации, способом которой выступает наиболее примитивная поляризация мирообразующих начал, позволяющая оформить мифологическую картину мира сугубо топологически. Такой способ (до)концептуального оформления мировосприятия может быть объяснен тем, что ориентация на местности выступает одним из первейших способов человеческого восприятия. В результате, полярными мирообразующими началами становятся такие топонимы как «верх» и «низ», трансформировавшиеся в процессе своего культурантропологического развития в «небо» и «землю» с последующим, ярко выраженным, гендерным характером восприятия: небо начинает мыслиться в качестве фигуры Отца, а земля – Матери (Великой Матери, Гекаты, Крито-Микенской Матери). Объяснением фиксируемой эволюции бинарной логики архаического мифа является развивающийся процесс экстраполяции социального порядка на природный, присущий архаическому обществу, а также постепенный переход древнего общества к патриархальному строю, повлекший за собой изменения не только в социально-экономическом укладе, но и в космогонических представлениях. В частности, может быть отмечено стремление архаического общества к объяснению механизма вселенского развития посредством ярко выраженных эротических метафор: например, в славянской мифологии фаллос (гоило), олицетворяет уже не только закон и власть, но и всепорождающую космическую силу, выступающую в качестве инстанции, призванной «оживлять, дарить жизнь» [2, с. 280].

2) Вскрытие оснований процесса мирового развития. Здесь следует оговориться: первоначальный архаический миф еще не задается вопросом о происхождении очевидных для него мирообразующих начал. Для раннего архаического общества они существуют вечно, являясь причинами самих себя. Таким образом, для мифоло-

гического дискурса категория времени играет второстепенную роль по отношению к категории пространства. Впервые вопрос о генезисе будет поставлен Гесиодом, отмечавшим, к слову, свое отличие от привычного «вневременного» понимания времени, присущее архаическому мифу за счет указания на историчность Кроноса [4, с. 197] – божества, традиционно персонифицируемого с временем. Таким образом, гесиодовская трансформация архаического мифа заключается: 1) в указании на изначальную – всепорождающую структуру мирового порядка [4, с. 196], связываемую поэтом с Хаосом; 2) во вскрытии механизма вселенского развития – «священного брака» и линейным пониманием времени, дополнившего пространственно-топографическое восприятие мира, присущее архаике, историческим, придав ему тем самым более «современный» вид.

Обращение Гесиода к категории времени было неслучайным. Введение этого параметра в мифологическую модель мира было вызвано: 1) необходимостью раскрытия космического закона развития; 2) объяснением причины наличного многообразия сущего. Одним словом, топографическое мышление ранней архаики оказалось пригодным лишь для указания на учредительный первожест (он всегда совершается «где-то»), однако отслеживание его развития и последствий («борьбы потомков»), вызванной «семейной перводрамой» – нуждается в новом параметре, отвечающем на вопрос «когда?». Такой медиальной структурой для архаического мифа является событие убийства. Этот жест призван объяснить не только причины сакрально-социальных изменений, но и ввести в пространство динамично развивающейся пары «космос»-«боги» новое действующее лицо – человека. Таким образом, в архаической культуре становятся возможными такие логико-концептуальные ряды, как: Низ-Земля-Мать-Женское и Верх-Небо-Отец-Мужское, призванные объяснить: 1) способы взаимодействия бинарных мирообразующих начал, которые изначально находятся в состоянии разделения и лишь в последствии – единства; 2) причину многообразия воспринимаемого сущего; 3) причины изменений наличного миропорядка, а также течения времени, обнаруживающегося в

действиях, актором которых становится, в том числе, человек, обретающий благодаря своей активности ответственность за судьбу открывающегося ему мира. В архаическом мифе положение субъекта открывается в качестве некоторой двойственности. С одной стороны, антропологическое измерение мифа впервые дает о себе знать в жертвенной фигуре героя [4, с. 170], выполняющей функцию миротворца, деятельность которого направлена на то, чтобы рассеять «инфернальную власть глубины и астральную власть высоты», взывая к «третьему царству – поверхности» [7, с. 263]. Это необходимо для того, чтобы: 1) устраняя размножающиеся различия, продуцируемые слепым производством хтонического начала, учредить рациональные границы мира, приведя его к состоянию Единства под знаком Тождества с помощью «различения двух родителей» [7, с. 263]. Таким образом, мифологический герой – это всегда расщепленный, децентрированный субъект, занимающий положение посредника между противостоящими друг другу бинарными началами миропорядка с целью их гармонизации и последующей защиты установленного порядка; 2) обретение власти над миром, позволяющей не столько его изменить, сколько объяснить при помощи процедуры именованя. Однако при этом ключевая роль отводится уже не субъекту, а языку, с помощью которого тот наделяет сущее именами. Другими словами, мир, находясь во власти именованя, становится таким, каким его описывает язык. Таким образом, причина сокрытия концепта «субъект» в архаическом мифе объясняется тем, что отношение героя к миру определяется установкой на пассивное восприятие, преследующей цель – «запечатления вещей в их статической определенности, в однозначности четких и визуально-пластических» [18, с. 65] форм. Говоря иначе, функция героя в архаическом мифе заключается в том, чтобы увидеть вещи в свете истины их явленности, благодаря чему мир начинает мыслиться в качестве высшей ценности, а личность героя воспринимается в качестве жертвы, приносимой во имя мира, являющегося, как замечает А.Ф. Лосев, «внешним изображением внутренних переживаний» [14, с. 145].

С другой стороны, механизмом, обеспечивающим не только включение, но и причастность субъекта к сакральному миропорядку в архаической культуре является ритуал, обуславливающий все сферы повседневного существования первобытного общества. В частности, гарантом обретения субъектом статуса жертвенного героя в культуре архаики является ритуал жертвоприношения. Усилиями современной культурной антропологии было доказано, что назначение данного ритуала заключается в сохранении существующего порядка и защиты мира от угрозы хаотично распространяющегося насилия. При этом, как отмечает французский антрополог Р. Жирар, насилие понимается архаическим обществом в качестве стирания существующих различий – скрытых оснований миропорядка. В этом смысле, насилие, осуществляемое в процессе ритуала, призвано восстановить нарушаемый миропорядок с помощью восстановления стирающихся различий, способствующих реанимации единства мира, погрузившегося в пучину Хаоса. Таким образом, жертва представляет собой: 1) восстановление утраченного различия; 2) запоздалое различие, замещающее собой забытый (утраченный) учредительный первожест. Другими словами, ритуал жертвоприношения может быть рассмотрен в качестве: 1) культурантропологического механизма производства (миро)человекообразующих форм; 2) способа производства онтологических различий, имеющих смысл лишь тогда, когда его актором является «носитель различия» [11, с. 83], то есть субъект – децентрированный мифологический герой. В итоге можно сказать, что субъект, функционирующий в пространстве архаического мифа еще не рефлексировал о бытии, оперируя понятиями, поскольку его основная задача сводится к тому, чтобы увидеть и показать объекты мира, лишенные ореола тайны становления. Именно поэтому главным источником знания архаического мифа о бытии является зрительное ощущение и тесно связанная с ним «метафизика» света, выступающая в мифологическом дискурсе не только онтологическим эквивалентом зрения, но и источником различия.

На основе предложенной интерпретации роли концептов «субъект» и «различие» проанализируем специфику архаической стратегии понимания бытия. Одна из особенностей этой стратегии заключается в том, что мирообразующие начала всегда мыслятся как амбивалентные и ассиметричные: к примеру, женское выступает в качества начала зачинающего (иногда – самозачинающего) и порождающего (самопорождающего), то есть силой имманентной по отношению к вещам, которых еще нет, но по внутренней логике материнского плодозачатия, долженствующих появиться. Таким образом, женское – это начало, таящее в себе ничем и никем не ограниченную возможность существования как такового, в то время как мужское начало, традиционно ассоциирующееся с мифологией Неба, ответственно за устройство и сохранение существующего миропорядка. По словам А.В. Сёмушкина, мужское начало представляет собой трансцендентное начало по отношению к уже готовым вещам, поскольку «Небо – это не просто пространственный верх, отмеченный знаком разумного положительного существования», но и «обитель света и разумного порядка, где пребывают боги – носители принципа свободы» [18, с. 54]. Благодаря этому «вещи здесь освещены дневным светом и избалованы в своей тайне – они обретают стационарную законченность и структурную определенность» [18, с. 54]. Иными словами, мужское как небесное – это пространство ставшего, сформировавшегося, застывшего бытия, а женское как земное – область зачатия и становления. Таким образом, мифоонтология архаического мифа представляет собой дуалистичное образование, включающее в себя: мифоонтологию хтонического динамического процесса, то есть мифологию первородных оснований и целевых назначений мирового развития, а также мифоонтологию готового ставшего результата. В результате, реконструируемая на материале эпической поэзии мифоархаическая картина мира представляет собой «бинарный монотеизм» [23, с. 404], конституирующийся посредством пространственного мышления, осуществляющегося на основе взаимодействия противоположностей и создающего в итоге пространственно-телесное

бытие осуществленной и застывшей возможности. Говоря иначе, архаический миф, выступающий своеобразной тактикой понимания бытия, представляет собой сложное соединение двух независимых друг от друга типов мировосприятия: мифологии становящихся вещей, охватывающих динамику и генезис бытия, а также мифологии пребывающих вещей, описывающей статику бытия и его структуру.

Исходя из этого, можно предположить, что зарождающаяся и развивающаяся в недрах мифа западноевропейская философия в процессе своего исторического развития поочередно обращается то к одной, то к другой моделям мировосприятия, выразителями которых в древнегреческой культуре явились Гесиод и Гомер. В этом смысле исходных основания у западноевропейской философской мысли может и должно быть два – бинарные противоположности, которые в рамках философии раннего модерна были обозначены, как эротическое желание и разум. Однако история западноевропейской философии, представляющая собой процесс вопрошания о бытии, в разные эпохи своего существования обращается то к одной, то к другой составляющей этой бинарной оппозиции: от Платона до Гегеля – к разуму, в то время как современность все чаще обращается к «экзотическому» эротическому желанию. Такого рода развитие философской мысли может быть объяснено при помощи анализа феномена забвения, рассмотренного в качестве механизма, способствующего продуцированию собственно философской стратегии вопрошания о бытии, обнаруживающегося при трансформации Мифа в Логос.

Поскольку в архаической культуре миф выступает своеобразным аналогом символической фиксации учредительного и потому до-символического первожеста, можно сказать, что мифологическое мышление является одним из видов письма, которое в отношении последующего развития западноевропейской цивилизации оказывается аналогом протописьма, присутствующего в мире до того, как субъект начинает использовать его для описания наличного миропорядка. Таким образом, в самой структуре мифа как некоторого следа присутствия, помимо механизма фиксации и объяснения за-

ложен также механизм самостириания, или, что более точно, пластической трансформации.

В истории современной философской мысли концепт «пластичности» для объяснения гносеологических аспектов феномена забвения одной из первых употребила ученица Ж. Деррида – английская исследовательница Катрин Малабу. В программной работе «Пластичность в сумерках письма» Малабу отмечает, что история западноевропейской культуры может быть прочитана не только в качестве истории письма, но и в качестве истории пластичности, понимая под последней новый способ начертания, не являющийся инскрипцией. Здесь важно отметить, что категориальная разработка данного концепта – заслуга эстетической теории XVIII-XIX веков, понимавшей под «пластичностью»: 1) то, что принимает форму (например, воск); 2) то, что дает форму (например, лепка). Далее, уже в XIX веке к разработке этого концепта обращается Г. Гегель, определяя его в качестве «способности субъекта определять самого себя» Таким образом, в работах Малабу отображается долгий путь трансформации концепта «пластичности» от эстетики через философию и современные нейронауки к моменту его «возвращения» в пространство философского дискурса, где он обретает метафизические коннотации. В результате, пластичность сегодня мыслится в качестве характеристики сознания субъекта, означающей способность сознания одновременно принимать и придавать форму всему окружающему, не проводя при этом никаких различий. Иными словами, сознание субъекта, по мнению Малабу, пластично, то есть, в нем нет «четко зафиксированных зон, установленных раз и навсегда» [22]. В результате, феномен забвения начинается мыслиться независимо от нейрофизиологической судьбы человека, отождествляемой когнитивными науками с деятельностью нейронов головного мозга. Более того, забвение как утрата памяти с целью защиты от травматического опыта прошлого, начинает рассматриваться в качестве эмансипации субъекта, проявляющейся в активности сознания, как способность к возможности изменения, развития, трансформации не только себя, но и окружающего мира.

Таким образом, метафизическое прочтение концепта пластичности может быть сведено к двум значениям – созидательному и деструктивному, проявляющих себя в процессе постоянной регенерации головного мозга. Иными словами, речь идет о таком процессе, в котором воспоминания постоянно воссоздаются и в тот же момент подвергаются вторичной переработке. Следовательно, пластичность сознания изменяет прошлое за счет его переинтерпретации, или, деконструкции, вскрывая: 1) такую особенность памяти (индивидуальной, коллективной, культурной), как текучесть; 2) возможность конституирования «нового» посредством забвения «старого». В результате, феномен забвения, присущий как полагалось ранее, памяти субъекта начинает мыслиться в качестве процесса пластичной трансформации существующего содержания сознания. В метафизическом плане такое понимание феномена забвения указывает не только на условие любой трансформации, но и саму возможность существования всякой символической формы, а также ее создателя, поскольку производство и трансформация всякой формы осуществляется лишь в процессе деятельности субъекта, представляющего собой пластичный ансамбль нейронов головного мозга. В этом смысле, пластичность и операция различания, предложенная Ж. Деррида, могут быть рассмотрены в качестве модальности, или, способа бытия друг друга.

Таким образом, история западноевропейской философии, вопрошающей о бытии, представляет собой историю забвения бытия в том смысле, что мысль, пытающаяся не только помыслить бытие, но и сказать о нем, всякий раз стремится быть вовсе не «изобретением чего-то небывалого», а возвращением «к тому, чем мысль с самого начала должна была быть, то есть к тому, чем мысль каким-то образом уже была» [3, с. 15] причем «была раньше, чем забыла» [3, с. 15], поскольку русское «мысль», замечает В.В. Бибихин, то же слово, что и греческое «миф». Таким образом, подлинная задача мысли, мыслящей бытие, заключается в том, чтобы найти себя там, «где она, сама плохо понимая зачем, снова и снова, непрестанно и все быстрее рисует, теперь уже только вчерне успевая

набросать, все более глобальные картины мира» [3, с. 16]. с помощью податливого и пластичного языка. Иными словами, задача, стоящая перед современной онтологией заключается в том, чтобы деконструировать постройки мысли, обнаруживая за ними язык, который «мостит первые пути и подступы для всякой воли к мысли» [20, с. 352–353], в то время как забвение оказывается способом «хранения бытия» [20, с. 354].

Список литературы

1. Арендт Х. Вальтер Беньямин 1892–1940 / Пер. с англ. Б.Дубинина. М.: Grundrisse, 2014. 168 с.
2. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов в 3 т. Т.1. М.: Современный писатель, 1995. 280 с.
3. Биbihин В.В. Дело Хайдеггера // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления / Сост. и пер. с нем. В.В. Биbihина. СПб.: Наука, 2007. С. 5–23.
4. Гесиод О происхождении богов. Теогония // О происхождении богов / Сост., вступ. ст. И.В. Шталь. М.: Советская Россия, 1990. 320 с.
5. Гесиод Труды и дни (Земледельческая поэма) // О происхождении богов / Сост., вступ. ст. И.В. Шталь. М.: Советская Россия, 1990. 320 с.
6. Гомер Илиада / Пер. с древнегреч. Н. Гнедича; Предисл. А. Нейхардт; Прим. и словарь С. Ошерова. М.: Правда, 1985. 432 с.
7. Делёз Ж. Логика смысла / Пер. с франц. Я.И. Свирского. М.: Академический Проект, 2011. 472 с.
8. Делёз Ж. Фрэнсис Бэкон: Логика ощущения / Пер. с франц. А.В. Шестакова. СПб.: Machina, 2011. 176 с.
9. Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / Пер. с франц. и послесл. С. Зенкина. М.: Академический проект, 2009. 261 с.
10. Доддс Э.Р. Греки и иррациональное / Пер. с англ. С.В. Пахомова; послесл. Ф.Х. Кессиди. СПб.: Алетейя, 2000. 507 с.
11. Жирар Р. Насилие и священное / Пер. с франц. Г. Дашевского. Изд. 2-е, испр. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 448 с.

12. Круглов В.Л. Человек эпохи «модерн»: антропология культуры как критика децентрированного разума: Монография / В.Л. Круглов; ФГОУ ВПО КГАМиТ. Красноярск, 2009. 240 с.
13. Ле Гофф Ж. Герои и чудеса Средних веков / Пер. с франц. Д.Савосина. М.: Текст, 2011. 224 с.
14. Лосев А.Ф. Гомер / Предисл. А.А. Тахо-Годи. 2-е изд., испр. М.: Молодая гвардия, 2006. 400 с.
15. Лосев А.Ф. Диалектика мифа / А.Ф. Лосев Из ранних произведений / Сост. И.И. Маханькова; Отв. ред. А.А.Тахо-Годи. М.: Правда, Вопросы философии, 1990. С.393-600.
16. Лосев А.Ф. Философия имени / А.Ф. Лосев / Из ранних произведений / Сост. И.И. Маханькова; Отв. ред. А.А. Тахо-Годи. М.: Правда, Вопросы философии, 1990. С. 11–195.
17. О происхождении богов / Сост., вступ. ст. И.В. Шталь. М.: Советская Россия, 1990. 320 с.
18. Сёмушкин А.В. У истоков европейской рациональности (Начало древнегреческой философии). М.: Интерпракс, 1996. 192 с.
19. Фуко М. Лекции о Воле к знанию с приложением «Знание Эдипа»: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1970–1971 учебном году / Пер. с франц. А.В. Дьякова. СПб.: Наука, 2016. 352 с.
20. Хайдеггер М. Поворот // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления / Сост. и пер. с нем. В.В. Библихина. СПб.: Наука, 2007. С. 350–359.
21. Энафф М. Дар философов. Переосмысление взаимности / Пер. с франц. И. Вдовина, Г. Вдовина, Л. Комиссарова. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2015. 320 с.
22. Malabou C. Plasticity at the Dusk of Writing: Dialectic, Destruction, Deconstruction [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.amazon.co.uk/Plasticity-Dusk-Writing-Deconstruction-Insurrections/dp/0231145241/ref=sr_1_1?ie=UTF8&qid=142600251&sr=8-1&keywords=plasticity+dusk+of+writing
23. Nilsson M. The Minoan-Mycenaean Religion and its Survival in Greek Religion. Lund. Biblio&Tannen Publishers, 1950.

References

1. Arendt Kh. *Val'ter Ben'yamin 1892–1940* [Walter Benjamin 1892–1940]. M.: Grundrisse, 2014. 168 p.
2. Afanas'ev A.N. *Poeticheskie vozzreniya slavyan na prirodu. Opyt sravnitel'nogo izucheniya slavyanskikh predaniy i verovaniy v svyazi s mificheskimi skazaniyami drugikh rodstvennykh narodov v 3 t.* [Poetic views of the Slavs on nature. Experience of comparative study of Slavic traditions and beliefs in connection with the mythical legends of other related peoples in 3 volumes] V.1. M.: Sovremennyy pisatel', 1995. 280 p.
3. Bibikhin V.V. *Khaydegger M. Vremya i bytie: Stat'i i vystupleniya* [Time and Being: Articles and Speeches]. SPb.: Nauka, 2007, pp. 5–23.
4. Shtal' I.V. Gesiod O proiskhozhdenii bogov. Teogoniya [Hesiod On the origin of the gods. Theogony]. *O proiskhozhdenii bogov* [On the origin of the gods]. M.: Sovetskaya Rossiya, 1990. 320 p.
5. Shtal' I.V. Gesiod Trudy i dni (Zemledel'cheskaya poema) [Hesiod Trudy i dni (Agrarian poem)]. *O proiskhozhdenii bogov* [On the origin of the gods]. M.: Sovetskaya Rossiya, 1990. 320 p.
6. *Gomer Iliada* []. M.: Pravda, 1985. 432 p.
7. Delez Zh. *Logika smysla* [Homer the Iliad]. M.: Akademicheskij Proekt, 2011. 472 p.
8. Delez Zh. *Frensis Bekon: Logika oshchushcheniya* [Francis Bacon: The logic of sensation]. SPb.: Machina, 2011. 176 p.
9. Delez Zh., Gvattari F. *Chto takoe filosofiya?* [What is philosophy?]. M.: Akademicheskij proekt, 2009. 261 p.
10. Dodds E.R. *Greki i irratsional'noe* [The Greeks and the irrational]. SPb.: Aleteyya, 2000. 507 p.
11. Zhirar R. *Nasilie i svyashchennoe* [Violence and the Holy]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010. 448 p.
12. Kruglov V.L. *Chelovek epokhi «modern»: antropologiya kul'tury kak kritika detsentrirovannogo razuma* [Man of the era of “modern”: the anthropology of culture as a critic of the decentralized mind]; FGOU VPO KGAMiT. Krasnoyarsk, 2009. 240 p.
13. Le Goff Zh. *Geroi i chudesa Srednikh vekov* [Heroes and wonders of the Middle Ages]. M.: Tekst, 2011. 224 p.

14. Losev A.F. *Gomer* [Homer]. M.: Molodaya gvardiya, 2006. 400 p.
15. Losev A.F. *Dialektika mifa* [Dialectics of myth]. M.: Pravda, Voprosy filosofii, 1990, pp. 393–600.
16. Losev A.F. *Filosofiya imeni* [Philosophy of the name]. M.: Pravda, Voprosy filosofii, 1990, pp. 11–195.
17. Shtal' I.V. *O proiskhozhdenii bogov* [On the origin of the gods]. M.: Sovetskaya Rossiya, 1990. 320 p.
18. Semushkin A.V. *U istokov evropeyskoy ratsional'nosti (Nachalo drevne-grecheskoy filosofii)* [At the origins of European rationality (the beginning of ancient Greek philosophy)]. M.: Interpraks, 1996. 192 p.
19. Fuko M. *Lektsii o Vole k znaniyu s prilozheniem «Znanie Edipa»: Kurs lektsiy, pročitannykh v Kollezh de Frans v 1970–1971 uchebnom godu* [Lectures on the Will to knowledge with the application “Knowledge of Oedipus”: A course of lectures delivered at the Collège de France in the 1970–1971 school year]. SPb.: Nauka, 2016. 352 p.
20. Khaydegger M. *Vremya i bytie: Stat'i i vystupleniya* [Heidegger M. Time and Being: Articles and Speeches]. SPb.: Nauka, 2007, pp. 350–359.
21. Enaff M. *Dar filosofov. Pereosmyslenie vzaimnosti* [Gift philosophers. Rethinking reciprocity]. M.: Izdatel'stvo gumanitarnoy literatury, 2015. 320 p.
22. Malabou C. *Plasticity at the Dusk of Writing: Dialectic, Destruction, Deconstruction*. http://www.amazon.co.uk/Plasticity-Dusk-Writing-Deconstruction-Insurrections/dp/0231145241/ref=sr_1_1?ie=UTF8&qid=142600251&sr=8-1&keywords=plasticity+dusk+of+writing
24. Nilsson M. *The Minoan-Mycenaean Religion and its Survival in Greek Religion*. Lund. Biblio&Tannen Publishers, 1950.

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Батухтин Александр Сергеевич, аспирант кафедры философии и социальных наук
ФГБОУ ВО «Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева»
просп. имени газеты Красноярский Рабочий, 31, г. Красноярск, Красноярский край, Российская Федерация
Sunnylnl@inbox.ru

Наумов Олег Дмитриевич, старший преподаватель кафедры философии
ФГБОУ ВО «Красноярский государственный аграрный университет»
пр-кт Мира, 90, г. Красноярск, Красноярский край, Российская Федерация
Naumoff-on@mail.ru

DATA ABOUT AUTHORS

Batukhtin Alexander Sergeevich, Post-Graduate Student of the Philosophy and Social Sciences Department
Siberian State University of Science and Technology named after Academician M.F. Reshetnev
31, Krasnoyarsk Worker, Krasnoyarsk, Krasnoyarsk Territory, Russian Federation
Sunnynl@inbox.ru

Naumov Oleg Dmitrievich, Senior Lecturer of the Philosophy Department
Krasnoyarsk State Agrarian University
90, Mira, Krasnoyarsk, Krasnoyarsk Territory, Russian Federation
Naumoff-on@mail.ru

ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ И КУЛЬТУРЫ. ЭТИКА И ЭСТЕТИКА

PHILOSOPHY OF RELIGION AND CULTURE. ETHICS AND AESTHETICS

DOI: 10.12731/2077-1770-2017-2-29-41
УДК 174

ЭТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ И СТУДЕНТОВ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ

Серезько Т.А., Кохан Ж.С.

Цель. В статье рассматривается возможность организации общения педагогов высшей школы со студентами в социальных сетях в целях повышения эффективности образовательного процесса и самообразования педагога в аспекте педагогической этики и рефлексии.

Метод или методология проведения работы. Основу исследования составляют проблемно-хронологический и теоретико-логический методы, а также дескриптивный (описательный) и проблемный подходы.

Результаты. В работе выделен этический аспект проблемы использования социальных сетей как инновационный информационно-коммуникационной технологии в образовательной практике. Современное медиа пространство рассматривается как фактор, изменяющий место вузовского преподавателя в процессе обучения и актуализирующий проблему его медиа-компетенции.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть использованы в педагогической деятельности в целях повышения коммуникационной мобильности преподавателя.

Ключевые слова: педагогическая этика; социальная сеть; педагогическое взаимодействие; учебный процесс; информационно-образовательная среда; информатизация; высшая школа; образовательное пространство.

THE ETHICAL ASPECT OF PEDAGOGICAL INTERACTION OF TEACHER AND STUDENTS IN SOCIAL NETWORKS: MODERN CONDITION OF THE PROBLEM

Serezhko T.A., Kokhan J.S.

Purpose. In article the possibility of the organization of communication of teachers of the higher school with students on social networks for increase in efficiency of educational process and self-education of the teacher in aspect of pedagogical ethics and a reflection is considered.

Method or methodology of carrying out work. The basis of the study is the problem-chronological and theoretical-logical methods, as well as descriptive (descriptive) and problematic approaches.

Results. In work the ethical aspect of a problem of use of social networks as innovative is marked out to an information and communication technology in educational practice. Modern the space is considered by media as the factor changing the place of the high school teacher in the course of training and staticizing a problem of its media competence.

Range of application of results. The results of the research can be used in pedagogical activity in order to improve the communicative mobility of the teacher.

Keywords: pedagogical ethics; social network; pedagogical interaction; educational process; information and education environment; informatization; the higher school; educational space.

Введение

В настоящее время бурное развитие новых информационно-социальных условий жизни современного общества, переход от локальной среды формирования личности к глобальной информационно-медийной структуре, заставляют по-новому рассматривать все аспекты образовательного процесса. Общение преподавателя и студентов выходит за рамки простого обмена информацией, так как оно одновременно является и содержанием, и инструментом обучения. Основная цель таких коммуникаций лежит в достижении желаемого уровня общекультурных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций, которые определяются через процессы формирования, передачи, трансформации и создания новых знаний, навыков и умений студентов и преподавателя. Согласно проведенным опросам [8], преподаватель высшей школы тратит на общение со студентами 50–90% своего времени, в том числе в социальных сетях. Современные социальные сети как инновационная образовательная технология постепенно осваиваются в отечественной высшей школе. Опыт их использования не только раскрывает сущность и возможности социальных сетей, но и ставит новые теоретические проблемы и практические задачи. Среди них: этический аспект практики использования социальных сетей в образовательном и воспитательном пространстве высшей школы.

Обзор иностранной и отечественной литературы

Педагогическая этика как элемент мастерства преподавателя вуза, этические особенности научного творчества, механизмы развития личности преподавателя в современных условиях рассматриваются в работах отечественных (В.К. Невлев, И.М. Невлева [4], Т.А. Сережко [4–5], Ж.С. Кохан [2] и др.) и зарубежных (М. Барт [7], Б. Ганнон, С. Милборн [9], Дж. Хунцикер [10], А. Клем, Дж. Коннелл [11], Л. Малески, С. Петерс [12], К. Стюарт [15] и др.) исследователей.

Теоретико-методологические основы исследования образования как сетевой социокультурной среды анализируют в своих работах

В.Н. Федоров, А.Б. Шалимов и др. Непосредственно информационные технологии, их сущность и значение изучали Ю.С. Песоцкий, А.А. Плаксина, Э.А. Тихонов, А.И. Яковлев и др. Подготовкой педагога к реализации образования в условиях его информатизации, его готовностью к использованию средств информационных и коммуникационных технологий в своей профессиональной деятельности занимались Е.В. Данильчук, Т.В. Добудько, Т.А. Лавина, М.Б. Лебедева. Использование виртуальных социальных сетей в образовании анализировали А.Н. Попова, С.В. Крайнов [3] и др. Зарубежный и отечественный опыт применения социальных сетей и социальных медиа в учебном процессе вуза анализируется в работах И.Ф. Албеговой [1], рассматривающей перспективы развития электронного обучения в контексте использования образовательного потенциала социальных сетей.

Существуют разные методологические и теоретические взгляды на использование социальных сетей в учебном процессе. Проанализировав публикации по данной проблеме, определено, что в работах А.В. Могилева, И.Л. Кафтанникова, Ю.Г. Плаксиной и др. обоснованы вопросы использования образовательных виртуальных сообществ преподавателями и учителями с целью обмена опытом. Современные ученые достаточно глубоко исследуют возможности социальных сетей образовательного направления, принимают участие в разработке учебных курсов, вебинаров. Анализ научных публикаций и нормативных документов дает основание утверждать, что проблема использования возможностей социальных сетей в образовании является актуальной и востребованной. На наш взгляд недостаточное освещение в научно-методической литературе получили исследования этических аспектов применения технических и программных средств управления виртуальными сообществами для организации учебного процесса.

Постановка задачи

Современная молодежь значительную часть своего времени проводит в онлайн-взаимодействиях через каналы различных средств

социальных медиа. Иногда единственная возможность установить контакт со студентом преподавателю представляется в интернете. В рамках данной статьи рассматриваются этические аспекты проблемы коммуникации преподавателей и студентов в социальных сетях, затрагивающие культуру установления онлайн-взаимодействия и адекватного взаимопонимания между педагогами и обучающимися при поддержании необходимых профессиональных границ.

Описание исследования

Влияние отношений в системе «учитель-ученик» на качество обучения и мотивацию усвоения материала хорошо показано в отечественных и зарубежных исследованиях [4; 6; 11; 13; 14]. Особенно важно это на уровне университета, где положительные отношения между преподавателями и студентами, очевидно, способствуют личностному росту студентов, осознающих значимость выражения своего мнения и предоставляемых возможностей для дискуссии [8], позволяют чувствовать себя психологически защищенными в образовательной среде вуза, обеспечивают благоприятные условия для развития важных социальных и академических навыков.

Следует учитывать, что современная молодежь тоже постепенно изменяется. Исследования показывают, что поколение двухтысячных, предпочитает разнообразные активные методы обучения, пытается установить взаимосвязь между требованиями курса и практическими аспектами деятельности, при этом ориентируется на «спокойную» среду обучения, в которой можно было бы неофициально взаимодействовать с преподавателем, и друг другом [7]. Важно, что «поколение двухтысячных... в большей степени ориентируется на высокие показатели учебной деятельности, когда преподаватели общаются с ними на персональном уровне» [7].

Как показывают исследования, использование медиа технологий, особенно социальных сетей, влияет на отношения в системе «студент-преподаватель». Современные студенты университетов используют средства социального общения (например, Facebook, Twitter, LinkedIn, Google+, и т.д.) чаще всего, чтобы общаться с

друзьями и семьей (89%) и в меньшей степени в образовательных целях, таких как планирование сеансов исследования (28%), завершение заданий и проектов (33%), для связи с преподавателями или консультантами (15%) [13]. Кажется, что многие сегодняшние преподаватели отвечают тем же: «только у чуть более половины студентов, которые пытались взаимодействовать с преподавателями или консультантами через средства социального общения, были установлены двухсторонние контакты» [13, р. 18].

В то время как большинство авторов полагают, что виртуальные взаимодействия между студентами и преподавателями укрепляют студенческо-преподавательские отношения [7], в одном из недавних исследований показано, что 40% студентов и 30% преподавателей считают неуместным для преподавателей взаимодействовать со студентами на сайтах социальных сетей [12]. Дж. Вилкинсон и С. Милборн объясняют, что устойчивые привычки поведения студентов в социальных сетях приводят к ложному ощущению близости и ошибочным ожиданиям того, что все – включая преподавателей – будут доступны для общения круглые сутки [16]. Такие иллюзии и ожидания могут уничтожить профессиональные границы и «понизить» статус преподавателя как авторитетной фигуры до уровня коллеги или даже служащего [16].

Каким образом преподавателю найти эффективный баланс между авторитетом и отношениями со студентами в сети? К. Стюарт предполагает, что преподаватели изначально должны поддерживать академические стандарты [15, р. 117]. Дж. Хунцикер [10] сформулировала несколько предложений для поддержания, с одной стороны, статуса и профессиональных границ, с другой, установления отношений между студентом и преподавателем, характеризующих взаимным признанием, пониманием, теплотой, доверием, сотрудничеством и открытым общением. Среди них – требования образцового профессионализма во взаимодействиях со студентами; высокий уровень подготовки и организации учебного процесса; формулирование четких установок в отношении коммуникации за пределами учебной аудитории, включающей виртуальные взаимо-

действия со студентами. Ваше написанное слово – представление Вашего фактического «Я», – пишет Дж. Хунцикер [10]. В дополнение к использованию профессионального письменного языка поделитесь общей информацией и никогда не используйте виртуальную коммуникацию, чтобы отчитать или дисциплинировать. Начните каждое сообщение с приветствия и закончите прощанием, чтобы поддержать некоторый уровень формальности. Всегда проверяйте грамматику и правописание и корректируйте свое сообщение прежде, чем нажать кнопку отправки [10].

СМИ и научные исследования подходят к проблеме использования социальных медиа среди студентов и преподавателей высших учебных заведений двумя различными способами. С одной стороны, средства массовой информации в большинстве своем занимают неодобрительную позицию. Некоторые полагают, что это размывает границы формального обучения, вызывает неприемлемые отношения между учителем и учеником и непрофессионализм. Многие школы в Соединенных Штатах формируют собственную политику в области использования социальных средств массовой информации и разрабатывают руководящие принципы; некоторые строго запрещают студентам и преподавателям общаться в сети интернет и осуждают педагогов, нарушающих это правило. С другой стороны, научные исследования показывают, что Facebook и многие другие социальные медиа могут быть использованы в качестве системы управления обучением (Learning Management System – LMS), а самораскрытие педагога в социальных медиа может способствовать формированию доверительной атмосферы в аудитории, стимулировать мотивацию и успеваемость студентов [14].

Основной аргумент противников использования социальных медиа в высшем учебном заведении состоит, в том, что студенты и преподаватели, создавая профили, открывают личную информацию для общественного контроля, рискуют своей репутацией. Американский социолог, критик, писатель, специализирующийся на изучении культурных, социальных и политических влияний на медиасферу современности, Говард Рейнгольд, известный как отец

идеи виртуального сообщества, выступающий как один из защитников идеи использования социальных СМИ в процессе обучения, представил социальные медиа как учебный курс. Он считает, что ответственность за риски обучения студентов, связанных с использованием социальных медиа и раскрытие информации онлайн, ложится на педагогов [11].

Для повышения эффективности образовательного процесса преподавателю важно идти в ногу со временем, знать и чувствовать студенческую аудиторию, следовательно, необходимо внедрение в молодежное социальное пространство, что позволит обеспечить наилучшее понимание мировоззрения, привычек, поведенческих проявлений и интересов студенческой аудитории.

В целях лучшего соответствия современным социальным реалиям, педагогу важно осмыслить имеющийся личный и профессиональный опыт и отказаться устаревших стереотипов. На сегодняшний день идея диалога культур и эпох (Ю.М. Лотман, В.С. Библер, М.М. Бахтин и др.) актуальна как никогда прежде. Основу классической системы образования, существовавшей долгое время, составлял императив подготовки человека знающего, в то время как сейчас нужен не просто «знающий» человек, а человек, «понимающий» других людей, другие культуры. Любая диалогичность предполагает наличие общего проблемного поля, вне которого невозможны ни он сам, ни достигаемое в его рамках понимание. Всё это может успешно вписаться в микроформат педагогического взаимодействия и не противоречит принципам общения в социальных сетях.

Заключение

К сожалению, дебаты о правовых и этических аспектах проблемы использования социальных средств массовой информации среди преподавателей и студентов продолжают без создания теоретически обоснованной философской базы. До сих пор отсутствует консенсус и общее понимание того, как наилучшим образом использовать социальные медиа для стимулирования и поддержания отношений учителя и ученика.

Задача преподавателя, общающегося со студентами в социальных медиа, состоит не просто в том, чтобы «прыгнуть на подножку уходящего поезда», но, чтобы позволить себе принять участие в динамично изменяющихся отношениях между преподавателями и студентами, а также совершенствовать методы обучения. Очевидно, что необходимо переосмыслить основополагающие принципы, на которых построен образовательный процесс. Социальные медиа представляют собой доступные, глобальные информационные платформы, которые человечество никогда не видело прежде. В этой связи следует рассматривать этический аспект работы педагога со студентом в социальной сети как симбиоз традиционных и инновационных методов обучения в условиях переходного периода, отличающегося формированием новых ценностей и коммуникативных моделей. Диалог среди студентов и между преподавателем и студентом является залогом успешного использования социальных медиа в образовательном пространстве.

Список литературы

1. Албегова И.Ф. Изменение функций и статуса преподавателя вуза в цифровом обществе: причины, факторы и последствия // Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека: сб. науч. статей и материалов межд. конф., 11–13 фев. 2016 г. Коломна: ГСГУ, 2016. С. 24–27.
2. Невлева И.М., Кохан Ж.С. Культура как система ценностей: психолого-культурологический экскурс // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Философия. Социология. Право. 2016. № 24(245), вып. 38. С. 177–180.
3. Попова А.Н., Крайнов С.В. Особенности коммуникативной модели «студент-преподаватель» в условиях социальных сетей // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2016. № 60. С. 15–17.
4. Сержко Т.А. Духовно-нравственные мотивации педагогической деятельности преподавателя // Творческое развитие личности преподавателя как социально-психологическая проблема: Монография / И.М. Невлева, Н.В. Поддубный, Л.В. Соловьева и др.; под

- ред. проф. В.К. Невлева. Белгород: Издательство БУКЭП, 2013. С. 146–172.
5. СЕРЕЖКО Т.А. Профессиональная этика и служебный этикет. Учебное пособие. Белгород: Издательство БУКЭП, 2017. 284 с.
 6. СОБКИН В.С., ФОМИЧЕНКО А.С. Влияние отношений между учителем и учеником на академические достижения учащихся // Управление образованием: теория и практика. 2015. № 3 (19). С. 34–54.
 7. Bart, M. (2011). The five's of engaging millennial students. Faculty Focus: Higher Ed Strategies from Magna Publications. Retrieved from <http://www.facultyfocus.com/articles/teaching-and-learning/the-five-rs-of-engaging-millennial-students/>
 8. Cornell University Center for Teaching Excellence (2012). Connecting with your students. Retrieved from <http://www.cte.cornell.edu/teaching-ideas/building-inclusive-classrooms/connecting-with-your-students.html#impact>
 9. Gangnon B., & Milbourne C. (2014). Dear barista: Professors as members of the service class. Paper presented at the International Congress of Qualitative Inquiry, Urbana-Champaign, IL.
 10. Hunzicker J. (2016) Building Professor-Student Relationships in an Age of Social Networking. <http://ctl.byu.edu/tip/building-professor-student-relationships-age-social-networking>.
 11. Klem A.M., & Connell J.P. (2004). Relationships matter: Linking teacher support to student engagement and achievement. *Journal of School Health*, 74(7), 262–273.
 12. Malesky L.A., & Peters C. (2012). Defining appropriate professional behavior for faculty and university students on social networking websites. *Higher Education*, 63, 135–151.
 13. National Survey of Student Engagement. (2012). Promoting Student Learning and Institutional Improvement: Lessons from NSSE at 13. Bloomington, IN: Indiana University Center for Postsecondary Research. Retrieved from <http://files.eric.ed.gov/fulltext/ED537442.pdf>.
 14. Rigsbee C. (2010, June). The relationship balance. *Educational Leadership*, 67. Retrieved from <http://www.ascd.org/publications/educational-leadership/summer10/vol67/num09/The-Relationship-Balance.aspx>.

15. Stewart K. (2009). Lessons from teaching millennials. *College Teaching*, 57(2), 111–117.
16. Wilkinson J.S., & Milbourne C.C. (in press). Effects of social networking: Accessibility, immediacy, perceived intimacy. Manuscript submitted for publication.

References

1. Albegova I.F. *Tsifrovoe obshchestvo kak kul'turno-istoricheskiy kontekst razvitiya cheloveka* [Digital society as a cultural and historical context of human development]. Kolomna: GSGU, 2016, pp. 24–27.
2. Nevleva I.M., Kokhan Zh.S. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo*. 2016. № 24(245), №38, pp. 177–180.
3. Popova A.N., Kraynov S.V. *Sborniki konferentsiy NITs Sotsiosfera*. 2016. № 60. 3. 15–17.
4. Nevleva I.M., Poddubnyy N.V., Solov'eva L.V. et al. *DTvorcheskoe razvitie lichnosti prepodavatelya kak sotsial'no-psikhologicheskaya problema* [Creative development of the teacher's personality as a socio-psychological problem] / V.K. Nevleva (ed.). Belgorod: Izdatel'stvo BUKEP, 2013, pp. 146–172.
5. Serezhko T.A. *Professional'naya etika i sluzhebnyy etiket* [Professional ethics and official etiquette]. Belgorod: Izdatel'stvo BUKEP, 2017. 284 p.
6. Sobkin V.S., Fomichenko A.S. *Upravlenie obrazovaniem: teoriya i praktika*. 2015. № 3 (19), pp. 34–54.
7. Bart M. (2011). The five's of engaging millennial students. Faculty Focus: Higher Ed Strategies from Magna Publications. Retrieved from <http://www.facultyfocus.com/articles/teaching-and-learning/the-five-rs-of-engaging-millennial-students/>
8. Cornell University Center for Teaching Excellence (2012). Connecting with your students. Retrieved from <http://www.cte.cornell.edu/teaching-ideas/building-inclusive-classrooms/connecting-with-your-students.html#impact>
9. Gangnon B., & Milbourne C. (2014). Dear barista: Professors as members of the service class. Paper presented at the International Congress of Qualitative Inquiry, Urbana-Champaign, IL.

10. Hunzicker J. (2016) Building Professor-Student Relationships in an Age of Social Networking. <http://ctl.byu.edu/tip/building-professor-student-relationships-age-social-networking>.
11. Klem A.M., & Connell J.P. (2004). Relationships matter: Linking teacher support to student engagement and achievement. *Journal of School Health*, 74(7), 262–273.
12. Malesky L.A., & Peters C. (2012). Defining appropriate professional behavior for faculty and university students on social networking websites. *Higher Education*, 63, 135–151.
13. National Survey of Student Engagement. (2012). Promoting Student Learning and Institutional Improvement: Lessons from NSSE at 13. Bloomington, IN: Indiana University Center for Postsecondary Research. Retrieved from <http://files.eric.ed.gov/fulltext/ED537442.pdf>.
14. Rigsbee C. (2010, June). The relationship balance. *Educational Leadership*, 67. Retrieved from <http://www.ascd.org/publications/educational-leadership/summer10/vol67/num09/The-Relationship-Balance.aspx>.
15. Stewart K. (2009). Lessons from teaching millennials. *College Teaching*, 57(2), 111–117.
16. Wilkinson J.S., & Milbourne C.C. (in press). Effects of social networking: Accessibility, immediacy, perceived intimacy. Manuscript submitted for publication.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Серезко Татьяна Алексеевна, доцент кафедры социальной работы и психологии, кандидат философских наук
АНО ВО «Белгородский университет кооперации, экономики и права»
ул. Садовая 116, г. Белгород, Белгородская область, 308023,
Российская Федерация
serezhko@mail.ru

Кохан Жанна Сергеевна, доцент кафедры социальной работы и психологии, кандидат философских наук

*АНО ВО «Белгородский университет кооперации, экономики
и права»*

*ул. Садовая 116, г. Белгород, Белгородская область, 308023,
Российская zgolovko99@rambler.ru*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Serezhko Tatyana Alekseevna, Associate Professor of the Department
of Social Work and Psychology, Ph.D. in Philosophy
*Belgorod University of Cooperation, Economics and Law
116, Sadovaya Str., Belgorod, Belgorod region, 308023, Russian
Federation*
serezhko@mail.ru

Kokhan Zhanna Sergeevna, Associate Professor of the Department
of Social Work and Psychology, Ph.D. in Philosophy
*Belgorod University of Cooperation, Economics and Law
116, Sadovaya Str., Belgorod, Belgorod region, 308023, Russian
Federation*
zgolovko99@rambler.ru

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

SOCIAL PHILOSOPHY

DOI: 10.12731/2077-1770-2017-2-42-57

УДК 30.304.2

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ СМЫСЛОВ И ФОРМ ПАТРИОТИЗМА В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОГО ВРЕМЯВЕДЕНИЯ

Каширина О.В., Муликова Н.А.

Цель. Цель работы состоит в определении направленности преемственности смыслов и форм патриотизма в патриотическом выборе как стержневом смысле главной жизненной стратегии, которая стоит перед каждым цивилизационным субъектом – личностью, социальной общностью любого масштаба. Правильность или неправильность этого выбора определяется наличием смысловой времяцелостности и приближением ее структуры к «золотой пропорции».

Метод или методология проведения работы. Анализ заявленной проблемы выполнен на основе междисциплинарного диалектико-триалектического метода различения и смыслообразования, как интеллектуальной технологии преемственности цивилизационного и ноосферного патриотизма.

Результаты. В статье рассматривается преемственность смыслов и форм патриотизма в контексте социального времяведения, ведущая поиск решения проблемы патриотизма в трех направлениях: 1) как проблемы цивилизационного патриотизма Большой и Малой Родины, 2) как проблемы ноосферного патриотизма, 3) как проблемы преемственности смыслов между ними. Обращается внимание на вариативность решения проблемы па-

триотизма, которая связана с тем, что социальное времяведение рассматривает патриотизм как феномен культуры, который имеет диалектическую «природу бытия» и, вместе с тем, имеет тройственную модель смыслов «существования» цивилизационной реальности – целостность настоящего: преемственность прошлого и целесообразность будущего. В статье показано, что динамическое равновесие смыслов цивилизационного и ноосферного патриотизма в культуре самосознания цивилизационного субъекта, определяющего культуру его поведения и деятельности, обеспечивает формирование и устойчивость духовно-нравственного иммунитета, возникающего под их воздействием в смысловом поле патриотизма.

Область применения результатов. *Практическая значимость исследования состоит в возможности его использования для разработки курсов по философии, философии культуры и т.д. Теория социального времяведения может воплотиться в практике преподавания новой учебной дисциплины «Основы социального времяведения» в качестве гуманитарной составляющей для отраслевых вузов и отдельных специальностей классических университетов.*

Ключевые слова: *культура времени; социальное времяведение; диалектико-триалектический метод; диагноз времени; ноосферный патриотизм; духовно-нравственный иммунитет.*

CONTINUITY OF THE MEANINGS AND FORMS OF PATRIOTISM IN THE CONTEXT OF SOCIAL TIME STUDY

Kashirina O.V., Mulikova N.A.

Purpose. *The work objective is to identify the focus of the meanings' continuity and forms of patriotism in patriotic choice as the frame meaning of main life strategy that each civilized subject has- an individual, a social community of any size. The choice truthfulness is defined by presence of the meaning time continuity and approach of its structure to «the right rate».*

Methodology. *The problem analysis is carried out on the basis of transdisciplinary dialectical and trialectical method of distinction and meaning-making with respect to intellectual technology of civilized and noospheric patriotism continuity.*

Results. *The article regards to the continuity of meanings and forms of patriotism in the context of social time study and searches for the solution to the problem of patriotism in three lines: 1) as the problem of civilized patriotism of Great and Small Motherland, 2) as the problem of noospheric patriotism, 3) as the problem of the continuity of the meanings between them. It highlights the solution flexibility of patriotism problem that is related to the fact that social time study considers patriotism as the culture phenomenon that has the dialectical «nature of existence», and at the same time, it has three way model of civilized reality «existence» meanings – entirety of present, continuity of past and reasonability of future. The article says that the dynamic balance of meanings of civilized and noospheric patriotism in the identity culture of a civilized subject making the culture of his/her behavior and activity provides formation and stability of moral and spiritual immunity that appears by virtue of them in the semantic field of patriotism.*

Practical implications. *The practical implication of the research is in its usability to work out courses on philosophy, culture philosophy, etc. Social time study theory can be realized in teaching practice of the new course unit «The basics of social time study» as a humanity subject in sectoral research institutes and for the particular majors in traditional universities.*

Keywords: *culture of time; social time study; dialectical and trialectical method; the diagnostic of time; noospheric patriotism; mental and moral immunity.*

Проблема поиска преемственности смысла и форм патриотизма представляется особенно актуальной, новизна и научная значимость определяется ее рассмотрением в контексте социального времяведения. Концепцию социального времяведения можно рассматривать в качестве альтернативы «рыночному фундаментализ-

му». Мы можем констатировать, что настал период теоретического конституирования и практического применения парадигмы социологического конструктивизма и социологии жизни [16, с. 7–17], которая в контексте теории культуры времени и практической философии социального времяведения, по нашему мнению, может привести к прорыву социологического знания от диагностики фрагментарного распознавания пространственно-временных ситуаций к комплексному философско-социологическому диагнозу времени (структур-состояний и время-процессов). Особенно остро эта востребованность проявляется в связи с актуализацией междисциплинарности науки, технологий, образования, и с созданием нового научно-образовательного ландшафта России, как отмечено на двух заседаниях (в июне 2015 г. и январе 2016 г.) Совета при Президенте РФ по науке и образованию.

Анализируя потенциал междисциплинарных «стыковочных узлов» в форме диагноза времени, полей современной геополитики и механизмов хронополитики, считаем, что поиск путей конституирования и практического применения новых интеллектуальных технологий в социологическом знании не говорит о его отставании от развития гуманитарного и естественно-научного дискурса. Конечно, можно только сожалеть, что труды В.И. Вернадского, в которых блестяще изложены теории об энергии человеческой культуры, о пространстве и времени в неживой и живой природе, о биосфере и ноосфере и др., в полном объеме опубликованы лишь спустя 50 лет после их написания [3]. И прошло еще недостаточно времени, чтобы досконально изучить и эффективно использовать их, особенно за рубежом. Однако, так же, как и труды А. Бергсона [1] и М. Хайдеггера [17], и работы современных российских времяведов, они заслуживают внимания и осмысления, поскольку остаются актуальными и подлежат преэминентности философией и социологией.

В связи с актуализацией междисциплинарности в науке, технологиях и образовании, а также в связи с распространением в общественном сознании модели постсоветского патриотизма, который

«представляет собой противоречивую смесь досоветской единой державной, советской военизированной и новой гражданской демократической форм» [11, с. 142–151], остро стала проблема преемственности вообще, и преемственности смыслов патриотизма, в частности, что нашло немедленный отклик у ведущих социологов нашей страны.

Теоретически новаторскими и эвристически ценными стали разработки: понятий «жизненный мир» и «смысл жизни» [16, с. 7–17], исторических трансформаций смыслов патриотизма [11, с. 142–151]; главного смысла политэкономической «либеральной» модели, созданной и запущенной реформаторами в 1990-х годах, которая «по-прежнему блокирует модернизационный потенциал России» [14, с. 137–148]; диагноза состояния социально-экономического организма нашей страны, который фиксирует, что «рост в РФ был преимущественно экстенсивным и к настоящему времени сменился застоем», а потому необходима стратегия опережающего развития, подчиненная цели приоритетного развития человеческих качеств («экономики для человека») [9, с. 83]; междисциплинарности в современной философии науки и полипарадигмальности в социологии как ответа на вызов времени поиска утраченного единства в многообразии форм исследований [8, с. 3–11], и другие. Следовательно, о тупике в социологической теории речь не может идти, а только о поиске «утраченного единства» в многообразии форм.

Поиск этого «утраченного единства» блестяще осуществлен в разработке новой парадигмы опережающего управления, которая нашла это единство на перекрестке «пространства – времени – жизни». Опережающее управление – это концепция управления будущим и из будущего. Она предполагает планирование не от достигнутого, уместное, когда перемены невелики, а от желаемого, когда все меняется очень быстро. В статье А.Э. Вайно «Капитализация будущего» отмечается: «Предлагаемая автором новая парадигма опережающего управления заключается в создании «подушки безопасности» не за счет накопления прошлого, т.е.

капитала прошлых периодов, а за счет капитализации будущего именно в тех объектах, которые необходимы для упреждения грядущих кризисов» [2, с. 42–57]. В статье фигурируют такие термины как «самоорганизация», «неопределенность», «рефлексия», «пространство», «время», «биосфера», «ноосфера» и другие синергетические и философские понятия. Но есть и абсолютно новые термины: «совесть рынка», «бизнес-оболочка», «транзакция», «НООСКОП». Дается описание НООСКОПА, его «дорожная карта». В России НООСКОП был изобретен в 2011 году «для получения и регистрации изменений в биосфере и в деятельности человечества». Этот прибор регистрирует изменения в ноосфере, в его работе используется учение В.И. Вернадского о биосфере и ноосфере. «Конструктивно НООСКОП использует принцип «русской матрешки», этого яркого образа геосфер – концентрических оболочек различной плотности и состава, составляющих Землю»... «Нооскоп – это первый прибор, позволяющий изучать коллективное сознание человечества» [2, с. 51, 52, 57].

Нам представляется, однако, что полученные НООСКОПом экономические данные с помощью «транзакций – кинокадров бытия – образа перекрестка трех его составляющих: пространства-времени-жизни», всё же нуждаются не только в постановке их на учет, на бухгалтерский баланс и в «капитализации будущего», но и нуждаются в их философской трактовке с позиций социального времяведения, и гуманитарной кризисологии, с учетом преемственности смыслов патриотизма [7, с. 44–46].

В контексте социального времяведения проблема патриотизма рассматривается как проблема выбора «правильности» пути. Социальное времяведение ведет поиск решения проблемы патриотизма в трех направлениях: 1) как проблемы цивилизационного патриотизма Большой и Малой Родины, 2) как проблемы ноосферного патриотизма, 3) как проблемы преемственности смыслов между ними. Вариативность решения проблемы патриотизма связана с тем, что социальное времяведение, исходя из диалектико-триалектической парадигмы, рассматривает патриотизм как феномен культуры, ко-

торый, как и другие культурные феномены, имеет диалектическую «природу бытия» (результат взаимодействия коллективно-пространственной горизонтали в динамике объекта и индивидуально-временной вертикали в развитии субъекта) и, вместе с тем, имеет тройственную модель смыслов «существования» цивилизационной реальности – целостность настоящего, преемственность прошлого и целесообразность будущего. Путь решения проблемы ноосферного патриотизма выглядит как Стрела линейного, преемственно-кумулятивного времени, направленная из прошлого в будущее, не имеющая альтернатив конструктивному сотрудничеству в решении общих задач человечества. Путь решения проблемы цивилизационного патриотизма Большой и Малой Родины разворачивается в нелинейном реактивно-циклическом времени, через преодоление цивилизационной профанности, связанной с утратой собственной цивилизационной идентичности, а, следовательно, патриотической ориентации, рабским копированием чужого опыта, создающим видимость свободы выбора на современном (ноосферном и общенациональном) и повседневном (коллективном и личностном) уровнях. Оба эти пути имеют общий вектор – «устремленность в будущее», и постоянно взаимодействуют, взаимодополняют друг друга, в противовес вектору «устремленность в прошлое» [4, с. 110–116]. Векторы формируются под влиянием априоризма. Оптимистическое учение И. Канта о «трансцендентальной эстетике» в «Критике чистого разума» [5] постулирует наличие априорных (доопытных) рамок пространства-времени, выстраивающих единичные факты эмпирического опыта в строгую детерминистическую систему.

А.С. Панарин, развивая идеи И. Канта, называл априоризм «трансцендентальным полем культуры», существующим в двух формах: в форме программы, задаваемой культурной традицией (стереотипами и архетипами культуры) и в форме моральной и эстетической реакции на крайности сложившейся ситуации или событий, «шокирующих» культуру. «Первая форма априоризма создает линейное, преемственно-коммуникативное время, вторая –

реактивно-циклическое время, включающее прямую и реактивную фазу, или диалектику вызова – ответа» [12, с. 47].

Социальное времяведение, в свете сказанного, рассматривает преемственность смыслов патриотизма, транслируемых во всех эпохах исторического периода пространственно-временного бытия человека, во-первых, как относительно-стабильную структуру-состояние, позволяющую интерпретировать априорные смыслы в качестве «вызовов» (аффицирующих, актуальных), во-вторых, как время-процесс поиска альтернативных адекватных «ответов» и, в третьих, как соответствие этого поиска ранее сформулированным моделям будущего, и сохранению целостности настоящего. Следовательно, для изучения процессов преемственности смыслов необходима такая виртуальная структура диагноза времени, которая могла бы «перемещаться» по Стреле времени, перегруппировывая смыслы целостности настоящего, преемственности прошлого и целесообразности будущего, используя и линейное преемственно-коммуникативное время, и реактивно-циклическое время. Такой структурой, по нашему мнению, является философско-социологический диагноз времени как способ установления правильности или неправильности выбора субъектом стержневого патриотического смысла жизни.

Таким образом, проблема патриотического выбора как стержневого смысла главной жизненной стратегии, стоит перед каждым цивилизационным субъектом – личностью, социальной общностью любого масштаба. Правильность или неправильность этого выбора определяется наличием смысловой времяцелостности и приближением ее структуры к «золотой пропорции».

Смысловая времяцелостность субъекта цивилизации – это виртуальная (мысленно возможная) реальность (структура-процесс), символизирующая целостность смыслов происходящего (в границах изучаемой пространственно-временной ситуации), опирающаяся на преемственность соответствующего опыта, накопленного в прошлом и актуализируемого в настоящем («петлю преемственности»), позволяющую конструировать смыслы целесообразности и адекватности в альтернативных перспективах будущего как мотивы

потенциальных «ответов» («порог предсказуемости») на «вызовы времени» («петли преемственности»). Иначе говоря, смысловая времяцелостность символизирует «золотую пропорцию» целостности: преемственности и целесообразности смыслов и соответствующих им форм цивилизационной реальности как структуры-состояния, развертывающейся в структуру-процесс (время-процесс) поиска адекватных «ответов» на «вызовы времени», т.е. поиска «порога предсказуемости» будущего в соответствии с «петлями преемственности» прошлого. Вместе они демонстрируют диалектико-триалектическую структуру интервальной рефлексии философско-социологического диагноза времени.

Здесь следует сделать очень важное уточнение. Оно касается необходимости провести черту разграничения между диалектико-триалектической структурой смысловой времяцелостности, являющейся виртуальной реальностью – целостность: преемственность и целесообразность, и структурой эволюционной, являющейся «реальной виртуальностью» [7, с. 202]: преемственность – целостность – целесообразность. В первом случае главным смыслом является целостность настоящего, испытывающая воздействие и сама осуществляющая влияние в двух направлениях: на смыслы преемственности прошлого и целесообразности будущего. Во втором случае – главным является само поступательное движение реальности – ее эволюция: преемственность – целостность – целесообразность.

Социальное времяведение, проведя перегруппировку смыслов эволюционной парадигмы в смысловую времяцелостность, рассматривает ее в трех ипостасях, в следующих формулах смысловой времяцелостности: 1) на уровне «формальной действительности» (В.И. Вернадский, Н.Н. Моисеев) – в научной картине мира – «бесконечноподобие: времяподобие и пространствоподобие»; 2) на уровне современной картины общественной жизни – в качестве «золотой пропорции»: «целостность настоящего – это преемственность прошлого и целесообразность будущего»; 3) на уровне повседневного культурно-личностного рисунка жизни (жизненной стратегии): «сегодня – есть вчера, плюс завтра».

Наличие смысловой времяцелостности, стремящейся к «золотой пропорции», определяет «правильность» и «соответствие» преэминентности и трансляцию смыслов патриотизма. Помимо многих форм воспитательной работы их могла бы обеспечить учебная дисциплина «Основы социального времяведения», раскрывающая предмет и методологию концепции культуры времени, и практической философии, отражающая деятельное отношение человека к миру, преэминентность смыслов цивилизационного и ноосферного патриотизма. С точки зрения этой учебной дисциплины, смысловая времяцелостность – есть условие ликвидации философской слепоты как массового явления, когда человек полагает себя естественным центром бытия. Философская слепота приводит к выбору ложного пути самоопределения – к нравственному солипсизму. По нашему мнению, философская слепота насаждается посредством создающихся сетевыми структурами явных и тайных языков как ценностно-имитационных конструкторов социальной реальности, а также лингвистической манипуляцией сознанием [18, с. 10].

Невиданные ранее усилия по манипуляции сознанием предпринимают правительственные и разведывательные структуры Украины. В свете этих манипуляций два братских народа, которые веками жили бок о бок, помогая друг другу и выручая в тяжелые годы испытаний – русские и украинцы вдруг, по указанию из Вашингтона, стали врагами [13, с. 33]. С точки зрения социального времяведения, подобная мутация патриотических смыслов, утрата ими консолидирующей и интегрирующей функций, требуют постановки и решения проблемы качества смыслов, в том числе патриотических.

Понятие «смысл» пришло в философию и социологию из психологии. Этому понятию противостоит понятие «ценность». Выдающийся советский психолог А.Н. Леонтьев (1903–1979) писал: «Понятие смысла должно вобрать в себя то рациональное, положительное, что в идеалистическом своем извращении развивалось в понятии ценности (Шпенглер и др.)». Он различал также понятие «общественное значение» и «личностный смысл», считал, что в них выражается диалектика объективного и субъективного. «Пер-

вичное значение развивается: появляется отношение смысл – значение, «смысловое поле», возникает система человеческих смыслов. Смысл и есть «для меня значение!» [10, с. 232]. Отметим, что в информационном поле культуры смыслы и значения образуют смысловое поле, в котором существует единство: «смысл – значение», определяющее «всю систему человеческих смыслов».

Как точно отметил Г. Хофстеде [19, с. 45], в формировании смыслов активно используется образ героя. Причем в качестве героя могут выступать не только реальные, но и вымышленные персонажи. Они обязательно должны обладать характеристиками, которые высоко ценятся в данной культуре, и, соответственно, служат образцом для подражания. Причем символы, ритуалы и герои выступают в роли практик, в основании которых непременно должны находиться ценности.

В условиях все более широкого распространения и влияния психологического знания, увеличивается роль смыслов и значений как компонентов смысловых полей. В этих полях смыслы представляют собой скрытый, тайный компонент, выражающий латентные, истинные цели, устремления, рожденные потребностями и интересами субъекта в определенной пространственно-временной ситуации. Эти смыслы имеют свою тайную жизнь в пространственно-временной ситуации. Иногда они становятся явными, но чаще всего и в полях геополитики (в информационных – ценностно-имитационных «холодных», «теплых» и «горячих» войнах), и в механизмах хронополитики (обеспечивающих смысловую времяцелостность), скрытые смыслы так и остаются тайнами.

Другое дело – общественные значения. Они всегда публичны (социально-значимы) и разворачиваются в коллективно-пространственной горизонтали реактивно-циклического времени в форме «вызова – ответа». Смыслы и значения составляют смысловое поле, которое отражает прямую и ретроспективную взаимосвязь качества смысла и качества жизни, и выражается в словах (тексте), в языке (в свободе слова).

«Свобода слова» – это политико-правовой термин. В нем общественные значения часто диктуются внешними факторами – госструктура-

ми или общественным мнением, т.е. являются нормативными. Индивидуальные или личные смыслы прямому диктату не подлежат. В их времяцелостности ведущим является ментальный фактор, внутренний. Поэтому «свобода слова» чаще всего реализуется как нормативный феномен. И только в смысловом поле патриотизма этот внешний, нормативный феномен сливается с ментальным, внутренним, образуя неподдельные патриотические чувства любви к Большой, Малой Родине и планете Земля, которые мы называем метавнешними (синтезными, переходными). Однако это происходит лишь в том случае, если «смыслу» и «значению» не мешает, а помогает воссоединиться «ценность». Ценности, в силу своей стоимостно-валютной имитационности и нормативности, в информационной войне могут или смягчить эти чувства, или способствовать их мутации, или вообще уничтожить смыслы, или на какое-то время заморозить их, разрушить их целостность и целесообразность, разорвать «пуповину» преемственности прошлого, и попросту зомбировать сознание. Этим и объясняется мутирование смыслов.

В приведенном примере с зомбированием сознания украинцев роковую роль сыграли «западные ценности» США и Европы. Они оказались «стоп кадром» в развитии сценария постсоветской дружбы Украины с Россией. Под их влиянием советско-украинский патриотизм мутировал в агрессивный экстремизм и русофобию.

Проблему качества смысла в культурологии впервые поставил наш современник и соотечественник Л.В. Скворцов. Он вводит понятие «квалит» для характеристики сложности смысла информации. «Квалит – это атом качества, идеально-реальная определенность смысла». Сложность смысла здесь заключена в единстве, своего рода атоме некоего «странного идеально-реального бытия». Смыслы проявляют себя в различных квалитах как единство состояния и целей. Эмпирически наличие смысла постигается через его внезапный распад. «Смысл как воздух: когда он есть, его не замечают; когда он вдруг исчезает, наступает смерть» [15, с. 129].

Л.В. Скворцов впервые связал проблему жизни и смерти, и проблему качества социальной информации, выдвинув идею квалита

смысла, что должно послужить новым импульсом для междисциплинарного изучения процессов смыслообразования в философии, культурологии, социологии, гуманитарной кризисологии, поскольку, опираясь на «интервальную рефлексию», квалификация смысла может служить краеугольным камнем в фундаменте теорий абстрагирования и детекции ошибок как составной части концепции диагноза времени.

Таким образом, социальное времяведение, разрабатывая проблему преемственности смыслов и форм патриотизма, приводит к необходимости применить для этого диалектико-триалектическую парадигму философско-социологического диагноза времени, используя новую концепцию смысловой времяцелостности, интервальный тип философской рефлексии, обладающей потенциалом «правильного философствования», и доказательства нетождественности «бытия» как диалектики «динамического равновесия», и «существования» как триалектики «золотой пропорции».

Список литературы

1. Бергсон А. Длительность и одновременность. М.: КДУ, Добросвет, 2013. 160 с.
2. Вайно А.Э. Капитализация будущего // Вопросы экономики и права. 2012. № 4. С. 42–57.
3. Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991. 271 с.
4. Зиновьев А.А. Распутье. М.: Изд-во Элефант, 2005. 319 с.
5. Кант И. Критика чистого разума. М.: Эксмо, 2014. 736 с.
6. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: Изд-во ГУ ВШЭ, 2000. 458 с.
7. Каширин В.И. Гуманитарная кризисология: истоки и специфика // Гуманитарий Юга России. Научно-образовательный журнал. 2014. № 2. С. 34–46.
8. Киященко Л.П. Междисциплинарность – область взаимодействия философии и социологии // Социологические исследования. 2016. № 2. С. 3–11.

9. Колганов А.И., Бузгалин А.В. Реиндустриализация как ностальгия? // Социологические исследования. 2014. № 1. С. 81–94.
10. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Смысл, 2005. 352 с.
11. Магарил С.А. Смыслы патриотизма – исторические трансформации // Социологические исследования. 2016. № 1. С. 142–151.
12. Панарин А.С. Глобальное политическое прогнозирование. М: Алгоритм, 2000. 348 с.
13. Прокопенко И.С. Вся правда об Украине. Кому выгоден раскол страны? М.: Эксмо, 2014. 352 с.
14. Симонян Р.Х. Есть ли особый «Русский путь»? (Политические заметки) // Социологические исследования. 2013. № 7 (339). С. 137–148.
15. Скворцов Л.В. Информационная культура и цельное знание. М.: ИНИОН, 2001. 440 с.
16. Тощенко Ж.Т. Жизненный мир и его смыслы // Социологические исследования. 2016. № 1. С. 7–17.
17. Хайдеггер М. Бытие и время. [Пер. с нем.] Харьков: «Фолио», 2003. 503 с.
18. Шульц В.Л., Любимова Т.М. Тайные языки как контуры социальной реальности // Социологические исследования. 2016. № 6. С. 3–13.
19. Hofstede, G. *Cultures and organizations: Software of the Mind*. London: McGRAW-HILL BOOK COMPANY, 1991. 273 p.

References

1. Bergson A. *Dlitel'nost' i odnovremennost'* [Temporality and simultaneity]. M: KDU, Dobrosvet, 2013. 160 p.
2. Hofstede, G. *Cultures and organizations: Software of the Mind*. London: McGRAW-HILL BOOK COMPANY, 1991. 273 p.
3. Kant I. *Kritika chistogo razuma* [Critique of the pure reason]. Moscow: Eksmo, 2014. 736 p.
4. Kashirin V.I. Gumanitarnaja krizisologija: istoki i specifika [Humanitarian crisisologics: origins and specifics]. *The Humanities of the South of Russia*. 2014. no 2, pp. 34–46.

5. Kastels M. *Informacionnaja jepoha: jekonomika, obshhestvo I kul'tura* [The information epoch: economics, society and culture]. Moscow: SU HSE Publ., 2000. 458 p.
6. Khajdegger M. *Bytie I vremja* [Social existence and time]. [Translated from German]. Kharkov: «Folio», 2003. 503 p.
7. Kijaschenko L.P. Mezhdisciplinarnost' – oblast' vzaimodejstvija filosofii i sociologii [Interdisciplinarity – an interaction area between philosophy and sociology]. *Sociological researches*. 2016. no 2, pp. 3–11.
8. Kolganov A.I., Buzgalin A.V. Reindustrializacija kak nostal'gija [Re-industrialisation as nostalgia?]. *Sociological researches*. 2014. no 1, pp. 81–94.
9. Leontjev A.N. *Dejatel'nost', soznanie, lichnost'* [Activity. Consciousness. Individuality]. Moscow: Meaning, 2005. 352 p.
10. Magaril S.A. Smysly patriotizma- istoricheskie transformacii [Patriotism meanings- historical transformations]. *Sociological researches*. 2016. no 1, pp. 142–151.
11. Panarin A.S. *Global'noe politicheskoe prognozirovanie* [Global political forecast]. Moscow: Algorithm Алгоритм, 2000. 348 p.
12. Prokopenko I.S. *Vsja Pravda ob Ukraine. Komu vygoden raskol strany?* [The whole truth on Ukraine. Who benefits the country split?]. Moscow: Eksmo, 2014. 352 p.
13. Shults V.L., Lubimova T.M. Tajnye jazyki kak kontury social'noj real'nosti [Cantings as social reality outlines]. *Sociological researches*. 2016. no 6, pp. 3–13.
14. Simonjan R.H. Est' li osobyj «Russkij put'»? [Is there a special «Russian way»?] (Political notes). *Sociological researches*. 2013. no 7 (339), pp. 137–148.
15. Skvortsov L.V. *Informacionnaja kul'tura i cel'noe znanie* [Information culture and complete knowledge]. Moscow: INION, 2001. 440 p.
16. Toschenko Zh.T. Zhiznennyj mir i ego smysly [Background knowledge and its meanings]. *Sociological researches*. 2016. no 1, pp. 7–17.
17. Vayno A.E. Kapitalizacija budushhego [Future capitalization]. *Voprosy jekonomiki I prava* [Economics and law issues]. 2012. no 4, pp. 42–57.

18. Vernadskij V.I. *Filosofskie mysli naturalista* [Philosophical thoughts of the natural scientist]. Moscow: Science, 1988. 522 p.; Vernadskij V.I. *Nauchnaja mysl' kak planetnoe javlenie* [Scientific thought as global phenomena]. Moscow: Science, 1991. 271 p.
19. Zinoviev A.A. *Rasput'e* [The crossroad]. Moscow: Elephant Publ., 2005. 319 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Каширина Ольга Валерьевна, профессор кафедры философии, доктор философских наук, профессор
Гуманитарный институт Северо-кавказского федерального университета
ул. Пушкина, 1 А, г. Ставрополь, 355009, Российская Федерация
okashirina@mail.ru

Муликова Наталья Анатольевна, доцент кафедры социальной философии и этнологии, кандидат философских наук, доцент
Гуманитарный институт Северо-кавказского федерального университета
ул. Пушкина, 1 А, г. Ставрополь, 355009, Российская Федерация
n_mulikova@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Kashirina Olga Valerjevna, Philosophy Professor, Dr. in Philosophical Science, Professor
Humanitarian Institute, North Caucasus Federal University
1 A, Pushkin Str., Stavropol, 355009, Russian Federation
okashirina@mail.ru

Mulikova Natalya Anatolyevna, Social Philosophy and Ethnology Sundeartment Associate Professor, Ph.D. in Philosophical Science, Associate Professor
Humanitarian Institute, North Caucasus Federal University
1 A, Pushkin Str., Stavropol, 355009, Russian Federation
n_mulikova@mail.ru

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

NATIONAL HISTORY

DOI: 10.12731/2077-1770-2017-2-58-67

УДК 94(47).084.9

РАЗРАБОТКА ЗАКОНОВ О ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1980-х – 2010-х ГОДАХ: ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ЗНАЧЕНИЕ

Ткаченко В.В.

Реформирование социально-экономического развития страны во второй половине 1980-х годов вызвало необходимость повышения роли молодого поколения в решении хозяйственных, социально-культурных задач, управлении государственными и общественными делами. Молодежная политика оформляется в самостоятельную сферу деятельности государства. Формируется нормативная правовая база сферы молодежной политики.

Цель. Проанализировать процесс разработки и принятия законов о государственной молодежной политике в исследуемый период, определить их значение в развитии сферы молодежной политики.

Метод или методология проведения работы. Автор использует исторический, сравнительно-исторический, проблемно-хронологический и сравнительно-правовой методы.

Результаты. Автором показана роль комсомола в условиях происходящих социально-экономических преобразований в стране в решении вопроса о разработке и принятии Закона о молодежи, ставшего отправным документом в развитии государственной молодежной политики в СССР и Российской Федерации. Рассмотрен процесс разработки и принятия законов о молодежной политике в Российской Федерации. Выявлены проблемы, повлиявшие на законотворческую деятельность в исследуемый период.

Область применения результатов. *Результаты исследования могут быть использованы педагогическими и научно-педагогическими работниками, государственными служащими в сфере молодежной политики при разработке нормативных и методических документов, регулирующих данную сферу.*

Ключевые слова: *закон; комсомол; коммунистическая партия; государственная молодежная политика; молодежь.*

DEVELOPMENT OF LAWS ON THE STATE YOUTH POLICY IN THE SECOND HALF OF THE 1980th – THE 2010th YEARS: MAIN RESULTS AND VALUE

Tkachenko V.V.

Reforming of social and economic development of the country in the second half of the 1980th years has caused the necessity of increase in a role of the younger generation in the solution of economic, welfare tasks, management of the public and public affairs. The youth policy is made out in an independent field of activity of the state. The regulatory legal base of the sphere of youth policy is formed.

Purpose. *To analyse process of development and adoption of laws on the state youth policy during the studied period, to define their value in development of the sphere of youth policy.*

Methodology. *The author uses historical, comparative-historical, problem and chronological and comparative and legal methods.*

Results. *The author has shown a role of Komsomol in the conditions of the happening social and economic transformations in the country in the solution of the question of development and adoption of law on youth which has become the starting document in development of the state youth policy in the USSR and the Russian Federation. Process of development and adoption of laws on youth policy in the Russian Federation is considered. The problems which have influenced legislative activity during the studied period are revealed.*

***Practical implications.** Results of a research can be used by pedagogical and scientific and pedagogical workers, public servants in the sphere of youth policy when developing the normative and methodical documents regulating this sphere.*

***Keywords:** law; the Komsomol; the Communist Party; the state youth policy; the youth.*

В советскую эпоху молодежная политика была представлена во многих высших законодательных актах. В СССР не было сводного законодательства по молодежной политике. В 1980-х годах более чем в 1500 нормативных правовых актах были отражены положения, регулирующие вопросы жизнедеятельности молодежи.

В СССР трижды предпринимались попытки разработки проекта Закона о молодежи: в 1966, 1977 и 1987–1991 годах [2, с. 220]. В двух первых попытках предлагалось политику КПСС в отношении молодежи свести воедино в одном документе – Законе о молодежи. Однако до принятия закона дело не дошло, это считалось не актуальным. Коммунистическая партия была руководящей силой советского общества, а комсомол являлся выразителем ее политики среди молодежи. В период «Перестройки» ситуация изменилась. После XXVII съезда КПСС в поддержку предложения о принятии Закона о молодежи высказался советский лидер М.С. Горбачев [3, с. 139].

В ходе отчетов и выборов в комсомольских организациях страны из 25 территорий поступили в ЦК ВЛКСМ предложения о принятии Закона о молодежи [8, л. 137]. В адрес XX съезда ВЛКСМ поступили многочисленные предложения от комсомольских организаций, отдельных членов ВЛКСМ, представителей советской общественности о необходимости принятия закона СССР о молодежи, которые были рассмотрены и одобрены съездом, поддержаны Политбюро ЦК КПСС.

Бюро ЦК ВЛКСМ на заседании 31 августа 1987 года постановило образовать комиссию ЦК ВЛКСМ по разработке и рассмотрению предложений в проект Закона СССР о молодежи и поручить Научно-исследовательскому центру Высшей комсомольской школы при ЦК ВЛКСМ (директор центра – И.М. Ильинский) создать с сентября 1987 года временный творческий молодежный коллектив

в количестве до 20 человек для разработки концепции, структуры и текста проекта Закона СССР о молодежи [9, л. 229].

На XIX Всесоюзной конференции КПСС (1988 г.) впервые прозвучала идея о необходимости государственной молодежной политики, разработки и принятия Закона о молодежи, предложен ряд мер, нацеленных на решение проблем подрастающего поколения.

Проект закона неоднократно рассматривался на пленумах ЦК ВЛКСМ. Так, на заседании Бюро ЦК ВЛКСМ 14 марта 1989 года (протокол № 26) была рассмотрена информация временного творческого молодежного коллектива «Закон о молодежи» (руководитель – Д.Р. Полльева) о ходе работы над проектом Закона СССР «О государственной молодежной политике в СССР» и принято решение о рассмотрении данного вопроса на VI пленуме ЦК ВЛКСМ [10, л. 14].

Пунктом 2 Постановления Бюро ЦК ВЛКСМ «О подготовке проекта Закона Союза ССР «О государственной молодежной политике в СССР» для рассмотрения на VII Пленуме ЦК ВЛКСМ» от 29 марта 1989 года № 27/5а было поручено создать рабочую группу из состава Комиссии ЦК ВЛКСМ по подготовке законопроекта, временного молодежного творческого коллектива «Закон о молодежи» с привлечением сотрудников сектора автоматизированной обработки информации ЦК ВЛКСМ для сбора, обработки и анализа предложений и замечаний, поступающих в связи с обсуждением законопроекта [11, л. 11].

После XX съезда ВЛКСМ в период 1987–1990 годов в ЦК ВЛКСМ поступило свыше 1500 замечаний. Большое число предложений было высказано по проектам Устава и Программы ВЛКСМ, а также адресовано временному молодежному творческому коллективу «Закон о молодежи» [12, л. 141].

Коммунистическая партия на завершающем этапе своего существования на XXVIII съезде в июле 1990 года впервые приняла резолюцию «О молодежной политике КПСС», которая предусматривала новые принципы молодежной политики с учетом демократизации общественной жизни в стране, основанной на партнерстве со всеми политическими и общественными институтами, участвовавшими в реализации молодежной политики. Политические события не дали возможности КПСС перестроить свою молодежную политику на

основах и принципах, провозглашенных резолюцией о молодежной политике. КПСС выступила с инициативой за сильную государственную молодежную политику. Многие положения резолюции остались декларативны, не были подкреплены на политико-правовом и организационном уровне [1, с. 164–165].

Тем не менее, многие из поднимавшихся вопросов на XXVIII съезде КПСС нашли отражение в принятом 16 апреля 1991 года Законе СССР № 2114-1 «Об общих началах государственной молодежной политике в СССР» [5, Ст. 533]. Закон был введен в действие с 1 июля 1991 года [7, Ст. 534].

Значение Закона заключалось, прежде всего, в том, что государство закрепило не только основы молодежной политики, но и предусматривало создание системы государственной молодежной политики на территории СССР. Законом устанавливалась комплексная система мер, регулирующих основополагающие права молодежи в обществе, обязанности государства по их реальному обеспечению, определялись правовые принципы государственной молодежной политики. Этот Закон явился своего рода прорывом в отечественном законодательстве, стал первым в СССР и России специальным законом о государственной молодежной политике.

На заседании Бюро ЦК ВЛКСМ 21 мая 1991 года (протокол № 15) было принято обращение к руководителям высших органов государственной власти республик, в котором отмечалось, что принятый Верховным Советом СССР Закон «Об общих началах государственной молодежной политики в СССР» явился правовой основой государственной молодежной политики в нашей стране, стал важным шагом в создании правового общества в части законодательного регулирования взаимоотношений молодежи и государства. Однако по многим направлениям молодежной политики закон определил лишь общие начала и поэтому требует разработки и принятия значительного числа, развивающих актов законодательного и нормативного характера республиканскими органами законодательной и исполнительной власти [13, л. 30].

Данный Закон фактически утратил силу на территории Российской Федерации в связи с принятием Постановления Верховного

Совета Российской Федерации от 3 июня 1993 года № 5090-1 «Об основных направлениях государственной молодежной политики в Российской Федерации», в соответствии с которым стал осуществляться курс на проведение государственной молодежной политики в Российской Федерации [6, Ст. 903].

Официально Закон утратил силу на территории Российской Федерации с 1 сентября 2013 года в связи с принятием Федерального закона от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [4, Ст. 7598].

Начиная с 1991 года в субъектах Российской Федерации разрабатываются и принимаются законы, регулирующие отношения в сфере государственной молодежной политики на территории конкретного региона. Только с 1991 по 1999 годы законы о региональной молодежной политике были приняты в 52 субъектах Российской Федерации: в 1991 году – в 1 (Республика Башкортостан); в 1992 году – в 2; в 1993 году – в 3; в 1995 году – в 4; в 1996 году – в 6; в 1997–1998 годах – в 31; в 1999 году – в 5.

Законотворческий процесс продолжался в субъектах Российской Федерации и в 2000-е годы. Так, с 2000 по 2006 годы законы о региональной молодежной политике были приняты в 23 субъектах Российской Федерации, в том числе в 8 регионах в 2000 году, с 2008 по 2011 годы – в 6, в 2013 году – в 2, в 2015 году – в 1. Таким образом, в настоящее время практически во всех субъектах Российской Федерации приняты законы о региональной молодежной политике.

В 2000-х годах наряду с принятием законов о региональной молодежной политике в 43 субъектах Российской Федерации шел процесс принятия новых редакций законов о региональной молодежной политике взамен ранее уже принятых.

В настоящее время нет федерального закона, регламентирующего отношения, возникающие в ходе реализации государственной молодежной политики. В Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации (далее по тексту Государственная Дума) было внесено на рассмотрение несколько вариантов проектов федерального закона о государственной молодежной политике в Российской Федерации.

Федерации как депутатами Государственной Думы, так и органами законодательной власти субъектов Российской Федерации.

Так, в 1998 году группой депутатов Государственной Думы был внесен проект Федерального закона «Об основах государственной молодежной политики в Российской Федерации». В 1999 году Президент Российской Федерации отклонил представленный ему Федеральный закон «Об основах государственной молодежной политики в Российской Федерации» в связи с тем, что закон был подготовлен без учета положений Конституции Российской Федерации, федеральных законов и иных нормативных правовых актов Российской Федерации.

В 2007 году группой депутатов Государственной Думы был внесен новый проект Федерального закона «О государственной молодежной политике в Российской Федерации». В 2013 году в Государственную Думу были внесены на рассмотрение Орловским областным Советом народных депутатов проект Федерального закона «Об основах государственной молодежной политики в Российской Федерации», а в 2014 году Самарской Губернской Думой и рядом органов законодательной власти субъектов Российской Федерации проект Федерального закона «О молодежной политике в Российской Федерации».

Указанные проекты федеральных законов не были поддержаны Правительством Российской Федерации и отклонены Государственной Думой.

Необходимо отметить, что ряд положений законопроектов не содержали конкретных правовых норм и носили декларативный характер. Отношения, которые предлагалось регламентировать законопроектами, являлись предметом правового регулирования действующих нормативных правовых актов.

Таким образом, в середине 1980-х годов складывающаяся социально-экономическая ситуация в стране потребовала от руководства страны пересмотреть отношение, как к молодежи, так и к проводимой молодежной политике. Результатом этой политики стала разработка и принятие первого закона СССР, регулирующего государственную молодежную политику. Закон имел большое значение в части официального создания и дальнейшего развития

государственной молодежной политики, как в СССР, так и в дальнейшем в Российской Федерации.

Государственная молодежная политика в Российской Федерации формировалась и осуществлялась на основе концептуальных положений, закрепленных в Постановлении Верховного Совета Российской Федерации от 3 июня 1993 года № 5090-1 «Об основных направлениях государственной молодежной политики в Российской Федерации».

В настоящее время практически во всех субъектах Российской Федерации приняты законы о региональной молодежной политике. Вместе с тем в отличие от советского периода в Российской Федерации отсутствует федеральный закон о государственной молодежной политике.

Список литературы

1. Криворученко В.К. Молодежь и молодежная политика: термины и понятия. М.: Национальный институт бизнеса, 2005. 400 с.
2. Луков В.А. Закон о молодежи // Знание. Понимание. Умение. 2006. № 2. С. 219–221.
3. Нехаев В.В., Нехаева Т.Г. Молодежная политика: от КПСС и ВЛКСМ к государственной // Комсомолу – 80. Вопросы методологии и истории. М.: Социум, 1999. С. 137–147.
4. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.
5. Об общих началах государственной молодежной политики в СССР: Закон СССР № 2114-1 от 16 апреля 1991 года // Ведомости Совета народных депутатов СССР и Верх. Сов. СССР. 1991. № 19. Ст. 533.
6. Об основных направлениях государственной молодежной политики в Российской Федерации: постановление Верховного Совета Российской Федерации № 5090-1 от 3 июня 1993 года // Ведомости Совета народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации. 1993. № 25. Ст. 903.
7. О введении в действие Закона СССР «Об общих началах государственной молодежной политики в СССР»: Постановление Верховного Совета СССР от 16 апреля 1991 года № 2115-1 // Ведомости Совета народных депутатов СССР и Верх-ого Совета СССР. 1991. № 19. Ст. 534.

8. Российский государственный архив социально-политической истории (далее по тексту РГАСПИ). Ф. М-1. Оп. 135. Д. 185.
9. РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 135. Д. 196.
10. РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 135. Д. 257.
11. РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 135. Д. 263.
12. РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 135. Д. 303.
13. РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 135. Д. 388.

References

1. Krivoruchenko V.K. *Molodezh' i molodezhnaja politika: terminy i ponjatija* [Youth and youth policy: terms and concepts]. Moscow: National institute of business, 2005, 400.
2. Lukov V.A. Zakon o molodezhi [Law on Youth] *Znanie. Ponimanie. Umenie*, 2006, no 2: 219–221.
3. Nehaev V.V., Nehaeva T.G. Molodezhnaja politika: ot KPSS i VLKSM k gosudarstvennoj [Youth policy: from the CPSU and the All-Union Leninist Young Communist League to state]. *Komsomolu – 80. Voprosy metodologii i istorii* [To Komsomol – 80. Questions of methodology and history]. Moscow: Socium, 1999, 137–147.
4. Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon ot 29 dekabrja 2012 goda № 273-FZ [About education in the Russian Federation: The federal law of December 29, 2012 No. 273-FZ]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii = The Russian Federation Code*, no. 53 (1) (2012): St. 7598.
5. Ob obshhix nachalah gosudarstvennoj molodezhnoj politiki v SSSR: Zakon SSSR № 2114-1 ot 16 aprelja 1991 goda [About the general beginnings of the state youth policy in the USSR: The law USSR No. 2114-1 of April 16, 1991]. *Vedomosti Soveta narodnyh deputatov SSSR i Verhovnogo Soveta SSSR = Sheets of Council of People's Deputies of the USSR and the Supreme Council of the USSR*, no. 19 (1991): St. 533.
6. Ob Osnovnyh napravlenijah gosudarstvennoj molodezhnoj politiki v Rossijskoj Federacii: postanovlenie Verhovnogo Soveta Rossijskoj Federacii № 5090-1 ot 3 ijunja 1993 goda [About the Main directions of the state youth policy in the Russian Federation: the resolution of the Supreme Council of the Russian Federation No. 5090-1 of June 3, 1993]. *Vedomosti Soveta narodnyh deputatov i Verhovnogo Soveta Rossijskoj*

- Federacii* [Sheets of Council of People's Deputies and the Supreme Council of the Russian Federation], no. 25 (1993): St. 903.
7. O vvedenii v dejstvie Zakona SSSR «Ob obshhiih nachalah gosudarstvennoj molodezhnoj politiki v SSSR»: Postanovlenie Verhovnogo Soveta SSSR ot 16 aprelja 1991 goda № 2115-1 [About enforcement of the Law USSR “About the general beginnings of the state youth policy in the USSR”: The resolution of the Supreme Council of the USSR of April 16, 1991 No. 2115-1]. *Vedomosti Soveta narodnyh deputatov SSSR i Verhovnogo Soveta SSSR* [Sheets of Council of People's Deputies of the USSR and the Supreme Council of the USSR], no. 19 (1991): St. 534.
 8. *Rossiiskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii, dalee po tekstu RGASPI* [The Russian State Archive of Socio-political History, next RGASPI]. F. M-1. Op. 135. D. 185.
 9. *RGASPI*. F. M-1. Op. 135. D. 196.
 10. *RGASPI*. F. M-1. Op. 135. D. 257.
 11. *RGASPI*. F. M-1. Op. 135. D. 263.
 12. *RGASPI*. F. M-1. Op. 135. D. 303.
 13. *RGASPI*. F. M-1. Op. 135. D. 388.

ДАНИЕ ОБ АВТОРЕ

Ткаченко Виктор Викторович, кандидат исторических наук, доцент, заместитель начальника отдела поддержки этнокультурной специфики и особых форм образования Департамента государственной политики в сфере общего образования
Министерство образования и науки Российской Федерации
ул. Тверская, 11, г. Москва, 125993, Российская Федерация
Tkachenko_V_530@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Tkachenko Victor Viktorovich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Deputy Chief of Department of Support of Ethnocultural Features and Special Forms of Education of Department of State Policy in the Sphere of the General Education
Ministry of Education and Science of the Russian Federation
11, Tverskaya Str., Moscow, 125993, Russian Federation
Tkachenko_V_530@mail.ru

ОБЩЕЕ И ПРИКЛАДНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

GENERAL AND APPLIED LINGUISTICS

DOI: 10.12731/2077-1770-2017-2-68-78

УДК 81.42

О ГРАММАТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОЙ ПРОЗЫ XX ВЕКА)

Литвиненко Т.Е.

Статья посвящена актуальной для современной лингвистики проблеме установления категориальных признаков различных типов дискурса, определения их языковой специфики и связи средств их вербальной кодификации с онтологизируемой картиной мира.

***Цель.** Исследование направлено на выявление особых грамматических конструкций, присущих художественному дискурсу, в том числе его латиноамериканскому варианту как национально-специфическому виду коммуникации.*

***Метод и методология проведения работы.** В ходе исследования языкового материала был использован метод дискурсивного анализа, направленный на описание и интерпретацию грамматических, просодических и контекстуальных параметров дискурса.*

***Результаты.** Анализ корпуса латиноамериканских художественных текстов позволил выделить двухкомпонентную систему единиц, объединяющую грамматические элементы, построенные по принципу ритмико-синтаксического подобия, и элементы с синтаксической и просодической инверсией. Представлена классификация грамматических единиц, реализующих особую дискурсообразующую функцию.*

Область применения результатов. *Результаты и выводы исследования могут быть использованы при проведении анализа дискурсов иных типов, включая описание их семиотических моделей, идиоэтнического и культурного своеобразия, стратегий и механизмов речевого воздействия.*

Ключевые слова: *художественный дискурс; грамматическая конструкция; просодия; рекуррентность; сегментация; системность; испанский язык.*

ON GRAMMAR MEANS OF LATIN AMERICAN LITERARY DISCOURSE

Litvinenko T.E.

The article is devoted to the issue of categorical features of various types of discourse, definition of their linguistic specificity as well as connection between their verbal means and the conceptual world picture.

Purpose. *The paper identifies grammatical constructions being typical for literary discourse, particularly, for its Latin American version as a peculiar national form of communication.*

Methods and methodology. *To achieve the objectives, the following methods were used: discourse analysis based on the interpretation of grammatical, prosodic and contextual parameters of fiction, and comparative method.*

Results. *The analysis of Latin American literature allowed defining the two-component system of grammatical units. It includes items with rhythmic and structural similarity, as well as items with syntactic and prosodic inversion. The classification of grammatical unites, which implement a discourse function, was submitted.*

Applications. *The results and conclusions of the research can be used to both analyze other types of discourses and describe their semiotic models, ethnic and cultural identity, strategies and mechanisms of speech influence.*

Keywords: *literary discourse; grammatical construction; prosody; recurrence; segmentation; integrity; Spanish language.*

Среди множества средств концептуальной и знаковой организации дискурсивного пространства художественной прозы особая роль принадлежит различным видам грамматических построений, само наличие которых является свидетельством их специфического дискурсивного статуса. Реализуясь как особый способ актуализации семиотически упорядоченной эстетической информации, они маркируют включающую их прозу как продукт, значительно отличающийся от других типов дискурса, присущих бытовой и институциональной сферам коммуникации. При этом, структурируя грамматический уровень дискурса, такие построения всегда представляют собой комплекс единиц, чей коммуникативный потенциал может быть раскрыт только путем анализа их прагматически обусловленной интеграции.

К числу такого рода поликомпонентных единиц относятся конструкции со специфическим порядком слов и обусловленной им специфической ритмической организацией, чье появление в дискурсе есть результат действия двух разнонаправленных факторов: 1) уподобления, упорядочивания и повтора языковых единиц и 2) разрушения нейтральной грамматической и просодической структуры высказывания.

Обращение к латиноамериканскому художественному дискурсу прошлого века показывает, что наличие в нем названных грамматических структур непосредственно связано с отраженной в нем синкретичной картиной мира, объединяющей коммуникативные практики разных этнокультур. Речь идет об особом – латиноамериканском – видении мира [8], предопределившем цикличность тем и чередование сюжетных фреймов, устройство моделей и типологию стратегий саморепрезентации, необычные пространственные и временные интертексты, и, наконец, специфическую манеру письма или код, присущие этой литературе в целом.

Кстати, говоря об интертекстуальной природе данного дискурса [1], следует упомянуть об одном из его устойчивых наименований: «необарокко». Цитируя подлинное барокко, дискурс, возникший в иной лингвоэтнической среде, сохранил ключевые черты своего европейского источника: избыточность, перенасыщенность описа-

ниями и деталями, часто мало сопоставимыми друг с другом или контрастными; стремление создать впечатление раздвоенности, противоречивости, хаотичности внутренней и внешней действительности и всеобщего «упорядоченного беспорядка» как формы ее существования. При этом образ мира в произведениях возникал благодаря своеобразной дискурсивной технике романистов – дроблению, разложению на фрагменты каждого конкретного эпизода повествования и конструированию из на первый взгляд не связанных обломков новой «магической реальности» [15].

В понимании многих исследователей именно в своеобразии дискурса необарокко следует искать свойства и сами корни ритмичности латиноамериканской прозы, – в соотношении в едином повествовательном ряду событий, персонажей, ситуаций, происходящих в различных местах и в разное время, и в создании на их основе «другой» реальности как иллюзии «первой» [6]. Совмещение нескольких сюжетных линий, обладающих собственным ритмом развития, пересечения их в определенных точках дискурса приводит, по мнению К. Пассафари, к появлению в местах особого напряжения действий специфических ритмических «контрапунктов» [13]. Подобные взгляды разделяет и Э. Джордано, считая, что «контрапунктический», «зигзагообразный» ритм способствует равномерному распределению тематических нарастаний и спадов, регулированию порядка напряжений-контрапунктов с участками относительного расслабления [9].

Еще одно проявление ритма, отмечаемое исследователями латиноамериканского художественного дискурса, связано со спецификой развертывания пространственно-временного континуума – основного элемента «магической реальности». Для создания иллюзии существования многомерного пространства и «воображаемого», «неподвижного», «статичного» и т.п. времени авторами использовалась особая повествовательная грамматика, основанная на взаимопереходах прошедшего и будущего времен, усиливаемая системой лексических повторов, нагнетанием абстрактных временных показателей. Все это сближало дискурсивный хронотоп с циклич-

ным временем фольклорных текстов и создавало в повествовании только ему присущую ритмичность.

По мнению Х.М. Овьедо [12], ритм связан и с другим способом смещения пространственно-временных рамок ситуации, достигаемых соположением, соединением в пределах одного высказывания глаголов и местоимений, не совпадающих в лице и числе. При этом дискурс, организованный от третьего лица, сохраняет перспективу, обращенную к началу повествования, течение которого постоянно нарушается включением первого лица местоимений и глаголов. В результате частой смены категорий разные точки зрения сливаются, совмещая тем самым чередующихся рассказчиков во фразе. Создается своеобразная глагольная метафора, объединяющая повествование от автора (3 лицо) и повествователя-актера (1 лицо), возникает их новый образ-гештальт, отражающий калейдоскопическое смешение субъективной и объективной реальности.

Примером подобных морфосинтаксических транспозиций может служить следующий фрагмент: «*Todaya lIevaban pantalón corto ese año, aún no fumábamos, entre todos los deportes preferían el fútbol y estábamos aprendiendo a correr olas, a zambullirnos desde el segundo trampolín del “Terrazas”, y eran traviesos, lampiños, curiosos, muy ágiles, voraces*» [17, с. 81].

Аккумуляция в тексте такого рода синтаксических построений приводит к появлению в нём сверхдлинных грамматически неупорядоченных высказываний с особым ритмом контрастно оформленных элементов.

Однако кроме онтологизации хаоса и дисгармонии грамматика необарокко давала возможность и специфической «систематизации беспорядка», облечения дискурса как знакового аналога бытия в геометрически правильную языковую форму. В этом смысле коммуникативные стратегии необарокко в значительной мере совпадали с повествовательными стратегиями древних индейских текстов.

Специфическая орнаментальность барокко оказалась востребованной при передаче магических формул ритуальных заклинаний и песен, помогла воссоздать «сакральную» архитектонику мифов

и легенд. Все это хорошо видно на примерах многочисленных стилизаций-интертекстов, таких как *Leyendas del Volcán* М.-А. Астуриаса, полностью построенных на симметричных повторах и параллелизмах, которые в данном случае образуют еще и типичнейшую фигуру барокко – макроконтекстуальную антитезу, основанную на противопоставлении двух космогонических начал:

«Los tres que venían en el viento correaban en la libertad de las campiñas sembradas de maravillas. Los tres que venían en el agua se guindaban de las ramas de los árboles copiados en el río a morder las frutas o a espantar los pájaros, que eran muchos y de todos colores. Los tres que venían en el viento despertaban la tierra, como los pájaros, antes que saliera el sol, y anohecido, los tres que venían en el agua se tendían, como los peces, en el fondo del río, sobre las yerbas pálidas y elásticas, fingiendo gran fatiga; acostaban a la tierra antes que cayera el sol. Los tres que venían en el viento, como los pájaros, se alimentaban de frutas. Los tres que venían en el agua, como los peces, se alimentaban de estrellas. Los tres que venían en el viento pasaban la noche en los bosques, bajo las hojas que las culebras perdidizas removían a instantes o en lo alto de las ramas, entre ardillas, pizotes, micos, micoleones, garrobos y mapaches. Y los tres que venían en el agua, ocultos en la flor de las pozas o en las madrigueras de lagartos que libraban batallas como sueños o anclaban a dormir como piraguas [4, p. 37].

Примеры подобной ритмизации можно найти и у других латиноамериканских писателей, использующих для ее достижения слоговые, лексические и лексико-грамматические повторы, а также перечисления и параллельные конструкции.

Обращение к латиноамериканскому художественному дискурсу показывает, что в создании ритмообразующих грамматических структур могут участвовать практически любые сегменты, вплоть до фраз и сверхфразовых единств, если они сходны, соизмеримы и повторяются с некоторой периодичностью. При этом соизмеримость и сходство таких средств достигаются как их просодическими характеристиками – расстановкой ударений, мелодическими подъемами и спадами, паузацией и пр., так и особенностями их синтаксической

организации, прежде всего, порядком слов. Как указывала по этому поводу Н.В. Черемисина, «...все факторы ритма – и закономерные, и второстепенные зависят в конечном итоге от порядка слов. Благодаря своеобразному расположению слов возникает та или иная ритмическая структура текста, диктующая вполне определенное ритмиконтонационное его членение и звучание» [3, с. 81].

Существование дискурсивных единиц, обусловленных действием первого из выше названных факторов, отмечалось многими исследователями [2; 10]. Как правило, они противопоставляются структурам с нейтральным, неосознаваемым ритмом фразы, возникающим при естественном чередовании ударных и безударных слогов, мелодических подъемов и спадов. Такой ритм, изначально присущий человеческой речи, порождается и воспринимается автоматически. В отличие от него, дискурсивно маркированный ритм всегда осознается носителями языка и, в силу этого, используется как средство прагматического, в том числе художественного, воздействия. Единицы этого типа представляют собой особые – симметричные – грамматические построения, являющиеся равноударными синтагмами с одинаковыми или градуально развивающимися мелодическими кривыми:

Los escribía en los ásperos pergaminos que le regalaba Melquíades, en las paredes del baño, en la piel de sus brazos, y en todas aparecía Remedias transfigurada: Remedios en el aire soporífero de las dos de la tarde, Remedios en la callada respiración de las rosas, Remedios en la clepsidra secreta de las polillas, Remedios en el vapor del pan del amanecer, Remedias en todas partes y Remedios para siempre [7, с. 90].

Второй тип грамматических единиц зависит от наличия и расположения во фразе слов, особо выделенных синтаксическими и просодическими способами.

Постоянным способом просодического выделения является фразовое ударение, которое носит фиксированный характер, всегда помечая последнее слово высказывания. Если в высказывании нет других акцентно выделенных слов, и таким образом оно имеет только одно сильное ударение, падающее на его последний эле-

мент, то ритм (акцентно-мелодическая структура) такого высказывания считается нейтральным [11]. Высказывания с нейтральным ритмом служат своеобразным фоном для фраз, чья ритмическая структура нарушается при включении в нее дополнительных выделительных ударений, сопровождаемых тональными изменениями, а иногда и образованием новых пауз. Такая перестройка высказывания создает «эффект аритмии», особенно хорошо заметный в окружении фраз, ритм которых носит автоматический характер. Высказывания с нарушенным ритмом воспринимаются среди них как контрастные, а благодаря своей низкой предсказуемости и как средства с высоким уровнем информативности.

Особыми дискурсивными единицами, каждая из которых с точки зрения просодии характеризуется наличием дополнительных выделительных ударений и пауз, а с позиции грамматики может быть определена как синтаксически расчлененное высказывание, являются:

– эмфатические конструкции с глаголом *ser*: *Fue Aureliano quien concibió la fórmula que había de defenderlos durante varios meses de las evasiones de memoria* [7, с. 73];

– сегментированные конструкции, возникающие в результате членения фразы путем смещения одного из ее сегментов (темы) в начальную позицию и отделения его от остального предложения большей или меньшей паузой: *San Juan Luvina. Me sonaba a nombre de cielo aquel nombre* [16, с. 181];

– парцелированные конструкции, создающиеся при разделении предложения на несколько самостоятельно оформленных частей, каждая из которых получает собственное фразовое ударение: *Por el hueco salió al olor de Loco-Solo, ya que otra cosa no podía salir de él; largo el aviso de que ya se había internado en su propio Asilo. Instalado en la comidilla del barrio hospitalero. Curado en ausencia. Transformado en ese doble apodo que nombraba para siempre la leyenda fatalmente engañosa de un hombre* [14, с. 336];

– вставные конструкции, особенно те их виды, которые по своей модальности (а следовательно, и интонационно) отличаются от базовой структуры: *Naecía cuarenta años apenas – ¿y qué son cuarenta*

años para el decurso de la Historia? – que habían muerto Voltaire y Rousseau, maestros de impiedad y de libertinaje [5, с. 21].

Итак, на основании проведенного анализа был установлен ряд особенностей латиноамериканского художественного дискурса, к числу которых следует отнести структуры со специфической ритмической организацией:

– грамматические единицы, в основе которых лежит синтаксический параллелизм в его различных вариантах: лексический повтор с синтаксическим распространением, конструкции с однородностью частей и пр.;

– грамматические единицы, связанные с акцентным выделением и дополнительным членением фраз: сегментация, парцелляция, парентеза и эмфаза.

Список литературы

1. Литвиненко Т.Е. Интертекст как поликультурное образование // В мире научных открытий. 2012. № 4.4. С. 167–183.
2. Николаева Т.М. От звука к тексту. М.: Языки русской культуры, 2000. 680 с.
3. Черемисина Н.В. Русская интонация: поэзия, проза, разговорная речь. М.: Русский язык, 1989. 240 с.
4. Asturias M.-A. Leyendas de Guatemala. Madrid: Cátedra, 2005. 238 p.
5. Carpentier A. El arpa y la sombra. Madrid: Alianza, 2013. 200 p.
6. Figueroa Sánchez C.R. Barroco y neobarroco en la narrativa hispanoamericana. Cartografías literarias de la segunda mitad del siglo XX. Medellín: Universidad de Antioquia, 2008. 288 p.
7. García Márquez G. Cien años de soledad. Bogotá: Grupo Editorial Norma, 2002. 500 p.
8. Gissi B.J. Psicología e identidad latinoamericana: Sociopsicoanálisis de cinco premios Nobel de Literatura. Santiago de Chile: Universidad Católica de Chile, 2002. 232 p.
9. Giordano E.P. Algunas aproximaciones a Rayuela, de Julio Cortázar, a través de la dinámica del juego // Homenaje a Julio Cortázar. N.Y: Las Américas, 1972, pp. 95–129.

10. Meschonnic H. Critique du Rythme. Anthropologie historique du langage. Lagrasse: Verdier, 1982. 732 p.
11. Nueva gramática de la lengua española. Madrid: Espasa-Calpe, 2009. 4032 p.
12. Oviedo J.M. Historia de la literatura hispanoamericana. De Borges al presente. Madrid: Alianza Editorial, 2002. 243 p.
13. Passafari C. Apuntes para una comprensión de la novela mexicana actual. Santa Fe: Universidad Nacional del Litoral, 1997. 214 p.
14. Roa Bastos A. Yo el supremo. Madrid: Cátedra. 2012. 465 p.
15. Ruíz Serrano C. Lo fantástico: Norte y Sur. El realismo mágico de las últimas décadas en Hispanoamérica y Rusia: ¿hibridez o desaparición? // Anales de Literatura Hispanoamericana. 2008. № 11, pp. 113–144.
16. Rulfo J. El llano en llamas. Barcelona: Editorial RM. 2005. 169 p.
17. Vargas Llosa M. Los cachorros. Madrid: Cátedra. 2010. 112 p.

References

1. Litvinenko T.E. Intertekst kak polikul’turnoe obrazovanie [Intertext as a multi-cultural phenomenon]. *V mire nauchnykh otkrytiy*, no 4.4. (2012), pp. 167–183.
2. Nikolaeva T.M. *Ot zvuka k tekstu* [From sound to text]. Moscow: Yazyki russkoy kul’tury Publ., 2000. 680 p.
3. Cheremisina N.V. *Russkaya intonatsiya: poeziya, proza, razgovornaya rech’* [Russian intonation: poetry, prose, colloquial speech]. Moscow: Russkiy yazyk Publ., 1989. 240 p.
4. Asturias M.-A. *Leyendas de Guatemala*. Madrid: Cátedra, 2005. 238 p.
5. Carpentier A. *El arpa y la sombra*. Madrid: Alianza, 2013. 200 p.
6. Figueroa Sánchez C.R. *Barroco y neobarroco en la narrativa hispanoamericana. Cartografías literarias de la segunda mitad del siglo XX*. Medellín: Antioquia Univ. Publ., 2008. 288 p.
7. García Márquez G. *Cien años de soledad*. Bogotá: Grupo Editorial Norma, 2002. 500 p.
8. Gissi B.J. *Psicología e identidad latinoamericana: Sociopsicoanálisis de cinco premios Nobel de Literatura*. Santiago de Chile: Chile Catholic Univ. Publ., 2002. 232 p.

9. Giordano E.P. Algunas aproximaciones a Rayuela, de Julio Cortázar, a través de la dinámica del juego. *Homenaje a Julio Cortázar*. N.Y: Las Américas, 1972, pp. 95–129.
10. Meschonnic H. *Critique du Rythme. Anthropologie historique du langage*. Lagrasse: Verdier, 1982. 732 p.
11. *Nueva gramática de la lengua española*. Madrid: Espasa-Calpe, 2009. 4032 p.
12. Oviedo J.M. *Historia de la literatura hispanoamericana. De Borges al presente*. Madrid: Alianza Editorial, 2002. 243 p.
13. Passafari C. *Apuntes para una comprensión de la novela mexicana actual*. Santa Fe: UNL Publ., 1997. 214 p.
14. Roa Bastos A. *Yo el supremo*. Madrid: Cátedra. 2012. 465 p.
15. Ruíz Serrano C. Lo fantástico: Norte y Sur. El realismo mágico de las últimas décadas en Hispanoamérica y Rusia: ¿hibridez o desaparición? *Anales de Literatura Hispanoamericana*, no 11 (2008), pp. 113–144.
16. Rulfo J. *El llano en llamas*. Barcelona: Editorial RM. 2005. 169 p.
17. Vargass Llosa M. *Los cachorros*. Madrid: Cátedra. 2010. 112 p.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Литвиненко Татьяна Евгеньевна, доктор филологических наук,
профессор кафедры романо-германской филологии
Иркутский государственный университет
ул. Ленина, 8, г. Иркутск, Иркутская область, 664025, Рос-
сийская Федерация
littatiana2404@gmail.com

DATA ABOUT THE AUTHOR

Litvinenko Tatiana Evgenievna, PhD, Professor, Department of Ro-
manic and Germanic Philology
Irkutsk State University
8, Lenin Str., Irkutsk, Irkutskaya oblast, 664025, Russian Fede-
ration
littatiana2404@gmail.com

DOI: 10.12731/2077-1770-2017-2-79-94

УДК 81'373.2

СЕМАНТИКА ИМЕННЫХ ГРУПП ПОЭТОНИМОВ И ИХ ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Рыбакова А.А.

Цель. *Статья посвящена проблеме изучения поэтонимов как пласта именных лексем русского языка, употребляемых в художественных произведениях. Предметом анализа выступают имена собственные, которые являются неотъемлемым компонентом семантико-стилистической системы словоупотребления эпиграммистов. Автор ставит целью раскрыть роль поэтонимов в организации семантического пространства текста русских эпиграмм.*

Метод или методология проведения работы. *Основным методом исследования является описательный с непосредственным наблюдением и интерпретацией языковых фактов. Он позволяет наглядно показать зависимость употребления поэтонимов от целевого назначения жанра эпиграммы.*

Результаты. *Результаты работы заключаются в том, что автор проводит семантический анализ имен собственных в текстах эпиграмм и показывает эволюцию жанра в использовании поэтонимов: обобщенные имена лиц с определенными нравственными недостатками сменяются каламбурно обыгрываемыми реальными именами и фамилиями адресатов.*

Область применения результатов. *Результаты исследования могут быть применены в практике преподавания стилистики русского языка, истории русского литературного языка, в спецкурсах по языку художественно-словесных жанров, в лингвистическом анализе художественного текста.*

Ключевые слова: *семантика; имя собственное; поэтоним; целевое назначение; эпиграмма.*

SEMANTICS OF POETONYMS AND THEIR FUNCTIONAL FEATURES IN THE RUSSIAN LANGUAGE

Rybakova A.A.

Purpose. *The article is devoted to the issue of studying poetonyms as a vocabulary of nominal lexemes in Russian artistic texts. The subject of analysis is the proper names as an integral component in the semantic-stylistic system of the authors of epigrams. The researcher aims to disclose the role of the poetonyms in the organization of the semantic space of the Russian epigrams.*

Methodology. *The main method of investigation is the narrative one with the direct observation and interpretation of linguistic facts. It makes it possible to show the dependence of choosing poetonyms on the purpose of the epigram as a genre.*

Results. *As a result of the study, the author makes a semantic analysis of the proper names in the epigrams and shows the evolution of the genre in using poetonyms, i.e., generalized names of persons with certain moral flaws are replaced by punning games with real names and surnames of addressees.*

Practical implications. *The results of the study can be applied in the practice of teaching stylistics, history of the Russian literary language, special courses on the language of artistic and verbal genres, linguistic analysis of the literary texts.*

Keywords: *semantics; proper name; poetonym; function; epigram.*

В процессе сознательного овладения языком люди с давних времен давали имена предметам, явлениям окружающей действительности, событиям и, конечно же, окружающим живым существам. В имени заложено нечто большее, чем «название» человека, в нем имеется определенный смысл. Имена собственные позволяют проследить изменения в системе языка, обусловленные историческими, социальными и культурными событиями, характерными для общества.

Проблема изучения имен собственных является одной из наиболее актуальных в современной лингвистике, так как имена играют важную роль в жизни человека. Имя люди получают с самого рождения и носят его всю жизнь. Проблемой изучения ономастической лексики занимались многие лингвисты (О.И. Фоякова, Н.И. Формановская, Н.Д. Арутюнова, А. В. Суперанская, Ю.А. Карпенко и другие), которые выделяли имена собственные из группы именных лексем средствами лингвистики с привлечением логики. В настоящее время возникают новые направления в исследовании имен собственных и их функциональных возможностей в разных сферах человеческого общения, что обусловлено современными тенденциями языкознания в совокупности с общекультурной ситуацией в мире.

Имена существительные в русском языке подразделяются на имена собственные и имена нарицательные с точки зрения принадлежности к лексико-грамматическим разрядам. По сравнению с нарицательным собственное имя является вторичным наименованием. Кроме этого, имя нарицательное является наименованием как одного предмета, так и целого класса, к которому этот предмет относится. Имя собственное имеет более тесную связь с объектом, так как он индивидуализируется при назывании.

Важными функциями имен собственных в языке в целом и в художественном тексте, в частности, считают номинативную, идентификационную и дифференцирующую функцию. Некоторые исследователи полагают, что языковые (денотативные) функции онимов в художественном тексте становятся вторичными [3; 4; 10].

В литературной ономастике имена собственные в функциональном плане изучаются в двух направлениях. О.И. Фоякова, В.И. Супрун в своих исследованиях опираются на лингвистику текста, где основной функцией имени собственного выступает текстообразующая, проявляющаяся на уровне контекста [9; 10]. По мнению представителей данного направления, имена собственные в художественном тексте выступают в качестве ключевых слов, при этом формально и содержательно организуя цельное, связанное и завершенное текстовое пространство. Другое направление в изучении функций

имен собственных в художественных текстах (в работах В.В. Виноградова, Ю.А. Карпенко, В.М. Калинкина) идет от основных положений поэтики и стилистики [1, 2]. Имена собственные выполняют стилистическую (поэтическую) функцию что обуславливает исследования выразительных возможностей ономастической лексики.

По определению О.И. Фоянковой, онимы как «универсальная функционально-семантическая категория имен существительных» – это «особый тип словесных знаков, предназначенных для выделения и идентификации единичных объектов (одушевленных и неодушевленных), выражающих единичные понятия и общие представления об этих объектах в языке, речи и культуре народа» [10, с. 21].

Онимы могут отражать особенности культуры того или иного этноса, при этом культурно-исторический потенциал в одних именах проявляется ярче, в других менее интенсивно. Признание лексического значения у имен собственных в совокупности с культурным отражением позволяет говорить о способности ономастической лексики обладать дополнительным коннотативным значением, отражающим историко-культурную специфику.

В рамках настоящего исследования мы рассматриваем оним как смыслопорождающий и текстообразующий функционально-семантический словесный знак. Все типы отношений – денотативное, сигнификативное и структурно-языковое – могут проявляться в именах собственных, но их качество совершенно иное по сравнению с компонентами значения нарицательных слов. Семантика ономастических лексем может варьироваться за счет их способности приращивать речеконтекстные, ассоциативные и фоновые значения: на денотативно-сигнификативный аспект наслаивается коннотативный аспект.

В настоящее время одним из приоритетных ракурсов рассмотрения и изучения ономастической лексики является поэтическая ономастика, или иначе – онамапоэтика, сосредоточенная именно на лингвистическом ракурсе изучения специфики ономастических единиц и закономерностей их функционирования в художествен-

ном тексте. В научной литературе за исследованиями подобного рода в лингвистике еще не закрепилось единого определения, поэтому термины «поэтическая (литературная) ономастика», «поэтонимология», «поэтика онаима», «стилистическая (литературно-художественная) ономастика» употребляются как синонимичные. При этом предметом поэтической ономастики являются имена, используемые в литературных произведениях, в художественной речи – поэтонимы.

Анализируя собственные имена, используемые писателями в художественных произведениях, лингвисты употребляют термины «имя» или «имя собственное», а литературоведы – «имя действующего лица», «имя персонажа». При этом и те, и другие считают, что точный выбор имени собственного для героя определяет смысловую и эмоционально-экспрессивную тональность текста в целом, а также позволяет выявить стиль языковой личности самого автора. Поэтому выявление функциональных особенностей поэтонимов в художественном тексте способствует глубокому и детальному пониманию авторского замысла.

Лингвист В.А. Никонов предлагает следующее определение: «Имя персонажа – одно из средств, создающих художественный образ, оно может характеризовать социальную принадлежность персонажа, передавать национальный и местный колорит, а если действие происходит в прошлом, то воссоздавать историческую правду (или разрушать ее, если имя выбрано вопреки правде)» [6, с. 237]. В данном определении ученым признается тесная связь имени собственного в художественном произведении с обществом и общественными условиями, но не уточняется его специфика в структуре и содержании художественного текста.

Существует и другой термин для обозначения собственных имен в художественном тексте – литературный антропоним, указывающий на личные собственные имена персонажей произведений. Позже в науке появился универсальный термин «поэтоним», соотносимый со всеми разрядами имен собственных в художественном тексте. В «Словаре ономастической терминологии» он определяет-

ся как «имя в художественной литературе, имеющее в языке произведения, кроме номинативной, характеризующую, стилистическую и идеологическую функции» [7, с. 108]. Поэтическая ономастика выступает как новое направление исследования текста, развивающееся на стыке ономастики, лексической семантики, лингвистики текста, стилистики и поэтики.

Проблемой классификации имен собственных в художественных текстах занимались В.Н. Михайлов, К.Б. Зайцева, Л.М. Щетинин, О.И. Фоякова, М.В. Карпенко, но их работы касались исследования конкретных литературных текстов без учета их жанрово-стилистической специфики. На наш взгляд, следует обратить внимание, в первую очередь, на целевое назначение текстов той или иной жанровой принадлежности. На уровне стилистической структуры текста и его семантической организации целевое назначение жанра проявляется в заданной им экспрессивно-оценочной окрашенности, которая определяет отбор и употребление в художественном тексте языковых средств.

Изучая особенности употребления поэтонимов авторами эпиграмм XVIII – XIX веков, можно установить, что целевое назначение сатирико-юмористического жанра эпиграммы – выразить негативное отношение к адресату посредством специальных приемов. Комическая характеристика создается либо открытым обличением пороков и недостатков адресата, либо посредством иронической насмешки. Это объясняет широкое использование в текстах данного жанра специально создаваемых эпиграммистами поэтонимов, содержащих отрицательную оценочность.

Так, при анализе эпиграмм XVIII века выделим частотность собственных имен-дериватов, обобщенно называющих отрицательные человеческие качества: Глупон, Подлон, Крадон, Скрыгин. Такие поэтонимы обладали функцией семантической характеристики персонажей. Например, в эпиграммах П.П.Сумарокова встречаются «Глупонов», «Глупон», «Скрыгин»: *Битобе славную поэму сочинил, //И всех читателей он ею прослезил.//А ты, Глупонов, нам в пять пуд поэму сбрыкал, //Но от твоей один лишь только Цензор плакал* (П.П. Сумароков); *«В природе смерти нет!» – так Гердер говорит.*

//Но мнения сего он, верно б, не держался, //Когда с Глупоном бы спознался, //Который хоть кого в минуту уморит (П.П. Сумароков); *Случилось Скрягину на проповеди быть. //Поддействовала в нем святая благодетель; //Кричит наш Скрягин: «Как изящна милостыня! //И я с сего часа пойду ее — просить»* (П.П. Сумароков). Все рассматриваемые тексты эпиграмм взяты из сборника, подготовленного В.Е. Васильевым, М.И. Гиллельсоном, Н.Г. Захаренко [8].

Подобные поэтонимы, несущие семантическую характеристику, находим в эпиграммах других авторов: *Чем хвастаешь, Подлон, то предков есть награда. // Хвались, что от тебя твои примут чада* (Неизвестный автор); *Пред взводом шествуя, тем чванится Подлон, //Что слышит за собой двух барабанов звон. //Но что ж народу те вещают барабаны? //Что, задом идучи, он вышел в капитаны* (Неизвестный автор); *О, как умен Крадон! //Все в свете знает он! //Заговори о чем – сентенция готова; //Его иль нет – о том ни слова* (Б.К. Бланк). Такие описательные имена дают прямую обличительную характеристику их носителей.

Возможны и прозвища адресатов, образованные сложением корней: *Не грубостью своей меня ты огорчаешь, //Но ласки, Стиховраль, несомны мне твои. //За что меня в твоё семейство ты вмещаешь? //Ну, пусть я и урод, да не твоей семьи* (В.В. Капнист); *Напрасно Стихобред сказал, //Что братом уж давно осла я почитал. //Я, право, побожуся, //Что в жизнь осла и не видал, //А в правде сей пошлюся //На Стихобреда самого: //Пускай он скажет сам, где видел я его?* (В.В. Капнист); *Начальник Взяткобрач отставку получил //И скоро с деньгами в столицу прикатил, //И где чрез полгода приезжего встречает, //Он говорит: «У вас, чай, тужат обо мне?» //— «Губерния, – приезжий отвечает, //По милости твоей вся плачет и рыдает!»* (Д.И. Хвостов); *Злорад творцов живых поносит, //А мертвых до небес возносит. //Но чтоб ту честь иметь, //Никто не хочет умереть* (Неизвестный автор). Эти поэтонимы создавались эпиграммистами для усиления экспрессии имени собственного за счет семантически необычной словообразовательной структуры лексемы.

Негативная экспрессия могла закрепляться авторами за непроизводными именами древнегреческого происхождения: *Какое сходство Клит с календарем имеет? //Он лжет и не краснеет* (П.П. Сумароков); *Ты правду, Клит, сказал, //Что ум наш очень мал, //Что он лишь скуку доставляет, //А пользы нет в нем никакой! //На это всяк согласие изъясляет, //Кто мало хоть знаком с тобой* (Н.Ф. Остолопов).

Эпиграммисты XIX века реже прибегали к высмеиванию адресата через его отрицательные качества. Они использовали новый прием осмеяния противника: имена собственные, принадлежащие реально существующим историческим деятелям, превращались в авторские поэтонимы. Это делалось для усиления иронической или саркастической экспрессии имени адресата эпиграммы. Содержание каждого поэтонима определялось соотносительностью его как с реальной личностью, так и с созданным художественным образом.

Например, в эпиграммах поэтов XIX века имя и фамилия их современника Фаддея Булгарина претерпевают каламбурную трансформацию в Видок Фиглярин: *Не то беда, что ты поляк: //Костюшко лях, Мицкевич лях! <...> //Беда, что ты Видок Фиглярин* (А.С. Пушкин). Полемика Булгарина с Пушкиным и другими литераторами велась на страницах журнала «Северная пчела». П.А. Вяземский первым назвал Булгарина «Фиглярин» еще в 1825 году в стихотворении «Семь пятниц на неделе» (имелось в виду, по видимому, что он как фигляр готов быть шутком на потеху публики). А.С. Пушкин добавил к ней имя «Видок», принадлежавшее знаменитому французскому преступнику, который позднее стал сотрудником полиции.

Называя писателя, журналиста, критика и издателя польского происхождения Ф.В. Булгарина «Фиглярин» неизвестный автор следующей эпиграммы благодаря семантическому каламбуру высмеивает многосторонность личности адресата: *Фиглярин рад сказать, что был кавалеристом; //Фиглярин рад прослыть хорошим журналистом, // <...> Но на коне он смотрит журналистом, //В журнале ж рубит смысл лихим кавалеристом //И выезжает на вранье* (неизвестный автор). В данных эпиграммах поэтонимы выпол-

няют эмоционально-стилистическую функцию, проявляющуюся в способности имени собственного выражать авторскую позицию и формировать эмоционально-оценочное отношение к изображаемому лицу.

В своих эпиграммах, адресованных Булгарину, П.А. Вяземский тоже называет литературного противника Видоком Фигляриным: *Недоумением напрасно ты смущен://Гостиная – одно, другое есть салон. <...>//Салоны ж созданы для избранных людей. //Гостиные видал и ты, Видок-Фиглярин //В гостинной может быть и ты какой-то барин, //Но уж в салоне ты решительно лакей* (П.А. Вяземский); *Я знал давно, что подл Фиглярин, //Что он поляк и русский сплошь, //Что завтра будет он татарин, //Когда б за то ему дать грош; //Я знал, что пошлый он писатель, //Что усыпляет он с двух строк, //Что он доносчик и предатель //И мелкотравчатый Видок <...>* (П.А. Вяземский). Эти авторские поэтонимы имеют ярко выраженную эмоционально-экспрессивную окраску негативного характера.

По происхождению Ф.В. Булгарин был поляк; он начал военную службу в русской армии, затем бежал в Варшаву и вступил в ряды польского легиона, сражавшегося на стороне армии Наполеона против России. Ф.В. Булгарина за его приспособленчество и частую смену взглядов А.С. Пушкин сравнил с флюгером и нарек Флюгариним: *Не то беда, Авдей Флюгарин, //Что родом ты не русский барин, //Что на Парнасе ты цыган, //Что в свете ты Видок Фиглярин: //Беда, что скучен твой роман* (А.С. Пушкин).

В приведенных выше эпиграммах подчеркнем значимость творческого решения автора после закрепления за именами собственными дополнительных коннотаций, которые наполнили экспрессивностью художественные образы.

В эпиграмме, направленной против журналиста М.Т. Каченовского, Пушкин называет Тредьяковского «древним Кочерговским» (изменение фамилии Каченовского произошло ради печати), а Каченовского – «дней новейших Тредьяковским»: *Там, где древний Кочерговский //Над Ролленем опочил, //Дней новейших Тредьяков-*

ский //Колдовал и ворожил: //Дурень, к солнцу став спиною, //Под холодный «Вестник» свой //Прыскал мертвою водою, //Прыскал ижицу живой (А.С. Пушкин). Смысл данной эпитаграммы в том, что «дурень», журналист М.Т. Каченовский, делает все неправильно: к солнцу, как к истинному знанию, становится спиной, пытается оживить мертвой водой свой журнал «Вестник Европы». В то же время он пытается оживить букву «ижица», давно вышедшую из употребления: тем самым поэт намекает на архаическую реформу правописания, проводимую журналом. Семантическое обыгрывание фамилии Каченовского обусловлено авторским отношением к реальному человеку, который является адресатом эпитаграммы.

Другая эпитаграмма на Каченовского начинается с обращения к адресату: *Хаврониос! Ругатель закоснелый, //Во тьме, в пыли, в презренье поседельи, //Уймись, дружок, к чему журнальный шум //И пaskвилей томительная тупость? <...>* (А.С. Пушкин). Хаврониос в данном случае происходит от слова «Хавронья», стилизованного под греческую форму. Широко был известен тот факт, что М.Т. Каченовский, адресат эпитаграммы, был по происхождению грек. Поэтоним «Хавронья» отсылает к басне И.А. Крылова «Свинья», где Хавроньей назван придирчивый критик: *Не дай бог никого сравненьем мне обидеть! //Но как же критика Хавроньей не назвать, //Который, что ни станет разбирать, //Имеет дар одно худое видеть?* Контекстуально-ситуативное переосмысление имени «Хавронья» в переносном значении содействует саркастической насмешке над адресатом. На примере данных эпитаграммы мы видим, как посредством поэтонимов авторы ориентируют реципиента в пространстве текста, где литературные имена собственные связаны с внутритекстовыми ассоциациями, связанными с культурно-историческим содержанием.

В цикле эпитаграмм «Поэтический венок Шутовского...» П.А. Вяземский семантически обыгрывает фамилию автора легковесных комедий князя Шаховского: *Напрасно, Шутовской, ты отдыха не знаешь, //За неудачами от неудач спешишь: //Комедией друзей ты плакать заставляешь, //Трагедией ты зрителя смешишь.* Имена

собственные в контексте текстового материала эпиграмм П.А. Вяземского приобретают особые оттенки значения, меняя свой исходный план содержания.

На семантико-ассоциативной игре имен и фамилий адресатов могут быть построены ономастические каламбуры: *Не дается боле слава, //Бедной музе Болеслава, //И она, впадая в детство, //Избрала плохое средство//Отличиться перед россом //Обстоятельным доносом* (Д.Д. Минаев). Болеслав Маркевич был реакционным публицистом и беллетристом, автором антинигилистических романов. Его фельетон «С берегов Невы» был прямым политическим доносом на Тургенева, которого Маркевич обвинял в связях с революционерами.

Каламбурное обыгрывание семантики фамилий встречается и в эпиграммах других авторов: *Невзоров, //Престань писать так много вздоров! //Поверь, никто не остановит взоров //На книге, где прочтет: писал Максим Невзоров* (П.А. Вяземский). Эпиграмма направлена против литератора, издателя журнала «Друг юношества» М.И. Невзорова, выбирающего для своих произведений нравственно-религиозные темы. Приведем еще один пример остроумной надписи на заглавном листе сборника стихотворений Н.В. Неведомского: *Поэт – Неведомский, не ведомый никем, //Печатает стихи неведомо зачем* (П.И. Колошин). Как видим, поэтонимы в эпиграммах получают способность семантизироваться, меняя исходный план содержания и приобретая контекстуально обусловленные оттенки смысла.

В эпиграмме А.С.Пушкина каламбурно осмысливается имя Ф.Н. Глинки, поместившего в «Северных цветах» два стихотворных переложения псалмов: *Наи друг Фита, Кутейкин в эполетах, //Бормочет нам растянутый псалом. //Поэт Фита, не становись Фертом! //Дьячок Фита, ты Ижица в поэтах* (А.С. Пушкин). Имя «Федор» писалось в то время через фиту, предпоследнюю букву старого русского алфавита, Ф – один из псевдонимов Глинки. Поэт иронически наделяет офицера Глинку фамилией дьячка из фонвизинского «Недоросля». Переложения псалмов — излюбленный жанр Глинки, нередко впадавшего в многословие. Намекая на пате-

тичность поэтического слога переложений Глинки, автор советует ему «не становиться фертом», то есть не важничать. Пушкин называет Глинку «Ижицей в поэтах», сопоставляя место адресата в литературе с местом последней буквы старого русского алфавита.

Комический эффект может строиться на ассоциативном столкновении одинаково звучащих слов с фамилией адресата, например, в эпиграммах на В. Кокорева и И.Л. Горемыкина: *Вот имя славное. С дней откупов известно // Оно у нас – весь край в свидетели зову; // В те дни и петухи кричали повсеместно: // Ко-ко-ре-ву... (Д. Минаев); Друг, обманчивой надежде // Понапрасну ты не верь: // Горе мыкали мы прежде, // Горе мыкаем теперь (Неизвестный автор)*. Поэтони́мы выступают в эпиграммах выразительным характеризующим средством, несущим информацию об адресатах и способствующим интерпретации авторского замысла.

Приводимая ниже эпиграмма Ф.И. Тютчева была вызвана мероприятиями по усмирению студенческих волнений, проведенными Г.И. Филиппсоном, в прошлом казачьим атаманом: *Он прежде мирный был казак, // Теперь он попечитель дикий; // Филиппов сын – положим, так, // А всё не Александр Великий (Ф.И. Тютчев)*. Ономастический каламбур «Филиппов сын» (перевод с немецкого фамилии Филиппсон) основан на том, что сыном македонского царя Филиппа был знаменитый полководец Александр Македонский.

Каламбурное расчленение фамилии Шишкова в эпиграмме П.А. Вяземского способствует тонкой насмешке над адресатом: *Шишков недаром корнеслов; // Теорию в себе он с практикою вяжет: // Писатель, вкусу шиши он кажет, // А логике он строит ков (П.А. Вяземский)*. Поэт называет А.С. Шишкова корнесловом, так как последний пытался внедрить в язык неологизмы, произведенные от исконно русских корней. Вторая часть фамилии адресата «ков» имеет значение «подвох, коварство». В данной эпиграмме функционально-эстетическая ценность поэтони́ма проявляется в организации пространства художественного текста.

В эпиграммах на литераторов часто усекается имя великого романиста Вальтера Скотта, в результате чего фамилия приобретает

ет семантику «грубый, невоспитанный человек»: <...> *Писатель гордый, издавая, //Мнил быть наш новый Вальтер Скотт. //К чему фамилия двойная? //Ему довольно, повторяя, //Одной последней без хлопот* (Неизвестный автор); *Все говорят: он Вальтер Скотт, //Но я, поэт, не лицемерю. //Согласен я: он просто скот, //Но, что он Вальтер Скотт, – не верю* (Неизвестный автор). Первые две эпиграммы направлены против Ф.В. Булгарина, иронически названного «своим британцем», то есть отечественным Вальтер Скоттом. Третья эпиграмма адресована А.А. Шаховскому и написана по поводу сценической переделки романа В.Скотта «Айвенго» под заглавием «Иваной, или Возвращение Ричарда Львиное Сердце».

Каламбурное переосмысление семантики фамилий адресатов встречается в эпиграмме Н.П.Огарева: *Длинный Панин повалился, //Муравьев не угодил, //Голохвастов сокрушился, //Хоть не Лжедимитрий был; //И Зиновьев лопнул тоже, – //Прочь пошли, не видя зги, //С попечительского ложа //Просвещения враги. //Кто ж наместо сих Омаров //К должности назначен сей? //Это просто граф Уваров, //Граф Уваров Алексей* (Н.П. Огарев). Написание эпиграммы связано с назначением А.С. Уварова попечителем Московского учебного округа. А.Н. Панин, В.Н. Муравьев, Д.П. Голохвастов, П.В. Зиновьев названы Омарами (врагами просвещения): по преданию, Халиф Омар ибн Хаттаб, взяв штурмом Александрию, сжег знаменитую Александрийскую библиотеку.

В эпиграмме неизвестного автора от фамилий министров внутренних дел «образованы» глаголы с однозначной негативной семантикой: Д.А. Толстой – граф, министр внутренних дел, а В.Д. Заика, В.К. Плеве, И.Н. Дурново – его помощники: *Большой сумбур российских дел //Толстой исправить захотел, //В помощники правленья своего //Он взял Заику, Плеве, Дурново. //Что ж? И при нем Россия не толстеет, //А заикается, плюется и дурнеет* (Неизвестный автор).

Таким образом, отбор и включение ономастической лексики в текстовое пространство художественных произведений – процесс целенаправленный, служащий выражению авторских интенций.

Поэтонимы являются неотъемлемым компонентом семантико-стилистической системы словоупотребления эпиграммистов, которые, начиная с имен обобщенных лиц с определенными нравственными недостатками, приходят к использованию авторских поэтонимов, каламбурно обыгрывающих реальные имена и фамилии адресатов.

Список литературы

1. Виноградов В.В. О языке художественной литературы. М.: Гослитиздат, 1959. 656 с.
2. Калинин В.М. От литературной ономастики к поэтонимологии // Логос ономастики. 2006. № 1. С. 81–88.
3. Калинин В.М. Поэтика онима. Донецк: Издательство Донецкого государственного университета, 1999. 408 с.
4. Карпенко М.В. Русская антропонимика. Конспект лекций спецкурса. Одесса: Одесский государственный университет им. И.И. Мечникова, 1970. 230 с.
5. Карпенко Ю.А. Имя собственное в художественной литературе // Филологические науки. 1986. № 4. С. 34–40.
6. Никонов В. А. Имя и общество. М.: Наука, 1974. 278 с.
7. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1988. 187 с.
8. Русская эпиграмма второй половины XVII – начала XX в. Л.: Сов. писатель, 1975. 968 с.
9. Супрун В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал: Монография. Волгоград: Перемена, 2000. 172 с.
10. Фонякова О.И. Имя собственное в художественном тексте. Учебное пособие. Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. 103 с.
11. Donnellan K.S. Proper Names and Identifying Descriptions // The Semantics of Natural Language / Ed. by D. Davidson, G. Harman. Dordrecht: Reidel, 1972. 293 p.
12. Grudeva E.V. Electronic dictionary of quotes as a way to enhance cultural literacy // Life Science Journal. 2014. № 12(12s), pp. 616–619.

13. Jarema G., Libben G., Kehayia E., Evrard M. Ageing and lexical access to common and proper names in picture naming // *Brain and Language*. 2002. V. 81. № 1-2-3, pp. 174–179.
14. Mzhelskaya O.K. The way national mentality influences the process of proper names appellativation and phraseologization // *SWorld Journal*. 2013. V.21315, pp. 380–395.
15. Yerysh L.A. Possible worlds as a macrocontext of connotative proper names functioning // *SWorld Journal*. 2013. T. 21315, pp. 180–200.

References

1. Vinogradov V.V. *O yazyke khudozhestvennoy literatury* [On the language of fiction]. M.: Goslitizdat, 1959. 656 p.
2. Kalinkin V.M. Ot literaturnoy onomastiki k poetonimologii [From literary onomastics to poetology]. *Logos onomastiki* [Logos of onomastics]. 2006. № 1, pp. 81–88.
3. Kalinkin V.M. *Poetika onima* [Poetics of names]. Donetsk: Donetsk State University Publishing House, 1999. 408 p.
4. Karpenko M.V. Russkaya antroponimika [Russian anthroponymics]. *Konspekt lektsiy spetskursa* [Lecture notes of the special course]. Odessa: Odessa State University named after I.I. Mechnikov, 1970. 230 p.
5. Karpenko Yu.A. Imya sobstvennoye v khudozhestvennoy literature [The proper name in fiction]. *Filologicheskiye nauki* [Philological Sciences]. 1986. № 4, pp. 34–40.
6. Nikonov V.A. *Imya i obshchestvo* [The name and society]. M.: Nauka, 1974. 278 p.
7. Podol'skaya N.V. *Slovar' russkoy onomasticheskoy terminologii* [Dictionary of Russian onomastic terminology]. M.: Nauka, 1988. 187 p.
8. *Russkaya epigrama vtoroy poloviny XVII – nachala XX v.* [Russian epigram of the second half of the XVII – early XX century]. L.: Sov. pisatel', 1975. 968 p.
9. Suprun V.I. *Onomasticheskoye pole russkogo yazyka i yego khudozhestvenno-esteticheskij potentsial* [Onomastic field of the Russian language and its artistic-aesthetic potential]: Monograph. Volgograd: Peremena, 2000. 172 p.

10. Fonyakova O.I. *Imya sobstvennoye v khudozhestvennom tekste* [The proper name in the artistic text]. Tutorial. L.: Leningrad State University Publishing House, 1990. 103 p.
11. Donnellan K.S. Proper Names and Identifying Descriptions. *The Semantics of Natural Language* Dordrecht: Reidel, 1972. 293 p.
12. Grudeva E.V. Electronic dictionary of quotes as a way to enhance cultural literacy. *Life Science Journal*, no 12(12s) (2014): 616–619.
13. Jarema G., Libben G., Kehayia E., Evrard M. Ageing and lexical access to common and proper names in picture naming. *Brain and Language*, Volume 81 no 1-2-3 (2002): 174–179.
14. Mzhelskaya O.K. The way national mentality influences the process of proper names appellativation and phraseologization. *SWorld Journal*, no 21315 (2013): 380–395.
15. Yerysh L.A. Possible worlds as a macrocontext of connotative proper names functioning. *SWorld Journal*, no 21315 (2013): 180–200.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Рыбакова Анна Александровна, доцент кафедры педагогики и технологий дошкольного и начального образования, кандидат филологических наук
*Армавирский государственный педагогический университет
ул. Розы Люксембург, 159, г. Армавир, Краснодарский край,
352900, Российская Федерация
annfisher@mail.ru*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Rybakova Anna Aleksandrovna, Associate Professor, Department of Pedagogy and Technologies of Preschool and Primary Education, Ph. D. in Philology
*Armavir State Pedagogical University
159, Rosa Luxemburg Str., Armavir, Krasnodar Region, 352900,
Russian Federation
annfisher@mail.ru
SPIN-code: 3954-8380
ORCID: 0000-0001-9761-2932*

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ, ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

COMPARATIVE-HISTORICAL, TYPOLOGICAL AND COMPARATIVE LINGUISTICS

DOI: 10.12731/2077-1770-2017-2-95-110

УДК 81' 374

CONTRASTIVE-COMPARATIVE ELECTRONIC DICTIONARY OF FIRE SCIENCE TERMINOLOGY OF BOTH RUSSIA AND THE USA: STATE OF THE ART AND FUTURE PROSPECTS

Sofronova T.M.

Purpose. *The article is devoted to the topical theme of lexicographic modeling of bilingual terminological dictionaries. The subject of study is the model of contrastive representation of the Russian and English forest fire science terminological system. The author aims to reveal the current state for the concept of a contrastive-comparative electronic dictionary of the Russian and US fire science terminology contributing to terminological coordination and harmonization and highlighting prospects for its development.*

Methodology. *The basis of the research is the definitional, conceptual and contrastive-comparative analysis and method of lexicographic modeling.*

Results. *The results of the study are that the author demonstrates the algorithm of effective semantization of scientific terms in the dictionary and transfer of the accumulated scientific experience with the preser-*

vation of national terminological peculiarities. As a stepping stone for such dictionary creation the author suggests using her prototype of the contrastive-comparative bilingual electronic glossary of the Russian and US fire science terminology. In prospect this project should attract experience in terminology management of large international lexicographic projects through cooperation with the Russian and US terminology experts and improve the software for potential involvement of fire science terminologies from other countries to this project.

Practical implications. *The results of the study can be applied in lexicographic work for making specialized explanatory and translation dictionaries.*

Keywords: *lexicographic modeling; terminology; fire science; contrastive-comparative analysis.*

СОПОСТАВИТЕЛЬНО-КОНТРАСТИВНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ СЛОВАРЬ ПИРОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ РОССИИ И США: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Софронова Т.М.

Цель. *Статья посвящена актуальной теме лексикографического моделирования двуязычных терминологических словарей. Предметом исследования является модель контрастивного представления терминосистемы лесной пирологии в русском и английском языках. Автор ставит целью раскрыть современное состояние концепции сопоставительно-контрастивного электронного словаря пирологической терминологии России и США, способствующего упорядочению и гармонизации терминов, и представить перспективы ее развития.*

Метод или методология проведения работы. *Основу исследования образуют дефиниционный анализ, логико-понятийный анализ, сопоставительно-контрастивный анализ и метод лексикографирования.*

Результаты. *Результаты работы заключаются в том, что автор демонстрирует алгоритм эффективной семантизации научных*

терминов в словаре и передачи накопленного научного опыта с сохранением национальных особенностей терминологии. В качестве задела для создания подобного словаря автор предлагает использовать разработанный им прототип сопоставительно-контрастивного двуязычного электронного глоссария пирологической терминологии России и США. В перспективе для реализации предлагаемого проекта необходимо привлечение опыта управления крупными словарными проектами на международном уровне через сотрудничество с ведущими специалистами в области терминологии России и США, а также усовершенствование программного обеспечения для потенциальной возможности привлечения пирологических терминологий других стран к проекту.

Область применения результатов. *Результаты исследования могут быть применены в лексикографической практике при составлении отраслевых толковых и переводных словарей.*

Ключевые слова: *лексикографическое моделирование; терминология; пирология; сопоставительно-контрастивный анализ.*

Introduction

It is known that the issues of lexicographical modeling of bilingual and multilingual terminological dictionaries occupy a special place in the wide range of terminographic works [20]. Different aspects of lexicographical modeling are disclosed in the works by the following scientists: V.P. Berkov [3], L.V. Szczerba [30], A.S. Gerd [11], S.V. Grinyov [14], Yu.N. Marchuk [21], V.V. Dubichinskiy [6], V.D. Tabanakova [31], I.S. Kudashev [16], I.A. Sternin [29], H. Bergenholtz [2], M. Brekke [5], R.R.K. Hartmann [15], S.E. Wright, G. Budin [33], L. Zgusta [34], and others. However, none of these studies individually, or their combination can claim to be a complete and universal scheme of stages of work on a dictionary. In each case, project development should take into account special features of a terminology, requirements of potential users, and working conditions.

The theory and practice of modern terminography attaches a great importance to contrastive descriptions of the meanings of words from differ-

ent semantic categories and different languages [see: 29]. Among recent works in this direction is A.M. Bobunov's contrastive dictionary of Russian and English language folk songs [4]. Such dictionaries are valuable for contrastive presenting of non-terminological words, since creation of a contrastive dictionary of scientific terminology requires systematic analysis of interlingual terms and scientific concepts behind them both at the level of comparable subsystems (comparison), and at the level of parallel pairs of terms (contrasting). This dictionary should be focused not only on the linguistic, but also on the extralinguistic information, on how scientists perceive the world through the prism of scientific concepts.

Of paramount importance is lexicographic description of young terminologies, which have developed their distinctive features in different countries and scientific schools and have never been subjected to linguistic research. Among them is fire science terminology (FST). Having originated from the depths of the forest management terminology in the middle of the XX century, it has incorporated a considerable number of terms from various forest science disciplines (forestry, forest inventory, etc.) and other sciences such as ecology, geography, soil science, climatology, meteorology, chemistry, engineering sciences, etc.

Theoretical Framework

When considering the history of the formation of Russian and English FST we distinguish three similar stages in its development [25] and conclude that the modern fire science is at an extraordinary stage of development [17]. The latter implies unwanted terminological confusion as a result of distinctive terminology development in different countries, in different scientific schools, thus preventing mutual understanding of scientists from different scientific schools and countries. Therefore, coordination and harmonization of terms and notions is a long overdue problem in the modern fire science.

When disclosing the degree of order in modern FST, we have found that this terminology is poorly ordered and poorly harmonized [26]. The Russian terminology faces the following issues: (a) absence of fire science dictionaries; (b) low quality of state standards on fire

management terminology (e.g., lack of coordination in the extraction of generic terms, variability in definitions, erroneous definitions). The English terminology is characterized by: (a) absence of formal ideographic dictionaries in Fire Science; (b) national specific features of the English FST in the United States, Canada and Australia. Harmonization of the Russian and English FST is interfered by poor quality of translation dictionaries, which is proved by: a) partial cover of fire science terms in forestry dictionaries [19; 7; 32]; b) presence of artificial translation equivalents [22]; c) presence of several translations of a term without disclosing their distinguishing features and presence of terms with erroneous translations [1]. This situation is due to disparity of the Russian and English terminological fields, which is caused by unique national term formation, variability in understanding of terms by different scientists and scientific schools and misleading terms. Mechanical comparison of terminological systems with unique segmentation of the area of knowledge only increases terminological confusion [see: 10]. In 2006-2007, scientists of the St. Petersburg Research Institute of Forestry in collaboration with Canadian colleagues attempted to harmonize the Russian and English FST, but the results of their work remained unpublished. In 2012, European scientists created an English-language European Wildfire Glossary [8], which is a mixture of different terminologies of European countries and is suitable mainly for practitioners working at the international level. For scientists, every scientific term is associated with a specific terminological system, and scientific concepts do not remain static over time. Therefore, this confusion of terminologies can only hinder the development of the scientific thought.

The analysis of approaches to modeling bilingual terminological dictionaries showed that prototyping is an important stage in modeling of electronic lexicographical products [9, pp. 252–253; similarly, see: 23]. Our functional prototype of fire science glossary [27], which reflects the shape, design and operation principles of the conceptual model is the first stage in the development of the full version of the bilingual dictionary of the Russian and US fire science terminology.

Statement of the Problem

Prior to our research, the terminology of forest fire science had never been involved in the linguistic studies and had never been subjected to systematic comparative and lexicographical analysis. Russia has no special dictionaries in this field of knowledge yet. There are only general reference materials on forestry and forest management covering the FST only partially. The first brief glossary of fire science terms was published by Prof. N.P. Kurbatskiy [18] in the 1972 collection of articles. About three hundred of terms with brief definitions were given there in the thematic and alphabetical order.

The US have official glossaries of fire management terminology, which, however, do not always reflect the modern development of the scientific thought in the field of fire science [12; 13]. In 2007, a US electronic fire science glossary *FireWords* [24] was created. It was aimed at clarifying understanding of 300 fire science terms. Unfortunately, the work on the project was terminated for financial reasons, and about 25% of the terms were not provided with glossary entries, but the results of this work were published on the website: <http://www.firewords.net/>. During our Fulbright training, the authors of the *FireWords* kindly provided the accumulated material as a legacy and software for use in the prototype of the bilingual glossary of the Russian and US FST.

The goal that we set before us is development of a comparative-contrastive dictionary of the Russian and US fire science terminology at the high modern technological level.

Methodology

Creation of any bi- or multilingual lexicographical product involves comparative and contrastive studies. They are based on the general principles of terminology analysis such as the principles of comparability, consistency, sequence of analysis of a linguistic material. Their main difference lies in the level of description of the object of study and the sequence of comparison: comparative analysis is conducted at the level of subsystems, fields, groups, independently with the following comparison, and contrastive analysis is conducted at the level of individual

terminological units in the direction from a unit of one language to its possible correspondences in other languages [29].

Effective semantization of scientific terms in the dictionary and transfer of the accumulated scientific experience with the preservation of national terminological peculiarities is possible through realization of the algorithm, the key elements of which are: a) terminological system modeling through comparable logical-conceptual schemes; b) diachronic analysis of the development of scientific concepts in dictionary entries and synthesis of definitions based on the accumulated scientific expertise; c) translation commentary which takes into account the current scope of the term concept in multilingual terminological systems and offers a contrastive analysis of relative term equivalents or suggests artificial equivalents in case of non-equivalent terminology.

The prototype of the comparative-contrastive bilingual electronic glossary of the Russian and US FST (Fig. 1 and 2) [28] developed according to the algorithm will serve as a stepping stone for the realization of the full version of the Russian and US fire science dictionary. This dictionary will combine the parameters of translation, explanatory, encyclopedic, ideographic and student's dictionaries and should be a means of harmonization of the FST in the Russian and English languages.

Macrostructure

theme/ scheme

index

search

hypertext

glossary entry

Microstructure

title

definition

discussion

see also

references

translation/ original

translator's comments

notes

Fig. 1. Model of the bilingual fire science glossary

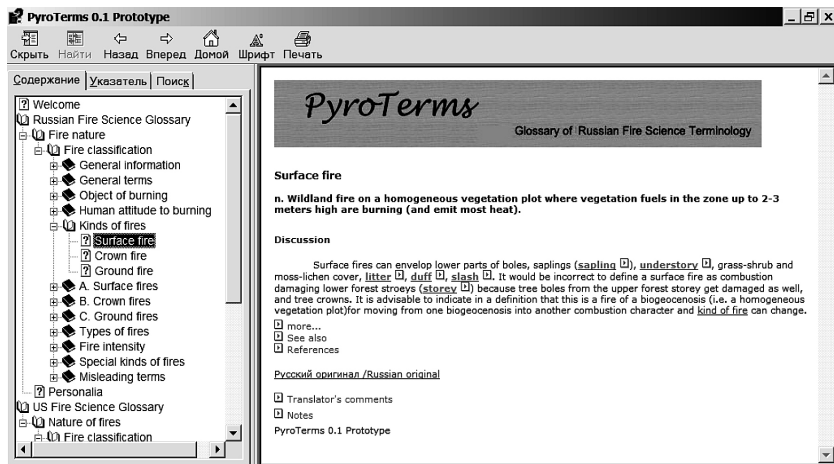

Fig. 2. Interface of the bilingual fire science glossary prototype

Thus, the main project objectives include: 1. Obtaining theoretical experience in management of large international terminographic projects through collaboration with leading experts in the field of terminology. 2. Improving the software for the full version of the contrastive-comparative bilingual dictionary of the Russian and US fire science terminology on the basis of the elaborated prototype of the bilingual fire science glossary. 3. Preparing relevant project documents for the implementation of the concept of the contrastive-comparative bilingual dictionary of the Russian and US fire science terminology, which could clearly guide efforts of fire scientists and translators/terminologists in Russia and the United States, and could potentially involve other languages and countries to this project. 4. Development of a demo version of a specialized site on the dictionary project with information about the status of work, the latest updates and lexicographic products available for download.

Discussion

The theoretical significance of this study lies in realization of the strategy for comparative-contrastive lexicographic modeling of the dynamically evolving terminology of a relatively young fire science that

is a definite contribution to the theory of bilingual terminography. This strategy of an electronic bilingual dictionary modeling makes it possible to disclose the variability in understanding of terms by different scientists and scientific schools, to correct or logically synthesize definitions, leaving a user the right to their own conclusions in the analysis of the discussion section.

The practical importance of the project lies in the versatility of the lexicographical product being developed that may be addressed to fire scientists, translators/interpreters, and students of forestry departments majoring in forest fire protection. Development of the full bilingual dictionary of systematized and harmonized Russian and US fire science terms and concepts should improve mutual understanding and exchange of information and experience among scientists of both countries, and also should help involve them in the process of systematization of their national terminology and in the discussion of problematic aspects of its harmonization with the terminology of another country. As a result, such an electronic bilingual FST dictionary may become the basis for an international project to develop an electronic multilingual fire science dictionary. Creation of such a dictionary should facilitate (and, possibly, automate, to some extent) translation of scientific works, which remain untranslated or poorly translated.

Conclusion

Since the started work requires international team efforts for its logical completion, the main idea of this article is to attract attention of the global community to the need for a uniting, organizing and conceptual link in promotion of the international project on coordination and harmonization of the Russian and US fire science terminology and for the support of recognized international experts in Terminology Studies and Terminology Management. Our ambition is to obtain experience in terminology management of large international lexicographic projects through cooperation with terminology experts and to improve the software for implementation of the concept of the contrastive-comparative electronic dictionary of fire science terminology in Russia and

the US. The proposed dictionary is meant to: 1) combine features of translation, explanatory, encyclopedic, ideographic and student's dictionaries; 2) help to treat each national fire science terminology with care preserving the uniqueness of each system of knowledge; 3) enable comparison of both countries' scientific terminologies for their harmonization (at the level of systems through terminology comparison and at the level of individual terms through terminology contrasting); 4) suggest joint ways of solving translation issues by terminology translators and fire science experts from both countries; 5) reflect diachronic development of a scientific notion behind a term and existing approaches to its explanation; 6) be open for updating and editing; 7) provide potential involvement of fire science terminologies from other countries to this project.

References

1. *Anglo-russkiy i russko-angliyskiy lesotekhnicheskiy slovar'* [English-Russian and Russian-English Dictionary of Forestry]. Comp. D.V. Mozhaev, B.N. Novikov, D.M. Rybakov. Moscow: Rousseau, 1998. 857 p.
2. Bergenholtz H., Tarp S. *Manual of Specialized Lexicography. The Preparation of Specialized Dictionaries*. Amsterdam: Benjamins, 1995. 254 p.
3. Berkov V.P. *Dvuyazychnaya leksikografiya* [Bilingual lexicography]. St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 1996. 248 p.
4. Bobunov A.M. *Kontrastivnyy slovar' yazyka russkogo i angliyskogo pesennogo fol'klora kak baza krosskul'turnogo issledovaniya* [Contrastive dictionary of the English language and Russian folk songs as the basis of cross-cultural studies]: Dissertation thesis. Voronezh, 2012. 22 p.
5. Brekke M. LSP Lexicography and Terminography: A Complementary View. *Proceedings of The 12th European Symposium on LSP "Language for Special Purposes: Perspectives for the New Millennium"*. Gunther Narr Verlag, 2001, pp. 179–187.
6. Dubichinskiy V.V. *Iskusstvo sozdaniya slovarey. Konspekty po leksikografii* [Art of dictionaries. Abstracts on lexicography]. Kharkov: KPU, 1994. 102 p.

7. *Entsiklopediya lesnogo khozyaystva* [Encyclopedia of Forestry. V. 1]. V. 1. Moscow: VNIILM, 2006. 424 p.
8. *European Glossary for Wildfires and Forest Fires*, October 2012 (1st Edition). <http://www.fire.uni-freiburg.de/literature/EUFOFINET-Fire-Glossary.pdf> (accessed July 2, 2016).
9. Fährndrich U. Terminology project management. *Terminology*, no 11(2) (2005): 225–260.
10. *FAO/GFMC Wildland Fire Management Terminology*, 2003. <http://www.fire.uni-freiburg.de/literature/glossary.htm> (accessed August 28, 2016).
11. Gerd A.S. *Osnovy nauchno-tekhnicheskoy leksikografii: Kak rabotat' nad terminologicheskim slovarem* [Fundamentals of scientific and technical lexicography: How to work on the terminology dictionary]. Leningrad: Leningrad University Press, 1986. 73 p.
12. *Glossary of wildland fire management terms used in the United States*. Society of American Foresters, 1990. 138 p.
13. *Glossary of wildland fire terminology*. National Wildfire Coordinating Group Incident Operations Standards Working Team, 2007. 186 p. <http://www.nwcg.gov> (accessed May 1, 2017).
14. Grinyov S.V. *Vvedenie v terminografiyu* [Introduction to terminography]. Moscow.: LPA, 1995. 161 p.
15. Hartmann R.R.K. *Teaching and Researching Lexicography*. New York: Longman, 2001. 211 p.
16. Kudashev I.S. *Proektirovanie perevodcheskikh slovarey spetsial'noy leksiki* [Development of translation dictionaries for specialized vocabulary]. Helsinki: Helsinki University Print, 2007. 443 p.
17. Kuhn T.S. *The Structure of Scientific Revolutions*. Chicago: Univ. of Chicago Pr., 1962. 168 p.
18. Kurbatsky N.P. Terminologiya lesnoy pirologii [Terminology of forest fire science]. *Voprosy lesnoy pirologii* [Forest fire science issues]. Krasnoyarsk: ILiD SB RAS, 1972, pp. 171–231.
19. *Lesnoe khozyaystvo: Terminologicheskii slovar'* [Forestry: Terminological dictionary]. Ed. A.N. Filipchuk. Moscow: VNIILM, 2002. 480 p.
20. *Lingvisticheskoe modelirovanie* [Linguistic modeling]: collective monograph. Tyumen: Vector Book, 2009. 186 p.

21. Marchuk Yu.N. *Osnovy terminografii* [Fundamentals of terminography]. Moscow: Moscow State University, 1992. 76 p.
22. *Mezhdunarodnaya mnogoyazykovaya lesopozharnaya terminologiya: angliyskiy, russkiy, mongol'skiy, nemetskiy* [International multilingual fire management terminology (English – Russian – Mongolian – German)]. Center for Global Fire Monitoring. URL: <http://www.fire.uni-freiburg.de/literature/RUS-MON-GER-ENG-Glossary-Web.pdf> (accessed May 1, 2017).
23. Papelis Y., Madhavan P. Modeling human behavior. *Modeling and simulation fundamentals: theoretical underpinnings and practical domains* / edited by John A. Sokolowski, Catherine M. Banks. USA: John Wiley and Sons Ltd, 2010, pp. 271–324.
24. Scott J.H., Reinhardt E.D. *FireWords Version 1.0: Fire Science Glossary*, 2007 [electronic]. U.S. Department of Agriculture, Forest Service, Rocky Mountain Research Station, Fire Sciences Laboratory (Producer). <http://www.firewords.net/> (accessed May 1, 2017).
25. Sofronova T.M. Formirovanie pod"yazyka nauki o pozharakh v aspekte istorii [Formation of fire science sub-language in the aspect of its history]. *Materialy VI Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii po sravnitel'no-istoricheskomu yazykoznaniiyu "Yazykovye kontakty v aspekte istorii"* [Proceedings of the VI International Scientific Conference on comparative historical linguistics "Language contacts in the aspect of history"]. Moscow: Lomonosov Moscow State University, 2008, pp. 101–102.
26. Sofronova T.M. Garmonizatsiya pirologicheskoy terminologii v rusском i angliyskom yazykakh [Harmonization of fire science terminology in Russian and English languages]. *Materialy II Mezhdunarodnogo simpoziuma "Terminologiya i znanie"* [Proceedings of the II International Symposium on "Terminology and knowledge"]. Moscow: Azbukovnik, 2010, pp. 343–351.
27. Sofronova T.M. Model vs prototype in current Russian computer lexicography. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, no 9 (2015 8), pp. 1936–1945.
28. Sofronova T.M. *Prototip dvuyazychnogo pirologicheskogo glossariya* [Prototype of bilingual fire science glossary]: Version 1.0. Krasnoyarsk:

- Siberian Federal University, 2012. (CD). State registration number 0321201925. ISBN 978-5-7638-2578-7.
29. Sternin I.A. *Kontrastivnye issledovaniya i kontrastivnye slovari* [Contrastive studies and contrastive dictionaries]. Voronezh State University, 2007. <http://www.twirpx.com/file/511410/> (accessed May 1, 2017).
30. Szczerba L.V. Opyt obshchey teorii leksikografii [Experience in the general theory of lexicography]. *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'* [Language system and speech activity]. Leningrad: Nauka, 1974, pp. 265–304.
31. Tabanakova V.D. *Ideograficheskoe opisanie nauchnoy terminologii* [Ideographic description of scientific terminology]. Tyumen: Tyumen State University, 1999. 200 p.
32. *The Dictionary of Forestry*. John A. Helms, editor. Bethesda, MD: The Society of American Foresters, 1998. 210 p.
33. Wright S.E., Budin G. *The Handbook of Terminology Management*. Amsterdam and Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1997. 370 p.
34. Zgusta L. *Manual of Lexicography*. Prague: Academia, 1971. 360 p.

Список литературы

1. Англо-русский и русско-английский лесотехнический словарь / Сост. Д.В. Можяев, Б.Н. Новиков, Д.М. Рыбаков. М.: Руссо, 1998. 857 с.
2. Bergenholtz H., Tarp S. *Manual of Specialized Lexicography. The Preparation of Specialized Dictionaries*. Amsterdam: Benjamins, 1995. 254 p.
3. Берков В.П. *Двуязычная лексикография*. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1996. 248 с.
4. Бобунов А.М. *Контрастивный словарь языка русского и английского песенного фольклора как база кросскультурного исследования: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Курск, 2012. 22 с.*
5. Brekke M. *LSP Lexicography and Terminography: A Complementary View*. Proceedings of The 12th European Symposium on LSP “Language

- for Special Purposes: Perspectives for the New Millennium”. Gunther Narr Verlag, 2001, pp. 179–187.
6. Дубичинский В.В. Искусство создания словарей. Конспекты по лексикографии. Харьков: ХПУ, 1994. 102 с.
 7. Энциклопедия лесного хозяйства. Т. 1. М.: ВНИИЛМ, 2006. 424 с.
 8. European Glossary for Wildfires and Forest Fires, October 2012 (1st Edition). URL: <http://www.fire.uni-freiburg.de/literature/EUFOF-INET-Fire-Glossary.pdf> (accessed July 2, 2016).
 9. Fähndrich U. Terminology project management. Terminology, no 11(2) (2005): 225–260.
 10. FAO / GFMC Wildland Fire Management Terminology, 2003. URL: <http://www.fire.uni-freiburg.de/literature/glossary.htm> (accessed August 28, 2016).
 11. Герд А.С. Основы научно-технической лексикографии: Как работать над терминологическим словарем. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. 73 с.
 12. Glossary of wildland fire management terms used in the United States. Society of American Foresters, 1990. 138 p.
 13. Glossary of wildland fire terminology. National Wildfire Coordinating Group Incident Operations Standards Working Team, 2007. 186 p. URL: <http://www.nwcg.gov> (accessed May 1, 2017).
 14. Гринев С.В. Введение в терминографию. М.: МПУ, 1995. 161 с.
 15. Hartmann R.R.K. Teaching and Researching Lexicography. New York: Longman, 2001. 211 p.
 16. Кудашев И.С. Проектирование переводческих словарей специальной лексики. Хельсинки: Хельсинки Университи Принт, 2007. 443 с.
 17. Kuhn T.S. The Structure of Scientific Revolutions. Chicago: Univ. of Chicago Pr., 1962. 168 p.
 18. Курбатский Н.П. Терминология лесной пирологии // Вопросы лесной пирологии. Красноярск: ИЛиД СО АН СССР, 1972. С. 171–231.
 19. Лесное хозяйство: Терминологический словарь / Под ред. А.Н. Филипчака. М.: ВНИИЛМ, 2002. 480 с.

20. Лингвистическое моделирование: коллективная монография. Тюмень: Вектор Бук, 2009. 186 с.
21. Марчук Ю.Н. Основы терминографии: метод. пособие. М.: ЦИИ МГУ, 1992. 76 с.
22. Международная многоязыковая лесопожарная терминология: английский, русский, монгольский, немецкий. Центр глобального мониторинга пожаров. URL: <http://www.fire.uni-freiburg.de/literature/RUS-MON-GER-ENG-Glossary-Web.pdf> (дата обращения: 01.05.2017).
23. Papeis Y., Madhavan P. Modeling human behavior. Modeling and simulation fundamentals: theoretical underpinnings and practical domains / edited by John A. Sokolowski, Catherine M. Banks. USA: John Wiley and Sons Ltd, 2010, pp. 271–324.
24. Scott J.H., Reinhardt E.D. FireWords Version 1.0: Fire Science Glossary, 2007 [electronic]. U.S. Department of Agriculture, Forest Service, Rocky Mountain Research Station, Fire Sciences Laboratory (Producer). URL: <http://www.firewords.net/> (accessed May 1, 2017).
25. Софронова Т.М. Формирование подязыка науки о пожарах в аспекте истории // Материалы VI Международной научной конференции по сравнительно-историческому языкознанию «Языковые контакты в аспекте истории», 29–31 января 2008 г., Москва. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2008. С. 101–102.
26. Софронова Т.М. Гармонизация пирологической терминологии в русском и английском языках // Материалы II Международного симпозиума «Терминология и знание» (Москва, 21–22 мая 2010 г.). М.: Издательский центр «Азбуковник», 2010. С. 343–351.
27. Sofronova T.M. Model vs prototype in current Russian computer lexicography. Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences, no 9 (2015 8), pp. 1936–1945.
28. Софронова Т. М. Прототип двуязычного пирологического глоссария [Электронный ресурс]: глоссарий / Сост. и авт. статей Т. М. Софронова; разраб. Центр обучающих систем ИнТК СФУ. Версия 1.0. Электрон. дан. (8 Мб). Красноярск: СФУ, 2012. № гос. регистрации 0321201925. ISBN 978-5-7638-2578-7.

29. Стернин И.А. Контрастивные исследования и контрастивные словари. Воронежский государственный университет, 2007. URL: <http://www.twirpx.com/file/511410/> (дата обращения: 01.05.2017).
30. Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии // Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. С. 265–304.
31. Табанакова В.Д. Идеографическое описание научной терминологии. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 1999. 200 с.
32. The Dictionary of Forestry. John A. Helms, editor. Bethesda, MD: The Society of American Foresters, 1998. 210 p.
33. Wright S.E., Budin G. The Handbook of Terminology Management. Amsterdam and Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1997. 370 p.
34. Zgusta L. Manual of Lexicography. Prague: Academia, 1971. 360 p.

ДАнные ОБ АВТОРЕ

Софронова Татьяна Марковна, доцент кафедры английской филологии, кандидат филологических наук
*Красноярский государственный педагогический университет
им В.П. Астафьева
ул. Лебедевой, 89, г. Красноярск, 660049, Российская Федерация
tmsofronova@gmail.com*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Sofronova Tatiana Markovna, Assistant Professor, Department of English Philology, Ph. D. equivalent in Applied and Mathematical Linguistics
*Astafiev Krasnoyarsk State Pedagogical University
89, Lebedeva Str., Krasnoyarsk, 660049, Russian Federation
tmsofronova@gmail.com
SPIN-code: 8851-6219
ORCID: 0000-0002-9840-4657
ResearcherID: B-1193-2011
Scopus Author ID: 24438211400*

DOI: 10.12731/2077-1770-2017-2-111-126

УДК 81-112

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЭТАПОВ ФОРМИРОВАНИЯ ПОДЪЯЗЫКА НАУКИ О ЛЕСНЫХ ПОЖАРАХ В РОССИИ, США И КАНАДЕ

Софронова Т.М.

Статья посвящена актуальной теме диахронической лингвистики. Предметом исследования являются экстралингвистические и лингвистические факторы развития подъязыка лесной пирологии в русском и английском языках. Автор ставит целью рассмотреть особенности становления пирологической терминологии в ведущих пирологических державах – России, США и Канаде. Основу исследования образует сравнительно-исторический метод. Результаты работы заключаются в том, что автор предлагает сопоставимую классификацию этапов развития подъязыка науки о лесных пожарах в русском и английском языках, определяет основные источники пополнения и способы образования пирологической терминологии по рассматриваемым странам. Результаты исследования являются определенным вкладом в область исторического языкознания и могут быть применены для информационного обеспечения вузовских курсов сравнительно-исторического терминоведения.

Ключевые слова: *сравнительно-исторический анализ; терминология; пирология; лингвистические и экстралингвистические факторы.*

COMPARATIVE HISTORICAL ANALYSIS OF FIRE SCIENCE DEVELOPMENTAL STAGES IN RUSSIA, USA, AND CANADA

Sofronova T.M.

The article is devoted to the topical issue of diachronic linguistics. The subject of study is extralinguistic and linguistic factors in develop-

ment of the fire science in the Russian and English languages. The author aims to reveal special features in the formation of the fire science terminology in the leading fire science countries, i.e. Russia, the USA, and Canada. The basis of the research is the comparative historical method. The results of the study are that the author suggests a comparable classification of developmental stages of the Russian and English fire science sublanguages, identifies their primary sources of replenishment and ways of formation between the countries. The results of the study can be regarded as a contribution to the historical linguistics and can be applied as informational support for the university courses in comparative historical terminology.

Keywords: *comparative historical analysis; terminology; fire science; linguistic and extralinguistic factors.*

Введение

Пожары растительности, включая лесные, стали возникать на планете с появлением растений на суше. А естественные источники загорания – молнии – всегда существовали в атмосфере Земли. Поэтому можно утверждать, что большинство видов сухопутных растений «рождались в огне пожаров». Пожары растительности являются периодически действующим фактором и для большинства животных. Среди млекопитающих и птиц одни виды очень боятся огня, другие – относятся к огню индифферентно, но есть и настоящие «пироманы», например, обезьяны [10]. Это обстоятельство, безусловно, послужило очень важным фактором в антропогенезе, поскольку самым главным и четким отличием человека от прочих животных служит факт постоянного использования им огня. Около миллиона лет получал человек огонь, в случае его утери, от природных пожаров. Поэтому в лексиконе самых первых праязыков, безусловно, были слова, связанные с огнем и природными пожарами.

Дальнейшее развитие человечества, в частности освоение земледелия, сделало необходимым последующее изучение скорости распространения, интенсивности горения, а также последствий прохождения по территории неуправляемого огня. Использование

огня для обогрева жилищ, приготовления пищи, защиты от диких животных, выжигания площадей под посевы и т.д. многократно увеличило вероятность возникновения пожаров растительности, а их отрицательное влияние на человека и его хозяйственную деятельность превратилось в проблему, которую призвана решать молодая наука о природных пожарах – лесная пирология.

Профессор Л.Л. Кутина в свое время писала: «... в терминологических системах своеобразно сочетаются и взаимодействуют два типа связей: понятийные и языковые. ... если внутренние языковые импульсы не властны изменить что-либо в сфере терминологической, контролируемой понятием, то внешняя история языка ... <языковые контакты, политика, экономика> ... оказывают на материальный состав терминологий большое влияние» [5, с. 268]. Поэтому особую важность для понимания особенностей формирования терминологии лесной пирологии имеет рассмотрение экстралингвистических факторов, под влиянием которых развивалась данная наука.

Как известно, к основным экстралингвистическим (внеязыковым) факторам развития терминологий можно отнести особенности зарождения соответствующей области знания, хронологический фактор, состояние соответствующей области знания, характер области знания, региональные условия, области и условия применения терминов, круг пользователей ими, существование различных научных школ. К лингвистическим факторам можно отнести расхождение значений синонимичных терминов, регулярное развитие некоторых видов многозначности, поэтапное развитие терминообразовательных средств, действие принципа экономии усилий как в плане выражения, так и в плане экономии усилий в понимании значения термина, влияние формы термина в восприятии сущности понятия, взаимовлияние терминов в пределах терминологии.

Рассмотрим подробнее основные экстралингвистические и лингвистические факторы формирования терминологии лесной пирологии в России, США и Канаде. Выбор для рассмотрения вышеуказанных стран продиктован тем фактом, что наука о природных пожарах – лесная пирология – исторически наиболее активно

начала развиваться именно в этих странах и именно здесь были достигнуты наибольшие успехи в фундаментальных и прикладных аспектах.

Основные этапы формирования пирологической терминологии в России

В подязыке лесной пирологии терминологический аппарат начал складываться еще задолго до официального выделения дисциплины в самостоятельную науку. Можно выделить три этапа в формировании подязыка лесной пирологии:

I. *Донаучный (исторический) этап* (до XIX в.) характеризуется использованием общеупотребительной лексики в отношении лесных пожаров и их тушения, а также использованием народных терминов лесного хозяйства: *гарь / гарник* (место, опустошенное лесным пожаром), *горельник* (выгоревший или с умыслом выжженный лес, пожарище в лесу), *огнище / пал / пальник* (место из-под срубленного или сожженного леса) [9, с. 59–68]. Данная лексика подробно изучалась современными диалектологами и когнитологами [см. 2; 7; 8].

Подязык лесоводства восемнадцатого века характеризуется лексическим заимствованием небольшого числа немецких терминов в основном только в названиях должностей при параллельном использовании русских эквивалентов. Такая двойственность – особенность языка Петровской эпохи по В.В. Виноградову [3, с. 69]. Так, впервые 6 апреля 1722 г. в России были введены должности лесничих – вальдмейстеров (Waldmeister), а 19 июня 1722 г. именным указом царя была дана инструкция главному лесничему – обер-вальдмейстеру (Oberwaldmeister) Глебову о сбережении от пожаров и размножении корабельных лесов. Анализ текстов позволил заключить, что терминология лесной пирологии в это время еще не сложилась, так как в ее основе заложена общеупотребительная лексика.

II. *Преднаучный этап* приходится на XIX век – начало XX века, когда наибольшее влияние на развитие русского лесоводства оказало немецкое лесоводство. Тогда начался активный перевод трудов немецких лесоводов (Л. Гартиг, Р. Вебер, И.Ф. Юдейх,

А. Кирхгоф, И.И. Паульсон, Г. Котте и др.). Причем пополнение русской терминологии происходило в основном за счет словообразовательного калькирования, например: пробная площадь – *Probefläche*, подлесок/ подрост – *Unterwuchs*, подстилка – *Unterlage / Unterbettung*, древостой – *Baumbestand*, полнота – *Bestandesdichte*, сомкнутость – *Bestandesschluss*, полукустарники – *Halbstrauch*, лесные культуры – *Waldkultur*, одновозрастный – *gleichalterig*, разновозрастный – *verschiedenaltrig*, спелый древостой – *hiebsreif Baumbestand* (досл. «спелый к рубке древостой»), перестойный древостой – *überständig Baumstand*, светолюбивый – *lichtbedürftig*, теневыносливый – *schattenertragend*, тип леса – *Waldtyp*, горючий материал – *Heizmaterial*, беспламенное горение – *flammenlose Verbrennung*. К семантическому калькированию можно отнести термины: покров – *Bedeckung*, насаждение – *Bestand*; к лексическому заимствованию относится лесоводческий термин бонитет – *Bonität*.

В этот период одним из первых словарей, в который вошел раздел по лесному хозяйству, стал словарь В.П. Бурнашева «Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного» [1].

Преднаучный этап в развитии пирологической терминологии связан с научной деятельностью крупных лесоводов середины XIX века: А. Левиза, П. Перельгина, В. Семенова, Н.С. Шафранова, П.В. Баранецкого. Краткий обзор развития знания о пожарах в этот период изложен в докторской диссертации Н.П. Курбатского [4].

К основным терминам, которыми пополнилась зарождающаяся наука о лесных пожарах в ее преднаучный этап развития, относятся следующие: *беглый пожар*, *бездождный период*, *борьба с пожарами*, *верховой пожар* (нем. *Kronenfeuer*), *развитие пожара*, *минерализованная полоса*, *низовой пожар* (нем. *Vodenfeuer*), *огневая очистка*, *последствия пожаров*, *почвенный пожар* (нем. *Torfbrand*), *природа пожаров*, *противопожарный разрыв*, *тип леса*, *устойчивый пожар*.

III. **Собственно научный этап** (начало XX века по настоящее время). В 30-х гг. XX века, в связи с быстрым ростом лесозаготовок и *горимости* лесов, проблема лесных пожаров привлекла внимание

многих лесоводов и лесных организаций. Довольно обширная лесопожарная литература 30-х гг. посвящена, преимущественно, вопросам техники и организации *борьбы с лесными пожарами*, и лишь некоторая ее часть освещает вопросы *природы пожаров*. В результате стали активно развиваться фундаментальные исследования и техническая оснащенность *пожаротушения*. Пирологическая терминология значительно пополнилась терминами из смежных наук (физики, математики, экологии и т.д.) и техническими терминами (например, *сила пожара, скорость распространения фронта пожара, запас горючих материалов, ландшафтный пожар, пожарный пояс, местные шкалы пожарной опасности*). Произошло также калькирование американских терминов (*fire behavior – поведение пожара, fire management – управление пожарами* и др.).

Как самостоятельная отрасль лесохозяйственной науки лесная пирология, зародившаяся в 30-е годы, сформировалась к 40–50-м годам XX века благодаря работам академика И.С. Мелехова. Она объединила в себе теоретические и практические знания по важнейшему направлению лесохозяйственного производства – *охране лесов от пожаров*.

Всю совокупность знаний о природе лесных пожаров и о применении огня в практике лесного хозяйства И.С. Мелехов [6] предложил считать прикладной наукой – *лесной пирологией*. Термин «пирология», предложенный И.С. Мелеховым, происходит от греческих слов *pur* – огонь и *logos* – учение.

Ввиду того, что *горение* может распространяться не только по лесным участкам, но и по нелесным землям – степям, болотам и т. д., а таких специальных терминов как *степная пирология* или *болотная пирология* не существует, термин *лесная пирология* в настоящее время все чаще заменяется более общим термином – *пирология*, т. е. наука о природных пожарах. Ученые-пирологи довольно часто используют этот термин.

И.С. Мелехов впервые определил содержание лесной пирологии как науки, выделив пять ее частей и сформулировав их задачи: «Лесная пирология – наука о природе лесных пожаров и вызыва-

емых ими многообразных изменениях в лесу; она разрабатывает методы борьбы с лесными пожарами, с их отрицательными последствиями, а также определяет пути и возможности использования положительной роли огня в лесном хозяйстве» [6, с. 5]. Таким образом, вслед за И.С. Мелеховым терминологию лесной пирологии можно разделить на пять основных крупных терминопольей [11]: *природа лесных пожаров; последствия лесных пожаров; борьба с лесными пожарами; борьба с отрицательными последствиями; использование положительной роли огня* в лесном хозяйстве. Первые два поля составляют теоретическую основу терминологии лесной пирологии, последние три – практическую ее часть.

Основные этапы формирования терминологии науки о лесных пожарах в США и Канаде

Выделение нами этапов формирования англоязычной терминологии лесной пирологии достаточно условно, учитывая особенности исторического развития США и Канады:

I. *Донаучный этап* (до конца XVII века) так же, как и в России, характеризуется использованием прототерминов в отношении лесных пожаров и их тушения (например, *fire* – огонь, *burn* – выжигание, *fire heel* – пята пожара, *fire head* – голова пожара). Основной способ терминообразования – метафорический, и он является ведущим и в собственно научный этап развития подязыка пирологии.

Задолго до появления первых европейских поселенцев в Северной Америке аборигены-индейцы активно использовали огонь для расчистки территорий под пастбища, для земледелия, охоты и при военных действиях. В начале XVIII века по описанию английского натуралиста Вильяма Бартрама [12] практически каждый день можно было наблюдать огонь в какой-нибудь части нынешнего штата Флориды. Индейцы вели кочевой образ жизни и переезжали с места на место, чтобы жить в гармонии с естественным циклом пожаров.

Английские колонисты, прибывшие в Америку после открытия ее Колумбом в 1620 г., вели оседлый образ жизни, поэтому для них природный пожар означал потерю всего нажитого тяжелым трудом.

В течение последующих ста лет пришлое население Северной Америки распространилось практически по всей территории, пожары стали возникать все чаще по вине человека [14].

II. *Преднаучный этап* (XIX век – начало XX века). Начальный период формирования английской терминологии совпадает с появлением первой книги по лесоводству, книги английского садовода Дж. Эвлина [13], написанной по просьбе Королевского научного общества в период кризиса лесной промышленности Англии, обострившегося из-за гражданской войны. Развитие англо-американского лесоводства происходит под влиянием немецкого лесоводства. Так, отцом лесоводства считается немецкий ученый Г. Котта, который основал первую частную лесоводственную школу в 1811 г. возле Дрездена, позднее ставшую Королевской Саксонской Академией Лесоводства. Его работы оказали огромное влияние на развитие лесоводства в Европе (включая Россию) и в Северной Америке [15].

Пополнение англоязычной терминологии в этот период происходит в основном за счет собственных языковых средств при семантическом калькировании немецких терминов: нем. *Bonität* – англ. *site index* (*бонитет*), нем. *Unterlage* – англ. *duff* (*подстилка*), нем. *Waldkultur* – англ. *plantation* (*лесные культуры*), нем. *Heizmaterial* – англ. *fuel* (*горючий материал*). Элементы словообразовательного калькирования с немецкого языка сохраняются в терминах нем. *Waldtyp* – англ. *forest type* (*тип леса*), нем. *Kronenfeuer* – англ. *crown fire* (*верховой пожар*), нем. *Bodenfeuer* – англ. *surface fire* (*низовой пожар*), нем. *Torfbrand* – англ. *groundfire* (*почвенный пожар*).

Кризис лесной промышленности в Европе отразился на американских лесах. В начале XX века состояние американских лесов было плачевным. Благодаря немецкому лесоводу К. А. Шенку, которого пригласили на должность главного лесовода в Северную Каролину по просьбе американского лесовода Г. Пинчота и прославленного европейского лесовода сэра Д. Брандиса, в США наконец-то начало развиваться научное лесоводство. В результате в Америке была основана первая американская школа лесоводства, которая позже была переведена в Йельский университет. Г. Пинчот возгла-

вил кафедру лесоводства на сельскохозяйственном факультете. В 1898 г. он начал кампанию поддержки лесного хозяйства на научных основах за счет средств лесной промышленности и организовал ведущее агентство лесного хозяйства страны, позже названное Лесной службой США [15]. В 1916 г. Лесная служба США организовала отделение по исследованию пожаров. В области оценки пожарной опасности и прогноза поведения пожаров «пионерами» стали С. Шоу и Э. Коток.

III. *Собственно научный этап* (начало XX века по настоящее время). Многие признают отцом американской пирологии Г. Гисборна – руководителя лесной исследовательской станции в Монтане в 20-е – 30-е гг. XX века. В эти же годы в Канаде начинается развитие лесной пирологии во главе с отцом-основателем Дж. Райтом и его учеником Г. Беаллом, которые с самого начала поддерживали хорошие деловые отношения с Г. Гисборном и другими американскими учеными, а также получали небольшую поддержку от американцев в виде обородования в тяжелые годы Великой депрессии. Несмотря на такое тесное сотрудничество, подходы к решению одних и тех же пирологических задач были отличными у американских и канадских исследователей. Первые больше полагались на физико-математическое моделирование, а вторые – на эмпирический опыт. В результате появились собственно канадские термины, например, родовой обобщающий термин «*fireguard*» (*противопожарная полоса*) для терминов «*firebreak*» (досл. «противопожарный разрыв») и «*fireline*» (досл. «противопожарная линия») и относительные синонимы при разработке национальных систем оценки и прогноза поведения пожаров (например, амер. *fuel model* – канад. *fuel type* (модель или тип горючего)). Также это способствовало появлению национальной специфики при трактовке идентичных по форме терминов. Например, термины «*fuelbreak*» и «*firebreak*» рассматриваются как абсолютные синонимы в Канаде в отличие от США, где эти термины не являются синонимами.

Начало формирования подязыка лесной пирологии как относительно замкнутой подсистемы с развитым внутрисистемным

заимствованием относится к 50-м гг. XX века, когда Дж. Бэрроуз, директор Миссуловской пирологической лаборатории, сменивший Г. Гисборна, привлек к работе в ней физиков и инженеров: Дж. Байрама, Р. Мартина, Р. Ротермела. В Канаде привлечение инженеров и физиков к пирологическим исследованиям началось в 60-е гг. XX века. Пирологическая терминология активно начинает пополняться терминами из смежных наук и техническими терминами (например, *fire intensity* – интенсивность горения, *fire spread rate* – скорость распространения, *fuel load* – запас горючих материалов и др.). Значительная часть терминов переносится в пирологическую терминологию из военной (причем как в английском языке, так и в русском), т.е. наблюдается процесс транстерминологизации, генерации транстерминов. Покажем спектр вовлечения военной терминологии на следующем синтезированном нами описании: «При авиационном или наземном *патрулировании (patrol)* территории возможна *засечка пожара (discovery)* с последующей его *разведкой (detection)*, составляется *оперативная карта пожара (fire plotting map, fire progress map)* с указанием основных *тактических* его частей: *фронта (front)*, *тыла (rear)*, *флангов (flanks)*. Затем разрабатывается *стратегия (strategy)* и *тактика (tactics)* ликвидации пожара (*suppression*), делается выбор в пользу *наступательных (direct attack)* или *оборонительных действий (indirect attack)* с учетом *сил и средств тушения (fire resources)*: *грунтометы, шнуровые заряды (fireline explosives)* и т.д. Кромка крупного пожара делится на *боевые секторы (firegrounds, segments)* и принимается решение о методе *атаки (attack)*: атака с фронта, с флангов, комбинированная атака, *окружение (confinement* – досл. «ограничение, тюремное заключение») пожара или охват с фронта. На решающем труднодоступном участке возможна высадка *пожарного десанта (smokejumpers)*, который оперативно прокладывает *противопожарные разрывы (firebreaks)* и делает *отжиг (backfire* – досл. «ответный огонь») от подготовленного разрыва либо от естественного или искусственно-го *противопожарного барьера или заслона (fuelbreak)*. После окончания основной *операции (operation)* по тушению, выгоревшую

территорию *окарауливают (hot-spotting)* до наступления полной ликвидации пожара».

В 1958 г. после запуска русскими первого космического спутника Земли усилилась федеральная поддержка научных исследований в США и Канаде. В 1959 г. были опубликованы фундаментальные работы по синтезу накопленного опыта в области природных пожаров, по природе лесных пожаров, их поведению и способам борьбы с ними.

В 1970 г. вспыхнули массовые катастрофические пожары в Южной Калифорнии. Тогда наиболее остро проявилась проблема координации работы лесных и городских пожарных. После 1970 г. началась работа по координации и стандартизации оборудования, обучения, сертификации и терминологии в рамках новой организации Национальной координационной группы по природным пожарам (National Wildfire Coordinating Group).

В 70-е – 80-е гг. XX века развиваются национальные *системы оценки пожарной опасности и прогноза поведения пожаров* в США и в Канаде. Это привело к пополнению новыми терминами тематических групп «Природа лесных пожаров» (например, в США – *timelag (TL), fine fuel model (FFM), 1-Hr TL FM, 10-Hr TL FM, 100-Hr TL FM, ignition component, spread component, energy release component; man-caused occurrence index, lightning occurrence index, burning index, fire load index*; в Канаде – *fine fuel moisture code, duff moisture code, drought code, buildup index, initial spread index, fire weather index*) и «Управление лесными пожарами» (например, в США – *fire modeling, Rothermel spread equation, fire growth model, passive/ active crown fire, no-wind-no-slope spread rate, resultant spread vector, custom/ standard fire behavior fuel model, geospatial fire analysis, fire decision support system*).

Катастрофический пожар 1988 г. в Йеллоустонском национальном парке стал поворотным моментом в истории охраны лесов от пожаров не только в США, но и во всем мире. Продолжительная борьба со всеми возникающими пожарами привела не только к накоплению растительных горючих материалов, но и к изменению

характера самой растительности, что повлекло за собой вспышки крупных пожаров, которые удержать имеющимися силами и средствами было невозможно. Поэтому в последние несколько десятилетий большое внимание уделяется пожарной экологии и восстановлению естественных *пожарных режимов (fire regime)* на лесных территориях.

Заключение

В результате исследования пирологической терминологии было выявлено, что подъязык пирологии начал развиваться как прикладная наука – в виде обобщения в каждой стране местного опыта охраны от природных пожаров. Данный этап развития можно назвать *донаучным*. Этап характеризуется использованием общеупотребительной лексики в отношении лесных пожаров и их тушения, народных терминов, которые перешли впоследствии в разряд научных терминов.

Почти до середины прошлого столетия пирологическая лексика входила в состав специальной лексики общего лесоводства; она развивалась вместе с ним. Этот этап можно назвать *преднаучным*. В XIX веке в связи с развитием русского и западного лесоводства под влиянием немецкого лесоводства, происходило пополнение русской лесоводственной терминологии (включая пирологическую). Наиболее частотным способом образования пирологической терминологии стало словообразовательное калькирование с немецкого языка. В английском языке образование новых терминов шло за счет собственных языковых ресурсов.

Собственно научный этап (который продолжается и сейчас) начался с выделения пирологии к 40–50-м годам XX века в качестве самостоятельной отрасли лесохозяйственной науки благодаря работам академика И.С. Мелехова (в России) и благодаря работам американского ученого Г. Гисборна и канадских ученых Дж. Райта и Г. Беалла. В результате стали активно развиваться фундаментальные исследования и техническая оснащенность пожаротушения. Пирологическая терминология значительно пополнилась терми-

нами из смежных наук (физики, математики, экологии и т. д.) и техническими терминами. Произошло также калькирование американских терминов в русском языке (*поведение пожара, управление пожарами* и др.).

Список литературы

1. Бурнашев В.П. Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного: В 2 т. СПб., 1843–1844. Т. 1. С. I–III.
2. Верхотурова К.С. Огонь в зеркале языка // Филология и человек. 2008. №4. С. 149–158.
3. Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков. Издание 3-е. Москва, 1982. 528 с.
4. Курбатский Н.П. Пожары тайги, закономерности их возникновения и развития: автореф. ... д-ра с.-х. наук. Красноярск: ИЛиД, 1964. 32 с.
5. Кутина Л.К. Формирование терминологии физики в России. Период предмоносовский: первая треть XVIII века. М.; Л.: Наука, 1966. 287 с.
6. Мелехов И.С. Лесная пирология и ее задачи // Современные вопросы охраны лесов от пожаров и борьба с ними. М.: Лесная пром-сть, 1965. С. 5–25.
7. Мочелевская Е.В. Этнокультурная маркированность единиц профессионального подъязыка (на материале русского и английского вариантов профессионального подъязыка пожарной охраны): автореф. ... канд. филол. наук. Казань, 2009. 27 с.
8. Протасова А.К. Вербализация концепта «огонь» в древнегерманских языках: автореф. ... канд. филол. наук. Томск, 2004. 30 с.
9. Собичевский В. Материалы для народного лесотехнического словаря // Лесной журнал. 1890. Вып. 1. С. 59–68.
10. Софронов М.А., Вакуров А.Д. Огонь в лесу. Новосибирск: Наука, 1981. 124 с.
11. Софронова Т.М. Пирологическая терминология в свете теории поля // Материалы международной научно-методической конференции

- «Проблемы межкультурного речевого взаимодействия и технологии обучения иностранным языкам», 15–16 мая 2007 г., Хабаровск. Хабаровск, 2007. С. 291–296.
12. Bartram W. Travels through North and South Carolina, Georgia, East and West Florida, the Cherokee Country, etc. Philadelphia, James & Johson, 1791. URL: <http://quod.lib.umich.edu/e/evans/> (accessed May 16, 2017).
 13. Evelyn J.S. A discourse of forest-trees, and the propagation of timber in His Majesties dominions. London: The Royal Society, 1664. URL: <http://www.gutenberg.org> (accessed May 2, 2017).
 14. Mullins G.W. Wildland Fire History. URL: <http://www.nifc.gov> (accessed June 24, 2014).
 15. Nix S.A. Brief History of United States Forestry. From Pleny to Gifford Pinchot. URL: <http://forestry.about.com> (accessed May 10, 2017).

References

1. Burnashev V.P. *Opyt terminologicheskogo slovarya sel'skogo khozyaystva, fabrichnosti, promyslov i byta narodnogo* [Terminological dictionary creation in forestry, industry, and economy]: In 2 Vol. Saint-Petersburg, 1843–1844. Vol. 1, pp. I–III.
2. Vertukhova K.S. Ogon' v zerkale yazyka [Fire in the mirror of the language]. *Filologiya i chelovek* [Philology and Man]. no 4 (2008), pp. 149–158.
3. Vinogradov V.V. *Ocherki po istorii russkogo literaturnogo yazyka XVII–XIX vekov* [Essays on the Russian literary language of 17–19th centuries]. Moscow, 1982. 528 p.
4. Kurbatskiy N.P. *Pozhary taygi, zakonomernosti ikh vozniknoveniya i razvitiya* [Taiga fires, regularities of their occurrence and development]: Dissertation thesis. Krasnoyarsk: ILiD, 1964. 32 p.
5. Kutina L.K. *Formirovanie terminologii fiziki v Rossii. Period predlomonosovskiy: pervaya tret' XVIII veka* [Physics terminology development in Russia. Pre-Lomonosov period: early 18th century]. Moscow: Nauka, 1966. 287 p.

6. Melekhov I.S. Lesnaya pirologiya i ee zadachi [Forest fire science and its objectives]. *Sovremennyye voprosy okhrany lesov ot pozharov i bor'ba s nimi* [Contemporary issues of forest fire protection and fire fighting]. Moscow: Lesnaya promyshlennost', 1965, pp. 5–25.
7. Mochelevskaya E.V. *Etnokul'turnaya markirovannost' edinits professional'nogo pod'yazyka (na materiale russkogo i angliyskogo variantov professional'nogo pod'yazyka pozharnoy okhrany)* [Ethnic and cultural markedness of professional sublanguage units (on the example of the English variants of the fire protection professional sublanguage)]: Dissertation thesis. Kazan', 2009. 27 p.
8. Protasova A.K. *Verbalizatsiya kontsepta «ogon'» v drevnegermanskikh yazykakh* [Verbalization of the concept “fire” in ancient Germanic languages]: Dissertation thesis. Tomsk, 2004. 30 p.
9. Sobichevskiy V. Materialy dlya narodnogo lesotekhnicheskogo slovarya [Materials for people's forest technical dictionary]. *Lesnoy zhurnal* [Forest journal]. 1890. Issue 1, pp. 59–68.
10. Sofronov M.A., Vakurov A.D. *Ogon' v lesu* [Fire in forest]. Novosibirsk: Nauka, 1981. 124 p.
11. Sofronova T.M. Pirologicheskaya terminologiya v svete teorii polya [Fire science terminology in the light of the field theory]. *Materialy mezhdunarodnoy nauchno-metodicheskoy konferentsii «Problemy mezhkul'turnogo rechevogo vzaimodeystviya i tekhnologii obucheniya inostrannym yazykam»* [Proceedings of the international scientific and methodical conference “Problems of intercultural speech interaction and technologies of teaching foreign languages”]. Khabarovsk, 2007, pp. 291–296.
12. Bartram W. *Travels through North and South Carolina, Georgia, East and West Florida, the Cherokee Country, etc.* Philadelphia, James & Johnson, 1791. <http://quod.lib.umich.edu/e/evans/> (accessed May 16, 2017).
13. Evelyn J.S. A discourse of forest-trees, and the propagation of timber in His Majesties dominions. London: The Royal Society, 1664. <http://www.gutenberg.org> (accessed May 2, 2017).
14. Mullins G.W. Wildland Fire History. <http://www.nifc.gov> (accessed June 24, 2014).

15. Nix S.A. Brief History of United States Forestry. From Pleny to Gifford Pinchot. <http://forestry.about.com> (accessed May 10, 2017).

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Софронова Татьяна Марковна, доцент кафедры английской филологии, кандидат филологических наук
Красноярский государственный педагогический университет им В.П. Астафьева
ул. Лебедевой, 89, г. Красноярск, 660049, Российская Федерация
tmsofronova@gmail.com

DATA ABOUT THE AUTHOR

Sofronova Tatiana Markovna, Assistant Professor, Department of English Philology, Ph. D. equivalent in Applied and Mathematical Linguistics
Astafiev Krasnoyarsk State Pedagogical University
89, Lebedeva Str., Krasnoyarsk, 660049, Russian Federation
tmsofronova@gmail.com
SPIN-code: 8851-6219
ORCID: 0000-0002-9840-4657
ResearcherID: B-1193-2011
Scopus Author ID: 24438211400

КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

COGNITIVE LINGUISTICS AND LINGUOCULTURAL STUDIES

DOI: 10.12731/2077-1770-2017-2-127-138

УДК 81'373.612.2

ПОНЯТИЕ КРАСОТЫ, ВЫРАЖЕННОЕ В СЛОВАХ ЭТИМОЛОГИЧЕСКОГО ГНЕЗДА ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО КОРНЯ *leip

Галочкина Т.А.

Когнитивный подход к исследованию семантического развития слов обеспечивает более емкое описание их значений, особенно переносных, выраженных, как правило, в виде метафор.

*В статье описывается значение концептуальной метафоры в качестве инструмента исследования семантики слов со значением красоты, входящих в этимологическое гнездо индоевропейского корня *leip. Показана модель причинно-следственной связи между значением слов и концептуальным мышлением.*

***Цель.** Статья посвящена актуальному в настоящее время направлению в лингвистике – когнитивной семантике. Автор раскрывает семантическую взаимосвязь слов, входящих в этимологическое гнездо индоевропейского корня *leip, с использованием концептуальной метафоры.*

***Метод или методология проведения работы.** Основу исследования образуют аналитический и герменевтический методы.*

***Результаты.** Автор доказывает причинно-следственную связь между значением слов и концептуальным мышлением.*

***Область применения результатов.** Результаты работы могут быть использованы при составлении этимологических словарей.*

Ключевые слова: концептуальная метафора; когнитивная семантика; этимологическое гнездо.

THE CONCEPT OF BEAUTY EXPRESSED IN THE WORDS OF THE ETYMOLOGICAL GROUP OF THE INDO-EUROPEAN ROOT *leip

Galochkina T.A.

The cognitive approach to the study of the semantic development of words provides a more capacious description of their meanings especially the figurative ones expressed as a rule in the form of metaphors.

*In the article the author describes the significance of the conceptual metaphor as a tool for investigating the semantics of words with the meaning of beauty belonging to the etymological group of the Indo-European root *leip. We have shown a model of the causal relationship between the meaning of words and conceptual thinking.*

Purpose. *The article is devoted to the current direction in linguistics, i.e. cognitive semantics. The author uses the conceptual metaphor to reveal the semantic relationship of the words belonging to the etymological group of the Indo-European root *leip.*

Methodology. *The basis of the research is the analytic and hermeneutic methods.*

Results. *The author proves the causal relationship between the meaning of words and conceptual thinking.*

Practical implications. *The results of the work can be used for etymological dictionaries compilation.*

Keywords: *conceptual metaphor; cognitive semantics; etymological group.*

Современные лингвистические исследования, в которых все большее место занимает когнитивная семантика, способствуют формированию новой парадигмы в исследовании семантики слов.

Акцент на семантику как особый компонент лингвистики имеет большое значение для лексикографии и практики составления

словарей. В этой связи повод к размышлению дает получившее на данный момент широкое распространение практика представления словарного состава языка в виде системы лексических гнезд. Такое представление позволяет повысить эффективность изучения языка путем анализа семантических связей внутри изолированного гнезда.

Довольно часто в лексической системе слова, объединенные общностью происхождения, приобретают со временем новые значения, отличающиеся от значения производной основы. Происходит ослабление смысловой связи между ними, то есть их деэтимологизация, обусловленная фонетическими, словообразовательными или семантическими изменениями. Российский лингвист, проф. Л.А. Булаховский описывал деэтимологизацию как процесс, при котором «одно слово перестает напоминать другое слово или слова, с которыми так или иначе раньше было связано, лишается способности осмысливаться вместе с ними в составе одного гнезда, становится в лексической системе языка этимологически более изолированным» [4, с. 345]. Деэтимологизация создает предпосылки для образования новой микросистемы, в которой деэтимологизированное слово становится производной основой для новых производных слов.

Так к этимологическому гнезду индоевропейского корня *leip относятся слова *lěpiti – л□пость, л□пота, л□пыи, л□пъ, лепенький, лепський и др., означающие понятие красоты, которое не содержится в производной основе самого гнезда. Корень *leip-/lip-/li-n-p/lip-io имеет значение «мазать, намазывать, организовывать, формировать (полная ступень), приклеивать, хотеть, желать (нулевая ступень) [14, с. 155]. Поскольку этот корень имеет несколько значений, на основе которых сформировались производные слова с разветвленной семантикой, то данное этимологическое гнездо можно представить в виде совокупности трех семантических полей с условными обозначениями «ЛЕПИТЬ», «ЖЕЛАТЬ» и «ФОРМИРОВАТЬ».

В данной статье рассматривается семантика слов, включенных в поле «ЖЕЛАТЬ» и значение концептуальной метафоры в таком исследовании. С этой целью использовался антропоцентричный механизм исследования.

Известно, что благодаря своей способности воспроизводить окружающую действительность в мышлении, человек может оперировать абстрактными понятиями, сравнивать и отождествлять абстрактное с конкретным. Наше мышление на основе уже имеющихся в языке значениях слов способно создавать новые концепты путем переноса некоторого признака одного предмета или явления на другой по принципу аналогии, то есть оно является метафоричным. Это свойство мышления распространяется на все сферы реальной действительности, в том числе и на такие, которые не могут быть восприняты на чувственной ступени познания.

Метафора, таким образом, является результатом абстрактного мышления, которое выражено в языковой форме.

Учитывая метафоричность человеческого мышления и концептуальность самой метафоры, она может выступать в качестве особого инструмента исследования семантики слов. На значимость метафоры в языке указывают многие лингвисты.

По мнению проф. Е.В. Рахилиной «метафора сродни аналогии, собственно метафора – это есть принцип аналогии, только действующий в семантике. Поэтому в когнитивной модели языка она занимает не периферийное, а центральное место... с точки зрения когнитивиста практически все значения лексем (даже грамматические) связаны друг с другом цепочкой метафорических переносов» [7, с. 295].

Согласно концепции проф. Дж. Лакоффа «сущность метафоры заключается в понимании и переживании одного вида в терминах другого» [13, с. 5].

Выдающийся российский и польский лингвист И.А. Бодуэн де Куртенэ, объясняя роль метафоры «при забвении этимологической связи слов», писал: «...насколько метафора является средством мнемотехническим, облегчающим при помощи ассоциаций по сходству запоминание слова, настолько же она при забвении этимологической связи слов, которые потеряли значимую связь, приобретает ясность, выразительность, психологическую убедительность, слова становятся более определенными символами...» [3, с. 240].

Ключевым признаком метафоры является наличие в ней концептуальной связи между двумя предметами или явлениями. По мнению французского философа Ж. Лакана такая связь существует между красивым объектом и желанием [15, с. 35].

Исследование различных текстов показывает, что действительно существуют концептуальные отношения между понятиями красоты и желания. Приведем несколько примеров из различных текстов, в которых просматриваются эти отношения.

1. Л□**пота**, ж. – красота [8, с. 209].

«...Что до персоны супруги касается, то главные обстоятельства – л□**пота** лица, возраст и веселость в компании, которую женамъ большую похвалу приносять, и т□мъ много молодые *прельщуются*» – писал В.Н. Татищев историк, государственный деятель, в книге «Духовная моему сыну» [9, с. 13].

М.М. Херасков в своем романе «Кадм и Гармония» так описывает красоту молодой Таксилы, соблазнившей Кадма: «Гирская златом тканая багряница украшала рамена ея; белые власы ея, простирались волнами по груди ея, зрение привлекали; румянец лица ея распускающейся розе подобился; очи небесно голубый цвет являли; была она **лепоты** неописанныя, и погруженна в томное уныние, красотаи своим вящшую прелесть придавала [10, с. 6].

Лепота Таксилы, юность лет, ея злощастие, новостъ лица, наружная кротость и смирение, скоро *привлекли* Царский двор к роду некоего внимания». [10, с. 9]

Женская красота оказывает сильное воздействие на мужчин: «И как увиде Василий, паде от ея лепоты на землю» [6, с. 196].

В «Повести о втором браке Василия III» сказано, что Василий III взял в жены княжну Елену Глинскую «**лепоты ради ея** лица и благообразия возраста» [2, с. 118].

М.В. Ломоносов восторгается красотой и великолепием Императрицы Елизаветы в таких словах: «Не изображаю словом блистающия **лепоты** лица Ея <...> ни величественной главы, к ношению венца рожденной, ни уст, щедроту источающих, ни очей, воззрением оживляющих» [5, с. 241].

Связь между красотой и желанием концептуально существует и в следующей форме – при отсутствии душевной красоты физическая красота теряет свою притягательность и желанность: □коже □сер□□ъ □латый въ но□дрехъ свинѣи, такоѡ жен□ слоумн□й л□пота [17].

Профессор Н.Д. Арутюнова пишет, что «одно из важных понятий античных эстетических концепций обозначается термином калокагатия, в котором к красоте присоединено хорошее – доброе и полезное <...> в котором первый компонент (καλός) означает «красивый», т. е. относится к телу (внешнему человеку), а второй (□γαθός) — «добрый, хороший», т. е. относится к душе (внутреннему человеку)» [1, с. 9–10].

2. Л□пый, прил. Красивый, хороший [8, с. 210]

«княз же великий посла бояре своа и верныа велможа в вся грады и веси самодержавнаго ему государства, да изберут ему девицу лепу и доброзрачну, и разумну» [2, с. 117].

3. Л□плий и л□пший, ср. ст. прил. л□пый. Лучший, лучше [8, с. 208].

Заложил Андрей князь в Володимери церковь камени святую Богородицу, месяца априля въ 8, в день святаго апостола Родиона, во вторник. И да ей много имениа и свободы купленья, и з даньми, и села лепшая [19].

4. Л□пле и л□пше, нареч. лучше [8, с. 208].

Л□пше слышати пр□ние умных, нижели наказания безумных [18].

5. Л□по, нареч.

1. Надлежащим образом, хорошо, красиво.

И повел□ниемъ великого князя под□ланы быша [старые иконы], и новыа такovy же написаны быша <...> и украшены л□по старыа и новыа сребромъ и златомъ [8, с. 208]

2. Прилично, подобает, следует [там же].

тоб□ л□по □здити в велиц□ полку [20].

Приведенные примеры указывают, что красота ассоциируется с желанием, и поэтому существующую связь между ними можно выразить в форме концептуальной метафоры «КРАСОТА – ЖЕЛАНИЕ».

Концепт этой метафоры заключается в том, что смысловое значение слов с понятием красоты формируется под влиянием понятия желания – желанно то, что красиво и хорошо. Более того К. Сартвелл отмечает, что «красота есть объект страстного желания» [16, с. 3]. Он пишет, что «когда мы думаем о красоте как о том, что вызывает желание, мы приходим к такому парадоксу – красота соответствует желанию, но она же одновременно сама является объектом желания. Человек не просто хочет быть удовлетворенными, но он имеет потребность в желании. Б. Кастильоне утверждал, что рассматривание картин, на которых изображены красивые женщины, порождает желание к реальным женщинам». В своем трактате о придворном Кастильоне пишет: «Вся любовь – это желание красоты. Божественная любовь есть разумное желание Идеальной Красоты» [12, с. 73].

«Красота вызывает желание в различных формах: желание обладать, любить, получать удовольствие, смотреть, погрузиться в молчание или же в бессознательное состояние <...> Желать, значит остро чувствовать жизнь в самом себе. Наше желание выражает нашу непоправимую потерю, но также наше несбыточное стремление ко [всему] прекрасному и красивому» [16, с. 18].

Логично предположить, что каждому виду желания должно соответствовать определенное качество желанного объекта, которое может быть выражено разными словами: красивый, хороший, великолепный, привлекательный, благородный, знатный и т.д. Вероятно, поэтому и возник ряд слов с понятием красоты: л□пота, л□пый, л□пший, л□по и т.д., каждое из которых концептуально связано со значением желания индоевропейского корня *leip, но не осознается говорящим вследствие их деэтимологизации. Метафора же позволяет увидеть эту связь через понимание объективного процесса семантического развития слов. Что касается родственных связей, то они продолжают существовать.

Так в этимологическом словаре славянских языков под редакцией О.Н. Трубачева приводятся три гипотезы относительно этимологии праславянского слова *lěръjь.

Первая гипотеза принадлежит чешскому лингвисту В. Махеку, который связывал праславянское слово *lěръъ с латинским *lepidus* «милый, остроумный», *lepor* (*lepos*) м. «прелесть».

Вторая – австрийскому лингвисту Р. Мерингеру, который относил праславянский *lěръ (□*loipos) к индоевропейскому корню *leip «мазать жиром, маслом, клеить» и предположил развитие значений «жирный, тучный – «красивый», приведя пример из македонского языка, где слово *masnina* «красота» родственно слову *mastъ «жир».

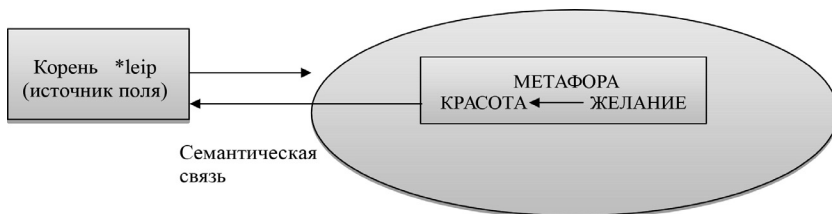
Третья концепция связана с именем немецкого языковеда Э. Бернекера, который также связывал праславянский корень *lěръ с индоевропейским корнем *leip, но семантическое развитие определял иным образом: «прилипающий, льнущий» → «соответствующий» → «хороший» «красивый». Как указывают составители словаря «эта этимология была принята практически всеми авторами этимологических словарей славянских языков» [11, с. 226–227].

В предложенной Э. Бернекером цепочке отсутствует главный посредник, который бы сделал ее более логичной, а понятие красоты более концептуальным. Дело в том, что все «прилипающее и льнущее» не обязательно является «хорошим и красивым». Так как восприятие абстрактного понятия красоты является чувственным, то вполне естественно оно воплощается в понятии желания, которое может выступать в качестве посредника в данной цепочке. Это еще раз показывает значимость метафоры в этимологических исследованиях – концептуальные связи помогают выявить утраченные родственные связи.

Таким образом, метафора «КРАСОТА – ЖЕЛАНИЕ» является ключом к пониманию причин появления слов со значением красоты в этимологическом гнезде индоевропейского корня *leip, а также к раскрытию утраченных родственных связей.

Подтверждением этому служит тот факт, что слово, происходящее от индоевропейского корня *leip с непосредственным значением «желать» можно найти в сербскохорватском языке, где «*leptati*, *lepcém*» переводится как «страстно желать», а в ст. чешском слово «*leptati*» означает «страдать» [11, с. 125]. В данном случае, страдать, значит не получить желаемого.

Модель исследования семантики слов представлена на рис. 1.

Модель состоит из источника поля, самого поля и метафоры.

Индоевропейский корень *leip является источником семантического поля под условным обозначением «ЖЕЛАТЬ», в котором происходит семантическое развитие слов. Их смысловое значение формируется на основе концепта желания. Через метафору «КРАСОТА-ЖЕЛАНИЕ» поддерживается обратная связь с источником поля, которая сохраняет устойчивость модели.

Выводы

Семантическое развитие слов, связанное с мышлением, требует особого подхода к исследованию этого процесса. Значительную роль в его исследовании играют метафоры, в которых заложены концептуальные связи, дающие понимание причин семантического развития слов и изменяющихся у них смысловых значений. С их помощью раскрывается причинно-следственная связь между значениями слов и концептуальным мышлением. Такой подход способствует глубокому анализу имеющихся значений слов, что важно при составлении этимологических словарей, поскольку делает их более информативными.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Истина. Добро. Красота: взаимодействие концептов // Логический анализ языка. Языки эстетики: концептуальные поля прекрасного и безобразного / отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2004. С. 5–29.
2. Бегунов Ю.К. Повесть о втором браке Василия III // ТОДРЛ. М.; Л.: Наука, 1970. Т. 25. С. 105–118.

3. Бодуэн де Куртене И.А. Избранные труды по общему языкознанию. М.: Изд-во АН СССР, 1963. Т.1, 381 с.
4. Булаховский Л.А. Деэтимологизация в русском языке // Избранные труды. Т.3. Киев: Наукова думка, 1978. С. 340–355.
5. Ломоносов М.В. Полн. собр. соч.: В. 11 т. Т. 8: Поэзия. Ораторская проза. Надписи. 1732–1764 гг. М.; Л., 1959, 1279 с.
6. Повесть о российском матросе Василии // Русские повести первой трети XVIII века / Исслед. и подгот. текстов Г.Н. Моисеевой. М.; Л.: Наука, 1965. С. 191–210.
7. Рахилина Е.В. Когнитивная семантика. История. Персоналии. Идеи. Результаты // Семиотика и информатика, вып. 36. М., 1998. С. 274–323.
8. СЛРЯ XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 8 / Под ред. Ф.П. Филина. М.: Наука, 1981. 355 с.
9. Татищев В.Н. Духовная моему сыну. М.: Рипол Классик, 2014. С. 1–34.
10. Херасков М.М. Творения. Ч. 8, ч. 1. Кадм и Гармония. М.: Типография университета, 1801. 259 с.
11. ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О.Н. Трубочева. М.: Наука, 1987. 270 с.
12. Castiglione C.V. The Book of the Courtier from the Italian of Count Baldassare Castiglione. D. Nutt, 1900, 377 p.
13. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago-London: The University of Chicago Press, 1980. 242 p.
14. Rasmussen J.E., Olander T. (eds.). Internal Reconstruction in Indo-European: Methods, Results, and Problems. (Section papers from the XVI International Conference on Historical Linguistics, University of Copenhagen, 11th-15th August, 2003) Copenhagen: Museum Tusulanum Press, 2009. 268 p.
15. Ronen R. Aesthetics of Anxiety. Albany: SUNY Press, 2009. 195 p.
16. Sartwell C. Six Names of Beauty. New York: Routledge, 2013. 184 p.
17. Книга Притчей Соломоновых. <https://azbyka.ru/biblia/?Prov.11> (дата обращения: 05.03.2017).
18. Слово Даниила Заточника. <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4942> (дата обращения: 01.03.2017).
19. Лаврентьевская летопись. <http://expositions.nlr.ru/LaurentianCodex/> (дата обращения: 03.03.2017).
20. Суздальская летопись. <http://www.lrc-lib.ru/> (дата обр.: 05.03. 2017).

References

1. Arutyunova N.D. Istina. Dobro. Krasota: vzaimodeystvie kontseptov [Truth. Goodness. Beauty: interrelation of the concepts]. *Logicheskii analiz yazyka. Yazyki estetiki: kontseptual'nye polya prekrasnogo i bezobraznogo* [Logical analysis of the language. Languages of aesthetics: conceptual fields of the beautiful and ugly] / N.D. Arutyunova (ed.). M.: Indrik, 2004, pp. 5–29.
2. Begunov Yu.K. *Povest' o vtorom brake Vasiliya III* [The story of the second marriage of Vasili III]. *TODRL*. M.; L.: Nauka, 1970. V. 25, pp. 105–118.
3. Boduen de Kurtene I.A. *Izbrannye trudy po obshchemu yazykoznaniiyu* [The selected works on general linguistics]. M.: Izd-vo AN SSSR, 1963. V.1, 381 p.
4. Bulakhovskiy L.A. *Deetimologizatsiya v russkom yazyke* [Deetymologization in the Russian language]. V.3. Kiev: Naukova dumka, 1978, pp. 340–355.
5. Lomonosov M.V. *Poln. sobr. soch.*: V. 11 t. [The complete works in 11 volumes. V. 8] T. 8: *Poeziya. Oratorskaya proza. Nadpisi. 1732–1764 gg* [Poetry. Oratory prose. Inscriptions. 1732-1764 years]. M.; L., 1959, 1279 p.
6. *Povest' o rossiyskom matrose Vasili* [The story of The Russian sailor Vasili]. *Russkie povesti pervoy treti XVIII veka* [Russian novels of the first third of the XVIII century] / G.N. Moiseeva. M.; L.: Nauka, 1965. S. 191–210.
7. Rakhilina E.V. Kognitivnaya semantika. Istoriya. Personalii. Idei. Rezul'taty [Cognitive semantics. History. Personalalia. Ideas. Results]. *Semiotika i informatika*, Issue 36. M., 1998, pp. 274–323.
8. SRYa XI–XVII vv. – *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [The dictionary of the Russian language of the XI–XVII centuries] Issue 8 / Pod red. F.P. Filina. M.: Nauka, 1981. 355 p.
9. Tatishchev V.N. *Dukhovnaya moemu synu* [The testament to my son]. M.: Ripol Klassik, 2014, pp. 1–34.
10. Kheraskov M.M. *Tvoreniya* [The works]. Ch. 8, Part 1. Kadm i Garmoniya. M.: Tipografiya universiteta, 1801. 259 p.
11. ESSYa – *Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov* [The etymological dictionary of the Slavic languages]. Praslavyanskiy leksicheskiy fond. / O.N. Trubacheva (ed.). M.: Nauka, 1987. 270 p.

12. Conte Baldassarre Castiglione. The Book of the Courtier from the Italian of Count Baldassare Castiglione. D. Nutt, 1900, 377 p.
13. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago-London: The University of Chicago Press, 1980. 242 p.
14. Rasmussen J.E., Olander T. (eds.). *Internal Reconstruction in Indo-European: Methods, Results, and Problems*. (Section papers from the XVI International Conference on Historical Linguistics, University of Copenhagen, 11th-15th August, 2003) Copenhagen: Museum Tusulanum Press, 2009. 268 p.
15. Ronen R. *Aesthetics of Anxiety*. Albany: SUNY Press, 2009. 195 p.
16. Sartwell C. *Six Names of Beauty*. New York: Routledge, 2013. 184 p.
17. *Kniga Pritchey Solomonovykh*. <https://azbyka.ru/biblia/?Prov.11> (Date of access: 05. 03.2017).
18. *Slovo Daniila Zatochnika*. <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4942> (Date of access: 01.03.2017).
19. *Lavrent'evskaya letopis'* [Lavrent'evskaya] chronicle]. <http://expositions.nlr.ru/LaurentianCodex/> (Date of access: 03.03.2017).
20. *Suzdalskaya chronicle* [Suzdal chronicle]. <http://www.lrc-lib.ru/> (Date of access: 05.03.2017).

ДАнные ОБ АВТОРЕ

Галочкина Татьяна Анатольевна, старший преподаватель кафедры латинского языка и медицинской терминологии
МГМУ им. И.М. Сеченова
ул. Трубецкая, 8, стр. 2, г. Москва, 119991, Российская Федерация
tgalochkina27@gmail.com

DATA ABOUT THE AUTHOR

Galochkina Tatiana Anatolevna, Senior Lecture, Department of Latin and Medical Terminology
First Moscow State Medical University I.M. Sechenov
8, bld. 2, Trubetskaya Str., Moscow, 119991, Russian Federation
tgalochkina27@gmail.com

DOI: 10.12731/2077-1770-2017-2-139-148

УДК 81-139

ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЗНАЧЕНИЙ СЛОЖНЫХ ГЛАГОЛЬНЫХ СЛОВОФОРМ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА С ПОЗИЦИЙ КОГНИТИВНОЙ ГРАММАТИКИ

Приходченко П.И.

Цель. В статье демонстрируется оригинальный вариант практического применения когнитивного подхода при изучении сложных глагольных словоформ английского языка.

Методы. В исследовании применяются методы феноменологического, герменевтического и семантико-когнитивного анализа.

Результаты. В работе описывается принципиально новый подход к изучению грамматики английского языка. Применение методов когнитивной грамматики позволяет автору провести широкие обобщения и вычлнить три основных типа английских повествовательных предложений в зависимости от используемых глагольных словоформ. Демонстрируется механизм сочетания лексико-грамматических значений отдельных глагольных словоформ в рамках сложных конструкций.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть использованы для разработки новых методик изучения грамматики английского языка русскоговорящими студентами.

Ключевые слова: глагольные словоформы; когнитивная грамматика; лексико-грамматическое значение; *-ed* словоформы; *-ing* словоформы.

APPLYING COGNITIVE ANALYSIS OF ENGLISH COMPLEX VERB CONSTRUCTIONS TO SECOND LANGUAGE LEARNING AND TEACHING

Prikhodchenko P.I.

Purpose. The author suggests that a new way of practical use of cognitive approach be applied to learning and teaching English complex verb forms.

Methodology. *The study is based on methods of phenomenological, hermeneutical and semantic-cognitive analysis.*

Results. *The study demonstrates the approach to learning and teaching English grammar. The author makes a wide generalization of verb meanings based on cognitive analysis and divides English declarative sentences into three types depending on the verb constructions used. The author also shows the way lexic-grammatical meanings of particular verb forms combine within complex constructions.*

Practical implications. *The results of the research can be used for developing new methods of studying English grammar by Russian-speaking students.*

Keywords: *verb forms; cognitive grammar; lexic-grammatical meaning; -ed forms; -ing forms.*

Ключевым моментом, влияющим на успешность освоения иностранного языка, является развитие творческого отношения к процессу создания речи. Речь – один из основных инструментов оформления мысли, и, отчасти, ее формирования, что находит свое отражение в особенностях лексических значений и, более обобщенно, – грамматических. В этом отношении осознанию иноязычного категориального аппарата, на наш взгляд, может способствовать применение когнитивного подхода, основанного на исследовании процесса мышления, когниции, осуществляемой человеком (см., например: [6; 15]. Е.Г. Белявская отмечает, что «то видение языка, которое когнитивная лингвистика предоставляет как новая научная парадигма, позволяет реально повысить эффективность обучения» [2, с. 77].

С позиций когнитивной лингводидактики Р. Лангакер описывает грамматические конструкции английского языка как организованный инвентарь общепринятых языковых единиц [11; 12]. И несмотря на то, что результат сборки из инвентаря конкретных языковых структур не имеет прямого соотношения с содержанием составляющих его единиц, тем не менее, именно осознание связей между ними и причин применения одной и той же словоформы в различных грамматических конструкциях позволяет раскрыть особенности иноязычного

речемыслительного процесса и тем самым приблизить обучаемых к свободному творческому обращению с чужеродным языковым материалом. Также это избавляет от формализма при обучении, раскрывает логику появления так называемых «исключений из правил», то есть делает их осознаваемыми и понятными, сводит на нет явление негативной интерференции [2, с. 77–78].

Цель нашей работы – продемонстрировать оригинальный способ восприятия и создания сложных глагольных словоформ английского языка как сочетания лексико-грамматических элементов, их составляющих.

При обобщенном взгляде на принципы построения высказывания на английском языке можно заметить, что в нем существуют три основных типа повествовательных предложений: сообщение о бытийном статусе предмета, сообщение о наличии-отсутствии предмета (причем здесь возникают еще и отношения принадлежности-обладания), сообщения о произведении конкретного действия. В зависимости от этого в сказуемом используются личные формы глагола бытия (существования) *be*, глагола наличия-отсутствия (обладания) *have* или глаголов действия, обобщенный образ которых представляет глагол *do* [7, с. 5].

Конечно, это упрощенная схема. Ее можно расширить за счет сообщений о модальности, о динамическом статусе наличия и бытийности, передаваемом глаголом *to get* и др. Сообщение о бытии предмета может в определенном контексте передаваться и глаголами состояния и ощущения: *to look, to become, to remain, to feel, to seem, to sound, to turn, to smell* и др., когда заложенное в них значение действия отступает на второй план, приобретает более абстрактный характер: *Lassie turned very white, and gasped for breath.* – «Девушка страшно побледнела и почувствовала, что ей нечем дышать».

Однако уточнения носят не принципиальный характер, а скорее подтверждают логическую стройность предложенной нами схемы. Поэтому мы сознательно идем на такое упрощение, вполне допустимое, на наш взгляд, в рамках настоящей работы.

Несоотнесенность русских и английских грамматических категорий вызывает немало трудностей при изучении языка. Так, в

английском нет категории вида, и часто встречающееся отнесение Perfect к совершенному виду неизбежно нарушает понимание сути высказывания. Английский Passive Voice в отличие от русского страдательного залога передает не столько совершаемое действие, сколько состояние предмета, существование его в определенном статусе и т.д. Избежать интерференции позволяет новый подход, при котором изучающий язык обращается не к итоговому грамматико-категориальному значению глагольной словоформы, а уясняет значение и роль каждого составляющего ее элемента.

Глагол *be* имеет очень широкий спектр значений, ключевым в ряду которых является «*быть, существовать*» (*to have presence in the realm of perceived reality; exist; live*) [14]. Остальные значения *be* являются контекстуально обусловленными проявлениями этого коренного значения. Таким образом, мы предполагаем, что личные формы *be* используются в качестве сказуемого или его части для обозначения существования, обозначения пространственного, временного и т.п. статуса бытия предмета. Попробуем определить на основе этого положения значение нескольких высказываний и проанализировать использованные в них грамматические конструкции:

He is a student. Значение этого высказывания, условно воссоздаваемое средствами русского языка (далее по тексту – «значение высказывания», *примеч. авт.*): «Он существует как студент в настоящее время».

He is learning mathematics. Значение высказывания: «Он существует, находится в состоянии изучения математики в настоящее время».

His car was bought by his parents last year. Значение высказывания: «Его автомашинка существовала как купленная/была купленной его родителями в прошлом году». Причем, обратите внимание, ничего не говорится о современном состоянии автомобиля – только о состоянии в обозначенном прошлом. Это высказывание совсем не обозначает, что у него сейчас есть машина. Для этих целей используется уже другой тип сообщения – о наличии-отсутствии чего-либо (обладании чем-либо) в определенный момент времени, с личными формами глагола *have*.

Так, высказывания: «У него много друзей», «Я купил машину», «Они едут уже три часа», – в английском языке будут строиться с использованием глагола *have*, так как в каждом из них сообщается о наличии чего-либо, обладании определенным предметом, признаком, свойством и т.д. В первом случае сообщается о наличии друзей у определенного человека в настоящее время (Present Simple), во втором – о наличии купленной машины в момент речи (Present Perfect), в третьем – о наличии на момент речи трехчасового путешествия (Present Perfect Continuous): *He has a lot of friends. I have bought a car. They have been travelling for three hours.*

Во втором и третьем примерах используются сложные составные формы сказуемого. Но и в том, и в другом случае, как видим, присутствует стержневое значение наличия-отсутствия, выражаемое глаголом *have*.

В последнем предложении в рамках одной сложной глагольной словоформы сочетаются лексико-грамматические значения *have* и *be*. Как и в следующем примере:

His car has been bought by his parents. Значение высказывания: «Его машина наличествует в данный момент как купленная его родителями».

Первый глагол в составе сложной глагольной словоформы традиционно передает ключевые грамматические значения времени и лица. Личная форма глагола *has* в данном случае имеет значение наличия в настоящее время единичного стороннего предмета (не участника высказывания). *Been* добавляет значение определенной формы бытия [9]. Вместе они передают значение наличия предмета как существующего в некоем состоянии. В данном высказывании – в состоянии купленного предмета. Грамматическое значение глагольной формы Past Participle (в данном примере – *bought*) мы определяем как «признак по действию со значением предельности, ограниченности во времени и пространстве», или, иначе – «подверженный действию, выраженному глагольной основой». В.Я. Плоткин предлагает также значение Past Participle: «действие как свойство вовлеченного в него предмета» [5, с. 20]. Отметим, что обозначенное значение предель-

ности не следует смешивать с видовым категориальным значением. «Предельность является той ступенью абстракции, которая наиболее близка к категории вида, но противопоставляется ему как понятию, полностью грамматизированному», как справедливо отмечает И.Г. Кошечкина [4, с. 120]. Поэтому перевод глагольных словоформ с Past Participle на русский язык совершенным видом или несовершенным всецело зависит от контекста высказывания.

Если мы сравним предложения *His car has been bought by his parents* и *They have been travelling for three hours*, то увидим, что все отличие Present Perfect Passive от Present Perfect Continuous заключается в различии грамматических значений -ing и -ed форм.

Общее значение -ing словоформ мы определяем как «активное состояние, которое характеризуется действием, названным в глагольной основе» [8]. В зависимости от контекста, от позиции в высказывании и связей с другими словами состояние принимает разную степень конкретизации: абстрактное состояние (название процесса), или состояние как свойство предмета.

Интересно в разрезе темы нашей работы рассмотреть такую особенность, как изменение оттенка значения Perfect в зависимости от расположения элементов сложной глагольной словоформы. Так, в английском языке действует правило – если между Past Participle и личной формой глагола *have* стоит существительное или другое дополнение, то наличие у данного предмета предельного признака по действию воспринимается как следствие деятельности других лиц, что в русском языке можно выразить только применением дополнительных языковых средств:

He has repaired his watch. Значение высказывания: «Он имеет починенными свои часы (починил сам)».

He has his watch repaired. Значение высказывания: «Он имеет свои часы починенными (починил кто-то)».

Часто русскоязычных студентов смущает то, что один и тот же глагол в прошедшем времени русского языка в английском языке может иметь разные значения и выражаться разными грамматическими формами сказуемого. Например, фраза «*Она послала письмо*» в английском языке может быть передана как с помощью формы Past

Simple, так и с помощью Present или Past Perfect. Однако если обратиться к предложенному нами лексико-грамматическому значению составных частей глагольных конструкций, правила выбора становятся очевидными: в Past Simple говорится о действии, в Present Perfect – о наличии (*have/has*) предельного признака по действию. В Past Perfect – о наличии этого признака в определенный момент в прошлом (*had*). Эту разницу значений наглядно демонстрирует употребление форм Past Simple и Present Perfect с одними и теми же обстоятельствами, называющими промежуток времени, который включает в себя момент речи: *today, this year* и т.п. Present Perfect в таких случаях используется для обозначения событий, которые имели место быть в называемом периоде:

I have eaten a burger today. – Значение высказывания: «Я имею съеденным один бутерброд сегодня». (Возможное продолжение фразы: «Больше одного в день я себе не позволяю из-за диеты»).

Формы сказуемого Past Simple с теми же обстоятельствами используются для обозначений действий, которые фактически произошли в более ранней части описываемого периода, то есть в прошлом:

He invited me to come to him today but then he changed his plans and went to Liverpool. – Значение высказывания: «Он приглашал меня навещать его сегодня, но затем поменял свои планы и уехал в Ливерпуль».

Таким образом, применение предложенных нами лексико-грамматических значений основных структурных элементов сложных глагольных словоформ английского языка с ориентацией на три основных типа высказывания (существование/наличие/действие) позволяет значительно облегчить процесс освоения речемыслительных схем английского языка, избавиться от формализма при изучении грамматики, то есть развить глубинное понимание языковых процессов и творческое отношение к продуцированию речи на иностранном языке.

Список литературы

1. Алефиренко Н. Ф. Спорные проблемы семантики. Монография М.: Гнозис, 2005. 326 с.

2. Белявская Е.Г. Когнитивная лингвистика и преподавание иностранных языков // Вестник МГИМО. 2013. №5 (32). URL: <http://www.vestnik.mgimo.ru/razdely/k-70-letiyu-fakulteta-mo/kognitivnaya-lingvistika-i-prepodavanie-inostrannyh-yazykov> (дата обращения: 25.05.2017).
3. Иванова И.П., Бурлакова В.В., Почепцов Г.Г. Теоретическая грамматика современного английского языка. М.: Высшая школа, 1981. 285 с.
4. Кошева И.Г. Курс сравнительной типологии английского и русского языков. М.: Высшая школа, 2008. 327 с.
5. Плоткин В.Я. Как устроен английский язык. Новосибирск: Сибирский независимый университет, 2004. 56 с.
6. Поляков О.Г. Когнитивная лингвистика и обучение иностранным языкам: прикладные аспекты // Когнитивные исследования языка. 2012. Вып. XI. С. 790–792.
7. Приходченко П.И. Английские глагольные словоформы: значение и контекст. Н. Новгород: НГТУ, 2015. 208 с.
8. Приходченко П.И. Практика определения общего значения ing-словоформ английского языка. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 5 (59). Ч. 1. С. 206–209.
9. Приходченко П.И. Практическое применение когнитивной грамматики при изучении английского языка на примере анализа конструкций с глаголом be. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 2 (56). Ч. 2. С. 162–164.
10. Croft W., Cruse A. Cognitive Linguistics. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
11. Langacker R. Cognitive Grammar: A Basic Introduction. New York: Oxford University Press, 2008.
12. Langacker R. W. The Conceptual Basis of Grammatical Structure [Электронный ресурс]. URL: <http://lrc.cornell.edu/events/past/Georgetown/langacker.pdf> (дата обращения: 26.05.2017).
13. Littlemore J. Applying Cognitive Linguistics to Second Language Learning and Teaching. Basingstoke, Hampshire: Palgrave Macmillan, 2009. 212 p.
14. Oxford Dictionary of English. 2nd edition, revised. Oxford – N. Y.: Oxford University Press, 2005. 2110 p.

15. Thagard P. *Mind. Introduction to Cognitive Science*. Cambridge (Mass.): The MIT Press, 1996. 217 p.

References

1. Alefirenko N.F. *Sporny`e problemy` semantiki* [Controversial Issues of Semantics]: Monograph. Moscow: Gnozis, 2005. 326 p.
2. Beliavskaia E.G. Kognitivnaia lingvistika i prepodavanie inostranny`kh iazy`kov [Cognitive Linguistics in Second Language Aquisition]. *MGI-MO Review of International Relations*. 2013. №5 (32). <http://www.vestnik.mgimo.ru/razdely/k-70-letiyu-fakulteta-mo/kognitivnaya-lingvistika-i-prepodavanie-inostrannyh-yazykov>
3. Ivanova I.P., Burlakova V.V., Pocheptcov G.G. *Teoreticheskaia grammatika sovremennogo anglii`skogo iazy`ka* [Theoretical Grammar of Modern English]. Moscow: Vysshaja shkola, 1981. 285 p.
4. Koshevaja I.G. *Kurs sravnitel`noj tipologii anglijskogo i russkogo jazykov* [The Course of Comparative Typology of English and Russian Languages]. Moscow: Vysshaja shkola, 2008. 327 p.
5. Plotkin V.Ia. *Kak ustroen anglii`skii` iazy`k* [How English Is Arranged]. Novosibirsk: Siberian Independent University, 2004. 56 p.
6. Poljakov O.G. Kognitivnaja lingvistika i obuchenie inostrannym jazykam: prikladnye aspekty [Cognitive Linguistics and Foreign Languages Teaching: The Applied Aspects]. *Cognitive language research*. 2012. Issue XI, pp. 790–792.
7. Prihodchenko P.I. Anglijskie glagol`nye slovoformy: znachenie i kontekst [The English verb forms: meaning and context]. N. Novgorod, 2015. 208 p.
8. Prihodchenko P.I. Praktika opredeleniia obshchego znacheniiia ing-slovoform anglii`skogo iazy`ka [Practice of Identifying the General Meaning of the English -ing Forms]. *Philological Sciences. Scientific-Theoretical and Applied Journal*. 2016. № 5 (59). Vol. 1, pp. 206–209.
9. Prihodchenko P.I. Prakticheskoe primenenie kognitivnoi` grammatiki pri izuchenii anglii`skogo iazy`ka na primere analiza konstrukcii` s glagolom be [The Practical Application of Cognitive Grammar While Learning The English Language By The Example of the Analysis of the

- Constructions with the Verb Be]. *Philological Sciences. Scientific-Theoretical and Applied Journal*. 2016. № 2 (56). Vol. 2, pp. 162–164.
10. Croft W., Cruse A. *Cognitive Linguistics*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
 11. Langacker R. *Cognitive Grammar: A Basic Introduction*. New York: Oxford University Press, 2008.
 12. Langacker R. W. *The Conceptual Basis of Grammatical Structure*. URL: <http://lrc.cornell.edu/events/past/Georgetown/langacker.pdf>.
 13. Littlemore J. *Applying Cognitive Linguistics to Second Language Learning and Teaching*. Basingstoke, Hampshire: Palgrave Macmillan, 2009. 212 p.
 14. *Oxford Dictionary of English*. 2nd edition, revised. Oxford – N.Y.: Oxford University Press, 2005. 2110 p.
 15. Thagard P. *Mind. Introduction to Cognitive Science*. Cambridge (Mass.): The MIT Press, 1996. 217 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Приходченко Петр Иванович, доцент кафедры Общетехнических дисциплин, кандидат филологических наук
Арзамасский политехнический институт (филиал) НГТУ им. Р.Е. Алексева
ул. Калинина, 19, г. Арзамас, Нижегородская обл., 607227,
Российская Федерация
adventus@inbox.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Prihodchenko Petr Ivanovich, Associate Professor of the Department of General Technical Disciplines, Ph. D. in Philology
Arzamas Polytechnic Institute (branch) of the NSTU named after R.E. Alekseev
19, Kalinina Str., Arzamas, Nizhny Novgorod region, 607227,
Russian Federation
adventus@inbox.ru
SPIN-code: 1470-3205

ЯЗЫКИ И ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ РОССИИ

LANGUAGES AND LITERATURE OF THE PEOPLES OF RUSSIA

DOI: 10.12731/2077-1770-2017-2-149-159

УДК 81'373.43

ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКИЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ В ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ СОВРЕМЕННЫХ ПОЭТЕСС

Шкреба О.А.

Цель. Данная статья посвящена анализу индивидуально-авторских новообразований-адъективов в текстах современных поэтесс. Автор ставит своей целью определение деривационных моделей образования ИАН-прилагательных и выявление особенностей функционирования адъективов в тексте.

Метод. В работе использован метод системного научного описания, подразумевающий использование приёмов разноаспектной систематизации индивидуально-авторских новообразований в соответствии с задачами исследования. Сравнительно-сопоставительный метод, реализованный в приёмах наблюдения, сопоставления и теоретической интерпретации результатов анализа нового языкового материала, позволяет оформить выводы по результатам проведённого исследования.

Результаты. В ходе проведённого исследования выявлено, что ИАН-прилагательные, обнаруженные в текстах В. Полозковой, А. Кудряшевой, Д. Балыко, А. Ривелотэ представляют наиболее многочисленную группу авторских новообразований. Созданные по продуктивным моделям сложения, суффиксации и префиксации, данные лексемы выражают новые смысловые оттенки в поэтических текстах, отображая особое состояние лирического героя.

Область применения результатов. Результаты данного исследования могут найти применение в педагогической практике словесников в университете в рамках изучения дисциплины «Неология» и при анализе современной поэзии.

Ключевые слова: словотворчество; индивидуально-авторские новообразования; узуальные и окказиональные способы словообразования.

AUTHOR-SPECIFIC ADJECTIVES FOUND IN POETIC TEXTS BY CONTEMPORARY POETESSES

Shkreba O.A.

Purpose. This article is devoted to the analysis of author-specific adjectives as neologisms found in texts by contemporary poetesses. The author aims to both define derivational models for the formation of IAN adjectives and identify the features of the functioning of adjectives in the text.

Methodology. The method of the system scientific description is used in the work, implying the use of the methods of multi-aspect systematization of author-specific neologisms in accordance with the research task. Comparative-comparative method, implemented in observation, comparison and theoretical interpretation of the results of the new language material analysis, allows drawing conclusions upon carrying out the research.

Results. In the course of the conducted research it was revealed that author-specific adjectives, found in the texts by V. Polozkova, A. Kudryasheva, D. Balyko, A. Rivelote represent the most numerous group of authorial neologisms. Having been created by productive models of addition, suffixation and prefixation, these lexemes express new semantic nuances in poetic texts, thus reflecting the special state of the persona.

Practical implications. The results of this study can be used at university in the pedagogical practice of language teachers in the framework of studying Neology as an academic discipline as well as in analyzing contemporary poetry.

Keywords: word creation; author-specific neologisms; usual and occasional word formation.

Индивидуально-авторские новообразования, обнаруживаемые в поэтических текстах современных авторов, являются одним из интереснейших объектов лингвистического исследования. Изучение процесса словообразования, результатом которого становятся неповторимые авторские лексемы, позволяет выявлять тенденции современного поэтического творчества и обнаруживать ёмкие языковые единицы, созданные для выражения новых смыслов.

Под поэтическим языком Г.О. Винокур понимает «прежде всего язык, употребляемый в поэтических произведениях», который представляет собой в этом смысле «особый стиль речи в ряду других». Однако, язык лирики «поэтичен» сам по себе, то есть поэтичность в данном случае, по выражению Г.О. Винокура, – «особое экспрессивное качество языка», основывающееся на том, что в стихотворениях перед читателем предстаёт «поэтический мир», выражается «поэтическое настроение» автора [1, с. 25–26].

В стихотворениях исследуемых нами поэтесс – Али Кудряшовой, Анны Ривелотэ, Дианы Балыко, Веры Полозковой – наиболее частотными индивидуально-авторскими новообразованиями являются имена прилагательные (свыше 50% от общего числа ИАН). Очевидно, это связано с тем, что склонные к подробному описанию и воспеванию создаваемых образов авторы стремятся через яркие эпитеты и красочные метафоры максимально детализировано передать читателю картину душевных переживаний. Лексический пласт изучаемых нами текстов пестрит всевозможными описательными структурами, представленными именами прилагательными: «**наднебесная алая муть**» (Анна Ривелотэ), «**восьмипёрых птиц**» (Аля Кудряшева), «**вкус твой солено-пряный**» (Диана Балыко), «**розово-карих губ**» (Вера Полозкова). Как видно из этих примеров, каждое слово, описывающее признак какого-либо предмета или события, отличается собственными нюансами словоупотребления. Важно отметить, что «отличительной чертой языка поэзии начала XXI века по праву считается экспериментаторство в словоупотреблении и словотворчестве, открывающее новые возможности постижения мира, его переустройства через структуру языка, через исследование языковых возможностей и преобразование языковых знаков» [8, с. 7].

Среди способов словообразования ИАН-прилагательных, согласно нашей картотеке, в современной женской поэзии наиболее продуктивно разнословное сложение. Доля биноминов среди всех ИАН-прилагательных составляет около 38%. Можно предположить, что это обусловлено стремлением к детальному конструированию образа, выделению важнейшего признака того или иного предмета, явления, его уникального, неповторимого качества.

Так, в тексте Анны Ривелотэ обнаруживается стяжение причинно-следственной связи в одну сложную лексему:

*С той, которой я стала, –
паралично-столичной,
с позолоченным личиком...*
А.Р., «Ильза»

Подобные лексемы образуются путём сложения двух узуальных прилагательных: первый компонент выражает дополнительный смысл второго. Благодаря такой «лексической инновации» [5, с. 2]. реализуется оценочная характеристика, представленная автором косвенно, чтобы более точно преподнести переживаемый внутриличностный конфликт.

Составные ИАН-прилагательные Дианы Балько, которая играет словами и в семантическом, и в фонетическом аспектах, созданы соединением наречий и прилагательных:

*И хочется нежности, флирта,
чего-нибудь скоротечного,
беспечного, сладко-млечного,
сиропы аптечного
от судорог одиночества.*
Д.Б., «Выйти замуж за первого встречного»

Для поэтического творчества Дианы Балько характерно насыщение образов вкусовыми, обонятельными ощущениями, причём настолько яркими и достоверными, что читатель буквально чувствует это, ср.:

*Горячий чай, граненые стаканы
И привкус сигареты **терпко-сладкий**.*
Д.Б., «Мысли»

Однако в одном стихотворении «работают» как конкретные образы, так и абстрактные, которые также создаются составными наименованиями:

*Запутались ресницы в рваной челке,
Как **неформатно-каверзные** мысли
О маленькой доверчивой девчонке...*
Д.Б., «Мысли»

Продуктивным при создании ИАН-прилагательных является и способ сложения основ, о чём свидетельствует собранный нами языковой материал. Чаще всего в текстах современных авторов встречаются чистые сложения с опорными компонентами, равными именам прилагательным. Вспомогательные компоненты таких слов отражают всё многообразие красок природных явлений и предметов действительности, подчёркивают желание авторов увидеть неподвластное обычному человеку, свидетельствуют о восторженности увиденным. При анализе сложных ИАН-прилагательных необходимо понимать значение опорных слов. Роль ключевых слов при образовании поэтических неологизмов особенно важна, так как такие новообразования благодаря своей частотности и широким ассоциативным связям «создают смысловую многоплановость текста» [3, с. 130].

Среди сложных ИАН-прилагательных, созданных Алей Кудряшевой, наблюдаются слова, построенные с целью усиления констатируемого факта. Для более меткой и точной характеристики лирического героя автор создаёт новые лексемы, созвучные узуальным словам, и заключает их в ряд одноструктурных слов:

*Маленький, маленький, небо дрогнет
Молнией ножевой.
Жгучим железом – иногородний,
Иноживой. Живой.*
А.К., «Маленькая баллада»

Само новообразование «иноживой» при очевидности и прозрачности значения составляющих его частей является многозначным: его можно воспринимать и как «иной [из другого мира] живой», и

как «живой по-другому», что добавляет поэтической неопределенности смысловому пласту текста.

В поэтическом словаре Анны Ривелотэ сложные прилагательные, восходящие к словосочетаниям наречий и причастий, занимают особое место, выполняя, например, функции резких характеристик системы персонажей.

*С той, которой я стала, –
паралично-столичной,
с позолоченным личиком,
обтекаемо вздорной,
хитровыпиленной,
узорной, –
ты со мной не знаком.*

А.Р., «Ильза»

С другой стороны, сложные ИАН-прилагательные – это способ чёткой лаконичной прорисовки метафорического описания:

***Черноклюквенный** всхлип
из моей перерезанной глотки,
алый выплеск любви –
запоздалая валентинка...*

А.Р., «Апрель»

Важно отметить, что ИАН «черноклюквенный» синтезировано на основе оксюморонного сочетания – клюкве присущ только красный цвет. Таким образом, можно предположить, что через одно лексическое новообразование автор реализует несколько целей – акцентирование внимания, подчёркивание нереальности события, дополнительная детализация образа.

На наш взгляд, употребление в текстах произведений сложных ИАН-прилагательных раздвигает границы авторского словотворчества, позволяя обогатить лексический пласт уникальными словами.

Данные нашей картотеки свидетельствуют о том, что около 20% от общего числа ИАН-прилагательных составляют суффиксальные образования. Их можно классифицировать по частеречной принадлежности мотивирующей основы.

Прилагательные, мотивированные существительными. Наиболее продуктивными в этом случае оказываются суффиксы *-ов-/-ев-, -н-, -ий-, -ей-*, имена прилагательные выражают при этом значение отнесённости к неодушевлённому предмету, названному мотивирующим существительным.

Для поэтических текстов Анны Ривелотэ нехарактерны суффиксальные ИАН-прилагательные, однако одна лексема в необычной форме стала едва ли не визитной карточкой поэта.

Ну может, всё-таки не сегодня.

Может, капельку подождать.

Но всё лютее,

*Всё **преисподней***

Всё, по последней –

И сразу спать.

А.Р., «Июнь»

Образованное от субстантивированного прилагательного «преисподняя» с типичным для формирования формы сравнительной степени суффиксом *-ей-* слово «преисподней» не режет слух экстравагантностью, однако удивляет простотой создания и глубиной смысла.

Отличен пример ИАН – притяжательное прилагательное в тексте Али Кудряшевой:

Наш любимый бог улыбнулся щербатым ртом,

*Завещал мне свой единственный крик **тарзаний**.*

А.К., «О том же»

Производным словом в словообразовательной паре, где в качестве деривационного аффикса выступает суффикс *-ий-*, является слово «тарзаний», которое по смыслу связывается с образом божества, восплаемого лирической героиней. Так в составе одной образной единицы уживаются две сущности – божественная и «тарзанья».

Для идиостиля Веры Полозковой суффиксальные ИАН-прилагательные являются одной из ключевых характеристик: «*лезвийно*», «*титаний*», «*Кинг-Конгово*».

Префиксальные имена прилагательные, по нашим подсчётам, составляют около 7% всех ИАН-прилагательных. Так, в цепочке слов стихотворения Али Кудряшевой отмечено:

*И опять не сбылось – говорит себе старый доцент,
Наблюдая в окно наднебесную алую муть.*

А.К., «Три поколения»

Такие имена прилагательные также выражают значение отсутствия «того, что выражено в основе мотивирующего суффиксального прилагательного» [2, с. 94].

Языковой материал позволил установить, что при создании имён прилагательных зачастую используется префиксально-суффиксальный способ. Среди таких ИАН можно выделить несколько типов, различных по частеречной принадлежности мотивирующей основы. Наибольший интерес представляют имена прилагательные, мотивированные существительными. В образовании прилагательных, мотивированных существительными, участвуют суффиксы *-н-*, *-енн-* в сочетании с различными приставками, например:

*Поднималось солнце, безлучное и большое,
И не то чтобы не было лучшего за душою...*

А.К., «О том же»

Многие из таких ИАН служат, на наш взгляд, созданию в стихотворениях иной, необычной, однако существующей действительности, где законы мира действуют по иным принципам.

Сложносуффиксальные ИАН-прилагательные в стихотворениях современных поэтов встречаются достаточно редко (около 2% от общего числа ИАН-прилагательных). Среди них можно выделить следующие группы:

– сложносуффиксальные прилагательные с опорным элементом, содержащим глагольную основу. Такие прилагательные имеют значение «предназначенный для выполнения действия, названного в опорной основе» [2, с. 100]. В качестве первого компонента выступают основы имён существительных и наречий. В структуре этих сложений выделяется суффикс *-н-*:

*То – горькопневные слова
Моей страны.*

Д.Б., «Родина»

Ты, ты, ты, что ты знаешь

Про слово

снег?

Восьмипёрых птиц в тетрадке своей малюя?

А.К., «Львиный реквием»

Данный адъектив образован сложно-суффиксальным способом из словосочетания «восемь перьев». Компоновка числительного и существительного выражает значение точного определения понятия (ср. *четырёхместный, трёхметровый*).

– сложное прилагательное с нулевым суффиксом, содержащее в обоих компонентах основы существительных. Такое прилагательное имеет значение «обладающий тем, что названо опорной основой и конкретизировано в первой основе сложения» [2, с. 101]:

По прозрачному телу снегом

Рассыпается пряный факел,

Укрывает

От зла,

От тьмы

От судьбы

Меня

Стеклоглазый ангел.

А.Р., «Фонари»

Таким образом, современной женской поэзии свойственны индивидуально-авторские новообразования, создаваемые для выражения новых смыслов. Наиболее частотные среди авторских лексем разнообразные ИАН-прилагательные позволяют поэтам выражать дополнительные характеристики эмоциональных оценок лирических персонажей. Выражая новые смыслы, ИАН-адъективы становятся центральными словами стихотворений.

Список литературы

1. Винокур Г.О. Филологические исследования: Лингвистика и поэтика. М.: Наука, 1990. 452 с.

2. Краткая русская грамматика / В.Н. Белоусов, И.И. Ковтунова, И.Н. Кручинина и др.; под ред. Ю.Н. Шведовой и В.В. Лопатина. М.: Рус. яз., 1989. 639 с.
3. Петрова З.А. Ключевые слова в поэтическом идиолекте // Словоупотребление и стиль писателя: сб. ст. СПб: С.-Петербург. гос. ун-т., 1996. с. 130.
4. Плотникова Л.И. Новое слово: порождение, функционирование, узуализация: Монография. Белгород: Изд-во БелГУ, 2000. 208 с.
5. Тойтукова А.О. Лексические инновации в русском языке начала XXI века (2000–2009 гг.). Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Абакан: Изд-во ГУ, 2010. 16 с.
6. Улуханов И.С. Узуальные и окказиональные единицы словообразовательной системы // Вопросы языкознания 1984. №1. С. 44–55.
7. Фельдман Н.И. Окказиональные слова и лексикография // Вопросы языкознания 1957. № 4. С. 64–73.
8. Халявина Д.В. Индивидуально-авторские новообразования в идиолекте В. Каменского: структурно-семантический и функционально-прагматический аспекты: Монография. Белгород: Изд-во БелГУ, 2011. 150 с.
9. Чижова С.Н. По реке Найкеле // Журнальный зал 2012. № 1. с. 22.
10. Шанский Н.М. Очерки по русскому словообразованию. М.: Изд-во Московского ун-та, 1968. 310 с.

References

1. Vinokur G.O. *Filologicheskie issledovanija: Lingvistika i pojetika* [Philological research: Linguistics and poetics]. M.: Nauka, 1990. 452 p.
2. Belousov V.N., Kovtunova I.I., Kruchinina I.N. et al. *Kratkaja russkaja grammatika* [Concise Russian grammar]; Ed. Yu.N. Shvedova and V.V. Lopatin. M.: Rus. Yaz., 1989. 639 p.
3. Petrova Z.A. Kljuचेvye slova v pojeticheskom idiolekte [Keywords in the poetic idiolect]. *Slovoupotreblenie i stil' pisatelja* [Word-usage and style of the writer]. SPb: SPb State Univ., 1996. P. 130.
4. Plotnikova L.I. *Novoe slovo: porozhdenie, funkcionirovanie, uzualizacija* [New word: generation, functioning, usualization]: Monograph. Belgorod: Publishing House of BSU, 2000. 208 p.

5. Toytukova A.O. *Leksicheskie innovacii v russkom jazyke nachala XXI veka (2000–2009 gg.)* [Lexical innovations in the Russian language of the beginning of the XXI century (2000–2009)]. Author's abstract. Diss. ... Dr. Philol. Sciences. Abakan: Publishing House GU, 2010. 16 p.
6. Ulukhanov I.S. Usual'nye i okkazional'nye edinicy slovoobrazovatel'noj sistemy [Usual and Occasional Units of the Word-Forming System]. *Voprosy jazykoznanija* [Questions of Linguistics]. 1984. №1, pp. 44–55.
7. Feldman N.I. Okkazional'nye slova i leksikografija [Occasional words and lexicography]. *Voprosy jazykoznanija* [Linguistics issues]. 1957. № 4, pp. 64–73.
8. Halyavina D.V. *Individual'no-avtorskie novoobrazovanija v idiolekte V. Kamenskogo: strukturno-semanticheskij i funkcional'no-pragmaticheskij aspekty: Monografija* [Individual-authored neoplasms in the idiomect of V. Kamensky: structural-semantic and functional-pragmatic aspects: Monograph]. Belgorod: BelGU Publishing House, 2011. 150 p.
9. Chizhova S.N. Po reke Najkele [On the Nike River]. *Zhurnal'nyj zal* [Journal Hall]. 2012. № 1. P. 22.
10. Shansky N.M. *Oчерки по русскому словообразованию* [Essays on the Russian word-formation]. Moscow: Moscow University Publishing House, 1968. 310 p.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Шкреба Олеся Александровна, аспирант кафедры филологии
*Белгородский государственный национальный исследова-
тельский университет*
*ул. Победы, 85, Белгород, Белгородская область, 308015, Рос-
сийская Федерация*
leshkreba@gmail.com

DATA ABOUT THE AUTHOR

Shkreba Olesya Alexandrovna, Postgraduate Student
Belgorod National Research University
85, Pobedy Str., Belgorod, Belgorodskaya obl., 308015, Russian
Federation
leshkreba@gmail.com

РУССКАЯ И МИРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА

RUSSIAN AND WORLD LITERATURE

DOI: 10.12731/2077-1770-2017-2-160-172

УДК 82-312.1

БИНАРНАЯ ОППОЗИЦИЯ «ПРОЗРАЧНОСТЬ-ПЛОТНОСТЬ» В РОМАНЕ Л.М. ЛЕОНОВА «ПИРАМИДА»

Задорина А.О.

Цель. Статья посвящена анализу бинарной оппозиции «прозрачность – плотность», благодаря чему уточняется содержание категории святости в романе Л.М. Леонова «Пирамида».

Методология. В качестве теоретической базы используются методы структурно-типологического и мотивного анализа, позволяющие оценить семантическую валентность мотивов.

Результаты. В романе мотив прозрачности связан с богопроникновенностью персонажа, а противоположный ему мотив плотности – с греховной жизнью героя. На примере ангела Дымкова показано, как осуществляется переход между двумя полюсами оппозиции, обеспечивая развитие сюжетной интриги. Мотивы прозрачности и плотности взаимодействуют с такими библейскими мотивами, как чудо и дар. Прозрачность бытия позволяет трансцендентным героям творить в нем чудеса и предвидеть будущее, в то время как для профанных героев все происходящее имеет исключительно прагматическую ценность. Соответственно, по мере движения богопроникновенных героев внутри оппозиции от прозрачности к плотности, они утрачивают свои сверхнатуральные способности и приближаются к типу профанных персонажей.

Заключение. Особенности функционирования бинарной оппозиции прозрачность – плотность в неореалистическом романе позволяют говорить об эклектическом соединении богословской, классической и антиутопической традиций в ее воплощении, что обуславливает современное, переосмысленное звучание и категории святости в романе-предупреждении.

Ключевые слова: мотив; прозрачность; бинарная оппозиция; проникновенность; святость.

THE BINARY OPPOSITION TRANSPARENCY – DENSITY IN THE PYRAMID, THE NOVEL BY L. LEONOV

Zadorina A.O.

Purpose. The article is devoted to the analysis of the binary opposition transparency – density, which could be useful to clarify the content of the category of holiness in *The Pyramid*, the novel by L. Leonov.

Methodology. Basic methods of structural-typological and motif analysis make possible to evaluate the semantic valence of motifs in the research.

Results. In *The Pyramid* the motif of transparency is associated with the god-seeking nature of the character, whereas the opposite motif of density indicates the sinful life of the character. Angel Dymkov illustrates transition between the two poles of the opposition, ensuring the plot intrigue development. The motifs of transparency and density interact with other biblical motifs, such as the miracle and the gift. The transparency of the world allows transcendental characters to create miracles and foresee the future, whereas profane characters consider everything as having an exclusively pragmatic value. While the characters move from transparency to density inside the opposition, they lose their supernatural abilities and approach the type of profane characters.

Conclusion. The functioning features of binary opposition transparency – density in the neo-realist novel illustrate the eclectic combination of the theological, classical and anti-utopian traditions in its

objectification, which determines the modern, redefined interpretation of the category of holiness in the warning-novel.

Keywords: *motif; transparency; binary opposition; god-seeking; holiness.*

Введение

Роман Л.М. Леонова «Пирамида», где религиозное начало переплетается с мифологическим дискурсом, освещая острые вопросы и вечные проблемы бытия, является, несомненно, одним из самых показательных произведений отечественной литературы XX века. Изданный в 1994 году, он имеет долгую историю написания и переписывания, проработки каждого из образов, отражая тем самым как эволюцию художника, так и изменение социально-политического контекста. Прогностическое, эсхатологическое звучание романа не имело бы той убеждающей силы в случае опубликования произведения хотя бы десятью годами раньше, и новое понимание святости, представленное здесь, как нельзя более характерно соотносится с настоящей действительностью, в которой очевидно выхолащивание истинной веры и подвижничества.

Методологические основания

В рамках структурно-типологического анализа, разработанного в отечественном литературоведении Ю.М. Лотманом, Б.А. Успенским [9, с. 220], В.Н. Топоровым, категория святости в леоновской «Пирамиде» может быть рассмотрена через бинарную оппозицию «прозрачность – плотность», где под прозрачностью понимается проникновенное бытие, под плотностью – непроникновенное. При помощи метода мотивного анализа, представленного в работах И.Е. Силантьева [10], В.И. Тюпы [11], исследуется взаимосвязь данных мотивов с другими сюжетными элементами произведения, среди которых мотивы чуда и дара.

Содержание мотива прозрачности у Леонова коррелирует с различными культурными аллюзиями, обращаясь к поэтическим находкам золотого века, к модернистскому дискурсу и религиозному

мистицизму. Так, в XIX веке мотив прозрачности становится критерием перехода из одного состояния в иное в пределах романтического двоемирия (В. Жуковский) [1, с. 117], а в литературе XX века обретает идеологическую коннотацию (В.В. Набоков, Е.И. Замятин). В антиутопических текстах этих авторов он напрямую связан с идеей механизации общества: прозрачность человека, общественной жизни необходима власти для наиболее эффективного управления ими [4]. Набоковский Цинциннат в «Приглашении на казнь» приговорен к смертной казни именно за непрозрачность, т.е. недоступность для управления. Стеклообразные стены и перегородки, окружающие героев в замятинском романе «Мы», не позволяют скрыть противоправные поступки и разговоры персонажей. В леоновской прозе интерпретация мотива отличается эклектичностью, в которой соединяются антиутопическое звучание модернизма и мистицизм религиозно-мифологических текстов.

Духовная литература обращается к мотиву прозрачности, чтобы обозначить тем самым богопроницательность. Все, что непрозрачно – плотно, отбрасывает тень и недоступно Божьему свету. Так, в «Искушении Святого Антония» праведник побеждает не бесов, но свою тень, тень в себе («изнаночный, иррациональный подсознательный мир»). Победив эту тень, Святой Антоний «стал прозрачен для света Истины» [12, с. 141]. Также и в романе Е. Водолазкина «Лавр», святость напрямую связана с идеей прозрачности, раскрываясь особенно очевидно в образе врача Арсения: «Когда плоть истощается, истончается материальная оболочка, и чем прозрачнее становится материя, тем явственнее просвечивает сквозь нее духовное в человеке» [5, с. 91].

Разработка мотивов прозрачности и плотности в романе «Пирамида»

В неореалистическом романе Л.М. Леонова «Пирамида» плотный мир – это мир людей, созданных, согласно лежащему в основе сюжета апокрифу Еноха, из глины: греховных, целеустремленных, прагматичных; в пространстве романа этот плотный мир олицетво-

руется, прежде всего, династией Бамбалски и режиссером Сорокиным. Их непроницаемость определяется неверием в духовность других (так, Юлия откровенно не верит в непорочность ангела и всячески пытается его соблазнить), отсутствием «компаса душевного» – для достижения корыстных целей они готовы пренебречь любыми нравственными нормами. Интересно, что в системе персонажей есть также герой, которого автор именуется «сверхплотным» – судя по всему, этот эпитет Никанор Шамин, один из выразителей леоновской концепции, заслужил тем, что, несмотря на принадлежность к обществу обычных людей и внешнюю непричастность к сакральному, постиг сложную механику мироздания. Никанор относится к числу тех характеров, которые с сомнением относятся ко всему сверхъестественному и в то же время не могут не замечать его в окружающей их Вселенной.

Прозрачность, проникновенность становится доминантой образов семьи Лоскутовых, в особенности Дуни с ее «призрачной ореольностью» [7, с. 10], а также является ключом к пониманию сущности ангела Дымкова, образ которого построен на «пересечении семиотических границ» [14]. Так, именно прозрачностью бытия обеспечивается возможность ангела Дымкова творить чудеса и предсказывать будущее. Все сверхнатуральные способности героя обусловлены тем, что бытие для него просвечивается насквозь, словно никаких материальных объектов в мире не существует: «Я просто тяну рукой в пустоту, где таится всё, и беру оттуда любую вещь, какая мне подумалась» [7, с. 579].

Из этой прозрачной пустоты, как из вместилища артефактов, ангел извлекает любое количество желаемых предметов, чем поражает свидетелей происходящего. Казалось бы, чем не чудо, аналогии которого встречаются и в новозаветных текстах. Но в Евангелии Спаситель совершает чудеса не столько извлекая их из пустоты, сколько создавая своей божественной силой, энергией (вспомним, когда вдова прикасается к Иисусу в толпе, чтобы исцелиться, он сразу чувствует, что из него ушла сила). Ангел Дымков лишен подобного могущества, его сущностные свойства позволяют обра-

щаться с бытием как прозрачным миром, но своей собственной силой создать чудо ангел не может. Поэтому чуда как такового ангел не знает, поскольку не творит в действительности ничего нового, а лишь переносит уже имеющееся. С другой стороны, если «прозрачность – это вариант не столько развоплощения, сколько существования на грани бытия и небытия, поиска нового варианта воплощения» [1, с. 117], то, получается, благодаря этой самой прозрачности чудесные подарки Дымкова свидетельствуют как раз о несуществующем для земного человека мире, проявляющем свое существование в отдельных формах.

Образ Дымкова противоречив, сюжетная линия, связанная с ним, отображает переход внутри оппозиции «прозрачность – плотность», что позволяет говорить о его мифологической составляющей. Сохранение духовной прозрачности, бесплотности в религиозном смысле требует, безусловно, аскезы подвижника, которая проявляется в посте, воздержании, молитве. Следя за жизнью Дымкова на Земле, легко заметить, как от этих жестких требований он постепенно, незаметно для самого себя, отходит, обрастая в результате земной, греховной оболочкой – именно так происходит своеобразная инициация героя. В первом томе леоновского романа читаем, что «величайшие художники чуждались чрезмерных, по крайности, плотских восторгов, надо думать, губительных для всей категории существ, в деятельности своей причастных к так называемому небесному вдохновенью, тем более для ангелов с их относительно хрупким, хоть и супернатуральным могуществом, в особенности с непривычки, они скоро вянут и вязнут в земной, несоизмеримо плотнейшей среде, технически говоря, обрастают ракушками и теряют навигационные качества» [7, с. 156].

Самый первый шаг Дымкова из прозрачности в плотности был сделан благодаря Дуне Лоскутовой: «Естественно, воображением своим уплотняя ангела из того рассеянного космического вещества в земные габариты, она неминуемо должна была придать ему авторские черты своей личности» – именно фантазия Дуни, вложившей всю силу в свою мечту, создала для бестелесного ангела вполне

осязаемую, физическую оболочку. Возможность силой воображения оживить изображение объясняется проникновенностью самой Дуни, для которой «буквально каждая пядь пространства населена была потаенной жизнью, и все, в зачатке таящееся вокруг, готово было сойти для дружеского общенья» [7, с. 68]. То есть фантазия Дуни дала тело и имя ангелу, но для нее видимым он был всегда – благодаря ей же стал заметен и остальным.

Возникновение физической оболочки приводит к появлению у ангела ряда биологических потребностей, не присущих небесным созданиям [3], поэтому следующий шаг в «оплотнении» трансцендентного героя – наделение его одеждой, которая не только от холода спасает, но и скрывает – вспомним, после грехопадения Адам и Ева начинают носить одежду, скрывающую их греховную сущность. У В.Н. Лосского есть интересное замечание по этому поводу: «Ризы – это нынешняя наша природа, наше грубое биологическое состояние, столь отличное от прозрачной райской телесности» [8, с. 247].

Оказавшись среди людей, ангел в образе человека поначалу отказывается от многих мирских радостей: питается исключительно изюмом, невинен в своих помыслах. Но адаптация к земной жизни, среди обычных граждан, а отнюдь не в монастыре, неумолимо требовала изменений: «Хотя документы у ангела Дымкова выглядели вполне исправно, с первых же его шагов стало ясно, что при его скудных знаниях о мире, куда вступил, он может подобно метеору запросто сгореть в непривычно уплотненной бытовой среде» [7, с. 158]. И эти изменения, безусловно, произошли. Из всех элементов аскетического образа жизни дольше всего герой остается верен постной пище; по сути, к концу его земной командировки, это единственное, что у него сохранилось от прежней сверхнатуральности: «Опять же, будучи под запретом пользоваться на себя без крайности господнюю благодать, а даже без пищи обходится, разве только иногда для виду изюмцу поклует» [7, с. 14]. Специфическая диета Дымкова словно становится его последним духовным оплотом, право на который он защищает во что бы то ни стало: «Потом ужин,

хотя мне ничего нельзя, кроме изюма... но не подумайте только, милый Никанор, что мне самому нравится такая жизнь. – Что-то сомнительно, – усмехнулся Никанор» [7, с. 418].

По мере утраты прозрачности у Дымкова исчезает способность читать мысли людей, предсказывать их поступки. Мотив пророческого дара (и его изникновения в плотном, непрозрачном мире) определяет земную жизнь небесного странника. В первое время пребывания на Земле способность провидения мешает ангелу – слишком много вокруг него людей, по сравнению с предыдущей пустотой. Постепенно, осваиваясь с земными условиями существования, Дымков утрачивает свой дар и лишь тогда начинает ценить его: «Хуже всего, что видеть вдаль перестаю...» [7, с. 525]. С точки зрения Дуни, Дымков дар «израсходовал» – здесь старо-федосеевская героиня мерит дар той же меркой, что и прагматичный режиссер Сорокин (дар как вещь, был и потерялся). Если же следовать логике профессора Шатаницкого, сверхъестественный дар исчезнуть не может, но вполне вероятно изменение свойств субъекта – обладателя дара, то есть земное пространство и души людей перестали быть для Дымкова прозрачными, проникновенными. Таким образом, неспособность ангела читать мысли и творить чудеса объясняется не тем, что дар исчез, а тем, что Дымков стал другим.

Изменения, сопровождающие образ Дымкова, хотя и свидетельствуют о том, что испытания земной жизнью он не выдерживает, но также подчеркивают стремление всего сущего к гармоническому балансу. Прозрачный ангел не может жить в «непривычно уплотненной бытовой среде» [7, с. 158], он вынужден приспособливаться. Заметим, что в библейской истории Бог-Отец посылает на землю Сына в образе человека – в Новом Завете не указывается ни на прозрачность Мессии, ни на его специфические физиологические потребности (например, на необходимость питаться исключительно изюмом, свойственную ангелу Дымкову, к примеру) – все это свидетельствует в пользу внешней слиянности Христа с человеческим сообществом. Прибытие ангела на землю в идеальном образе изначально ставит его в позицию Чужого. У

Леонова обрастание мистического героя земным веществом происходит как в уравнении, когда перенос переменной из одной части равенства в другую сопровождается сменой модуса на противоположный.

Значимо и то, что в связи с утратой дара проникновения в мысли Дымков лишается возможности ими управлять. Сравним: в начале произведения Дымков, догадавшись о скрытой антипатии к нему Никанора, отправляет Дуниного ухажера в увлекательный полет в лыжах над городом. В конце же ангел, как ни пытается постичь мысли своих собеседников, не в состоянии даже предположить их направление и вынужден лишь констатировать свою беспомощность. Эта связь мотивов прозрачности и управления наталкивает нас на аналогию данного произведения с другими антиутопическими текстами русской литературы. Наконец, в этом неминуемом изникновении трансцендентного дара прослеживается та же логика, что и в судьбе человечества, начиная с Адама: «утрата первоначального совершенства» [3, с. 44] неумолимо ведет к греху и падению в пустоту, «что наступает... перед уходом божества» [7, с. 8].

Заключение

Формирование «новой святости» в романе Л.М. Леонова напрямую связано с мотивом прозрачности и его антиподом - мотивом плотности, которые являются предельными маркерами степени духовной проникновенности бытия. Эволюция мотива прозрачности в литературе выявляет его различные семы, и в леоновском романе очевидно их специфическое слияние, что свидетельствует о мифологизме произведения (поскольку именно логика мифа допускает присутствие противоположных состояний, качеств, действий в один и тот же момент) [2]. Проникновенность бытия в религиозном смысле обеспечивает такие сверхнатуральные качества ангела Дымкова, как провидение и чудотворение. В то же время способность читать мысли людей, предсказывать их поступки дает герою опасную, демоническую власть над человеческим обществом, лишаящую это общество свободного разума.

Список литературы

1. Антошина Е.В. Роль литературы в сохранении и развитии культурной идентичности в условиях русской эмиграции 1920–1940-х гг. (К постановке проблемы) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2016. 2(40). С. 109–121.
2. Голосовкер Я.Э. Логика мифа. М.: Наука, 1987. 218 с.
3. Дырдин А.А. Веросознание и мифология в романе «Пирамида» // Роман Л. Леонова «Пирамида». Проблема мирооправдания. СПб: Наука, 2004. С. 43–68.
4. Егоров Б.Ф. Борьба эстетических идей в России. Л.: Искусство, 1982. 334 с.
5. Кобзарь Е.Р. Образ врачевателя в романе Е. Водолазкина «Лавр» // Русская и белорусская литература на рубеже XX–XXI веков. Минск: РИВШ БГУ, 2014. С. 89–93.
6. Козьмина Е.Ю. Кругозор героя в фантастическом авантюрно-историческом романе // Сибирский филологический ж-л. 2016. 3. С. 117–127.
7. Леонов Л.М. Пирамида: В 2 т. М.: Голос, 1994. 736 с.
8. Лосский В. Догматическое богословие. М.: Центр «СЭИ», 1991. 289 с.
9. Лотман Ю.М, Успенский Б.А. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) // Успенский Б.А. Избранные труды: В 2 т. М.: «Гнозис», 1994, т.1. С. 219–254.
10. Силантьев И.В. Мотивный анализ. Новосибирск: НГУ, 2004. 239 с.
11. Тюпа В.И. Тезисы к проекту словаря мотивов // Дискурс – 2' 96. Новосибирск, 1996. С. 52–55.
12. Хачатуров С. Романтизм вне романтизма. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 192 с.
13. Шатин Ю.В. Путешествие Нехлюдова в Сибирь. К проблеме инициации // Сибирский филологический журнал. 2016. 2. С.11–15.
14. Эпштейн М.Н. Русская культура на распутье. Секуляризация и переход от двоичной модели к троичной. URL: http://philosophy.spbu.ru/userfiles/rusphil/Epstein_Rus_kult_rasputie.pdf (дата обращения 13.03.2017).
15. Kovtun N. The Fate of the Patriarchal Myth as Depicted by Boris Eki-mov: 'Kholiusha's Yard' and 'Pinochet'. Russian Literature. 2013. 73(3), pp. 411–425.

16. Lipovetzkiy M. The Death as Semantics of Style (Russian metaprose 1920–1930s). *Russian Literature*. 2000. 48(2), pp. 155–194.
17. Murashov Y. The Dionysiac Mysteries of Symbolism and Structuralists' Theory of Myth (Vyacheslav Ivanov and Yuriy Lotman/Zara Mintz). *Russian Literature*. 44(4), pp. 443–456.
18. Shersher S. (1999). The Poetics of Despair. *Russian Literature*. 1999. 45(4), pp. 483–499.
19. Silant'ev I.V. A Becoming of motif's theory in the Russian poetics. *Russian Literature*. 2001. 4, pp. 489–516.

References

1. Antoshina E.V. Rol' literatury v sokhraneni i razvitii kul'turnoy identichnosti v usloviyakh russkoy emigratsii 1920–1940-kh gg. (K postanovke problemy) [The role of literature in the preservation and development of cultural identity in the conditions of Russian emigration 1920-1940-s (To the statement of the problem)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Bulletin of Tomsk State University. Philology], no 2(40) (2016), pp. 109–121.
2. Golosovker Ya.E. *Logika mifa* [The logic of myth]. Moscow: Nauka, 1987. 218 p.
3. Dyrdin A.A. Verosoznanie i mifologiya v romane «Piramida» [Confidence and mythology in the novel “Pyramid”]. *Roman L. Leonova «Piramida». Problema miroopravdaniya* [The Pyramid by L. Leonov. The issue of world justification]. SPb: Nauka, 2004, pp. 43–68.
4. Egorov B.F. *Bor'ba esteticheskikh idey v Rossii* [The struggle of aesthetic ideas in Russia]. Leningrad: Iskusstvo, 1982. 334 p.
5. Kobzar' E.R. Obraz vrachevatelya v romane E. Vodolazkina «Lavr» [The image of the doctor in Laur, the novel by E. Vodolazkin]. *Russkaya i belorusskaya literatura na rubezhe XX–XXI vekov* [Russian and Byelorussian Literature at the turn of the 20th and 21st centuries]. Minsk: RIVSh BGU, 2014, pp. 89–93.
6. Koz'mina E.Yu. Krugozor geroya v fantasticheskom avantyrno-istoricheskom romane [Mental outlook of the character in a fantastic adventure-historical novel]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal* [Siberian Philological Magazine]. No 3 (2016), pp. 117–127.

7. Leonov L.M. *Piramida* [The Pyramid]: V 2 t. Moscow: Golos, 1994, t.1. 730 p.
8. Losskiy V. *Dogmaticheskoe bogoslovie* [Dogmatic theology]. Moscow: Tsentr «SEI», 1991. 289 p.
9. Lotman Yu.M, Uspenskiy B.A. Rol' dual'nykh modeley v dinamike russkoy kul'tury (do kontsa XVIII veka) [The role of dual models in the dynamics of Russian culture (until the end of the 18th century)]. Uspenskiy B.A. *Izbrannye Trudy* [Selected Works]: V 2 t. Moscow: «Gnozis», 1994, t.1, pp. 219–254.
10. Silant'ev I.V. *Motivnyy analiz* [Motif's analysis]. Novosibirsk: NGU, 2004. 239 p.
11. Tyupa V.I. Tezisy k proektu slovarya motivov [Theses to the project of motif dictionary]. *Diskurs* [Discourse], no 2 (1996), pp. 52–55.
12. Khachaturov S. *Romantizm vne romantizma* [Romanticism beyond Romanticism]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010. 192 p.
13. Shatin Yu.V. Puteshestvie Nekhlyudova v Sibir'. K probleme initsiatsii [Nekhlyudov's journey to Siberia. To the problem of initiation]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal* [Siberian Philological Magazine], no 2 (2016), pp. 11–15.
14. Epshteyn M.N. Russkaya kul'tura na rasput'e. Sekulyarizatsiya i perekhod ot dvoichnoy modeli k troichnoy [*Russian culture at the crossroads. Secularization and the transition from the binary to the ternary model*]. http://philosophy.spbu.ru/userfiles/rusphil/Epstein_Rus_kult_rasputie.pdf (accessed 13 March, 2017).
15. Kovtun N. The Fate of the Patriarchal Myth as Depicted by Boris Ekimov: 'Kholiusha's Yard' and 'Pinochet'. *Russian Literature*, no 73(3) (2013), pp. 411–425.
16. Lipovetzkii M. The Death as Semantics of Style (Russian metaprose 1920–1930s). *Russian Literature*, no 48(2) (2000), pp. 155–194.
17. Murashov Y. The Dionysiac Mysteries of Symbolism and Structuralists' Theory of Myth (Vyacheslav Ivanov and Yuriy Lotman/Zara Mintz). *Russian Literature*, no 44(4). Pp. 443–456.
18. Shersher S. (1999). The Poetics of Despair. *Russian Literature*, no 45(4), (1999). P. 483–499.

19. Silant'ev I.V. A Becoming of motif's theory in the Russian poetics. *Russian Literature*, no 4 (2001). 4, pp. 489–516.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Задорина Алена Олеговна, доцент кафедры культурологии, кандидат филологических наук
Сибирский федеральный университет
пр. Свободный, 79, г. Красноярск, Красноярский край, 660041,
Российская Федерация
amaltea-20x@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Zadorina Alena Olegovna, Assistant Professor, Cultural Studies Department, Ph. D. in Philology
Siberian Federal University
79, Svobodny Pr., Krasnoyarsk, Krasnoyarskiy kray, 660041, Russian Federation
amaltea-20x@yandex.ru

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

(<http://soc-journal.ru/submissions.html>)

В журнале публикуются оригинальные статьи на русском и английском языках, содержащие результаты фундаментальных и теоретико-прикладных исследований в области филологии, истории и философии, а также обзорные статьи ведущих специалистов по тематике журнала.

Требования к оформлению статей

Объем рукописи	7-24 страницы формата А4, включая таблицы, иллюстрации, список литературы; для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук – 7-10.
Поля	все поля – по 20 мм
Шрифт основного текста	Times New Roman
Размер шрифта основного текста	14 пт
Межстрочный интервал	полуторный
Отступ первой строки абзаца	1,25 см
Выравнивание текста	по ширине
Автоматическая расстановка переносов	включена
Нумерация страниц	не ведется
Формулы	в редакторе формул MS Equation 3.0
Рисунки	по тексту
Ссылки на формулу	(1)
Ссылки на литературу	[2, с.5], цитируемая литература приводится общим списком в конце статьи в порядке упоминания

**ЗАПРЕЩАЕТСЯ ИСПОЛЬЗОВАТЬ
ССЫЛКИ-СНОСКИ ДЛЯ УКАЗА-
НИЯ ИСТОЧНИКОВ**

Обязательная структура статьи

УДК

ЗАГЛАВИЕ (на русском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на русском языке)

Аннотация (на русском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на русском языке)

ЗАГЛАВИЕ (на английском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на английском языке)

Аннотация (на английском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на английском языке)

Текст статьи (на русском языке)

1. Введение.
2. Цель работы.
3. Материалы и методы исследования.
4. Результаты исследования и их обсуждение.
5. Заключение.
6. Информация о конфликте интересов.
7. Информация о спонсорстве.
8. Благодарности.

Список литературы

Библиографический список по ГОСТ Р 7.05-2008

References

Библиографическое описание согласно требованиям журнала

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: улица, дом, город, индекс, страна (на русском языке)

Электронный адрес

SPIN-код в SCIENCE INDEX:

DATA ABOUT THE AUTHORS

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: дом, улица, город, индекс, страна (на английском языке)

Электронный адрес

AUTHOR GUIDELINES

(<http://soc-journal.ru/submissions.html>)

The journal publishes original articles in Russian and English, containing the results of fundamental and theoretical and applied research in the field of philology, history and philosophy, as well as review articles by leading experts on the subject of the journal.

Requirements for the articles to be published

Volume of the manuscript	7-24 pages A4 format, including tables, figures, references; for post-graduates pursuing degrees of candidate and doctor of sciences – 7–10.
Margins	all margins –20 mm each
Main text font	Times New Roman
Main text size	14 pt
Line spacing	1.5 interval
First line indent	1,25 cm
Text align	justify
Automatic hyphenation	turned on
Page numbering	turned off
Formulas	in formula processor MS Equation 3.0
Figures	in the text
References to a formula	(1)
References to the sources	[2, p.5], references are given in a single list at the end of the manuscript in the order in which they appear in the text

DO NOT USE FOOTNOTES AS REFERENCES

Article structure requirements

TITLE (in English)

Author(s): surname and initials (in English)

Abstract (in English)

Keywords: separated with semicolon (in English)

Text of the article (in English)

1. Introduction.

2. Objective.

3. Materials and methods.

4. Results of the research and Discussion.

5. Conclusion.

6. Conflict of interest information.

7. Sponsorship information.

8. Acknowledgments.

References

References text type should be Chicago Manual of Style

DATA ABOUT THE AUTHORS

Surname, first name (and patronymic) in full, job title, academic degree, academic title

Full name of the organization – place of employment (or study) without compound parts of the organizations' names, full registered address of the organization in the following sequence: street, building, city, postcode, country

E-mail address

SPIN-code in SCIENCE INDEX:

СОДЕРЖАНИЕ

ОНТОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ, ЛОГИКА И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

ПАМЯТЬ VS ЗАБВЕНИЕ: СТАНОВЛЕНИЕ КЛАССИЧЕСКОЙ
СТРАТЕГИИ ВОПРОШАНИЯ О БЫТИИ

Батухтин А.С., Наумов О.Д. 7

ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ И КУЛЬТУРЫ. ЭТИКА И ЭСТЕТИКА

ЭТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ И СТУДЕНТОВ
В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ: СОВРЕМЕННОЕ
СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ

Сережко Т.А., Кохан Ж.С. 29

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ СМЫСЛОВ
И ФОРМ ПАТРИОТИЗМА В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОГО
ВРЕМЯВЕДЕНИЯ

Каширина О.В., Муликова Н.А. 42

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

РАЗРАБОТКА ЗАКОНОВ О ГОСУДАРСТВЕННОЙ
МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ
1980-х – 2010-х ГОДАХ: ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ
И ЗНАЧЕНИЕ

Ткаченко В.В. 58

ОБЩЕЕ И ПРИКЛАДНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

О ГРАММАТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ
ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОЙ ПРОЗЫ XX ВЕКА)
Литвиненко Т.Е. 68

СЕМАНТИКА ИМЕННЫХ ГРУПП ПОЭТОНИМОВ
И ИХ ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ
Рыбакова А.А. 79

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ, ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

СОПОСТАВИТЕЛЬНО-КОНТРАСТИВНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ
СЛОВАРЬ ПИРОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ РОССИИ И США:
СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ
Софронова Т.М. 95

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЭТАПОВ
ФОРМИРОВАНИЯ ПОДЪЯЗЫКА НАУКИ О ЛЕСНЫХ ПОЖАРАХ
В РОССИИ, США И КАНАДЕ
Софронова Т.М. 111

КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

ПОНЯТИЕ КРАСОТЫ, ВЫРАЖЕННОЕ В СЛОВАХ
ЭТИМОЛОГИЧЕСКОГО ГНЕЗДА ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО КОРНЯ **leip*
Галочкина Т.А. 127

ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЗНАЧЕНИЙ СЛОЖНЫХ ГЛА-
ГОЛЬНЫХ СЛОВОФОРМ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА С ПОЗИЦИЙ
КОГНИТИВНОЙ ГРАММАТИКИ
Приходченко П.И. 139

ЯЗЫКИ И ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ РОССИИ

ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКИЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ
В ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ СОВРЕМЕННЫХ ПОЭТЕСС

Шкреба О.А. 149

РУССКАЯ И МИРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА

БИНАРНАЯ ОППОЗИЦИЯ «ПРОЗРАЧНОСТЬ-ПЛОТНОСТЬ»
В РОМАНЕ Л.М. ЛЕОНОВА «ПИРАМИДА»

Задорина А.О. 160

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ 173

CONTENTS

ONTOLOGY, COGNITIVE THEORY, LOGIC, PHILOSOPHY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

MEMORY VS OBVILION: THE FORMATION
OF A CLASSICAL STRATEGY FOR THE QUESTION
OF THE BEING

Batuhtin A.S., Naumov O.D. 7

PHILOSOPHY OF RELIGION AND CULTURE. ETHICS AND AESTHETICS

THE ETHICAL ASPECT OF PEDAGOGICAL INTERACTION
OF TEACHER AND STUDENTS IN SOCIAL NETWORKS:
MODERN CONDITION OF THE PROBLEM

Serezhko T.A., Kokhan J.S. 29

SOCIAL PHILOSOPHY

CONTINUITY OF THE MEANINGS
AND FORMS OF PATRIOTISM IN THE CONTEXT
OF SOCIAL TIME STUDY

Kashirina O.V., Mulikova N.A. 42

NATIONAL HISTORY

DEVELOPMENT OF LAWS ON THE STATE YOUTH
POLICY IN THE SECOND HALF OF THE 1980th – THE 2010th
YEARS: MAIN RESULTS AND VALUE

Tkachenko V.V. 58

GENERAL AND APPLIED LINGUISTICS

ON GRAMMAR MEANS OF LATIN AMERICAN LITERARY DISCOURSE Litvinenko T.E.	68
--	----

SEMANTICS OF POETONYMS AND THEIR FUNCTIONAL FEATURES IN THE RUSSIAN LANGUAGE Rybakova A.A.	79
---	----

**COMPARATIVE-HISTORICAL, TYPOLOGICAL
AND COMPARATIVE LINGUISTICS**

CONTRASTIVE-COMPARATIVE ELECTRONIC DICTIONARY OF FIRE SCIENCE TERMINOLOGY OF BOTH RUSSIA AND THE USA: STATE OF THE ART AND FUTURE PROSPECTS Sofronova T.M.	95
---	----

COMPARATIVE HISTORICAL ANALYSIS OF FIRE SCIENCE DEVELOPMENTAL STAGES IN RUSSIA, USA, AND CANADA Sofronova T.M.	111
---	-----

COGNITIVE LINGUISTICS AND LINGUOCULTURAL STUDIES

THE CONCEPT OF BEAUTY EXPRESSED IN THE WORDS OF THE ETYMOLOGICAL GROUP OF THE INDO-EUROPEAN ROOT <i>*leip</i> Galochkina T.A.	127
---	-----

APPLYING COGNITIVE ANALYSIS OF ENGLISH COMPLEX VERB CONSTRUCTIONS TO SECOND LANGUAGE LEARNING AND TEACHING Prihodchenko P.I.	139
--	-----

**LANGUAGES AND LITERATURE
OF THE PEOPLES OF RUSSIA**

**AUTHOR-SPECIFIC ADJECTIVES FOUND IN POETIC TEXTS
BY CONTEMPORARY POETESSES**

Shkreba O.A. 149

RUSSIAN AND WORLD LITERATURE

**THE BINARY OPPOSITION TRANSPARENCY – DENSITY
IN THE PYRAMID, THE NOVEL BY L. LEONOV**

Zadorina A.O. 160

RULES FOR AUTHORS 173

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии «ЛитераПринт»
г. Красноярск, ул. Гладкова, 6, офис 0-10
Подписано в печать и дата выхода: 31.05.2017. Заказ СИСП22017.
Тираж 5000. Усл. печ. л. 13,11. Формат 60×84/16